Годъ 13-й. Кн. XLIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 2.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1901.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Гагаузы Бендерскаго уѣзда[1]).

(Этнографическіе очерки и матеріалы)

VI.

Семейныя и общественныя отношенія у гагаузовъ.

Такъ какъ въ гагаузскихъ селахъ большинство жителей находятся между собою въ болѣе или менѣе близкомъ родствѣ, то строго разграничить ихъ отношенія семейныя, родственныя и сосѣдскія очень трудно, почти невозможно. А потому мы и не будемъ заниматься этимъ неблагодарнымъ дѣломъ, а постараемся очертить отношенія между собой жителей одного села, на сколько намъ удалось это наблюдать.

Уже изъ предыдущаго очерка „Свадьба" читатель могъ убѣдиться, что строй гагаузской семьи чисто патріархальный, съ сильнымъ преобладаніемъ въ ней отцовской власти. Тѣ новшества послѣднихъ временъ, которыя мѣстами такъ сильно расшатали семейные устои русскаго крестьянина, еще почти не коснулись гагаузовъ. Здѣсь все еще остается незыблемой и всѣми признанной аксіома, на которой покоится патріархальный строй семьи, что любой мужчина по своей организаціи несравненно выше любой женщины. А потому во главѣ всякой благоустроенной семьи непремѣнно долженъ стоять какой-нибудь мужчина. Главой семейства считается дѣдъ съ отцовской стороны. Если его нѣтъ въ живыхъ, то глава семейства— отецъ. А если и отецъ умеръ, то его замѣняетъ старшій братъ. У гагаузовъ сыновья живутъ вмѣстѣ съ отцомъ въ одномъ домѣ только до ихъ женитьбы, за исключеніемъ младшаго сына, который по обычному праву считается прямымъ наслѣдни-

[1]) „Этнографическое Обозрѣніе", кн. XLVIII.

комъ всего имущества отца. Для сына обязательно вмѣстѣ съ женитьбой устраивать себѣ свой собственный домъ. Но все это не мѣшаетъ взрослымъ, женатымъ и отдѣльно живущимъ дѣтямъ одного отца не только оказывать ему внѣшніе признаки уваженія, но подчиняться ему во всемъ, совѣтоваться съ нимъ и до весьма почтеннаго возраста чувствовавать надъ собою власть отца даже въ случаѣ полной матерьяльной отъ него независимости. Объ отношеніи родителей къ дѣтямъ у гагаузовъ мы еще не разъ будемъ говорить по поводу той или другой стороны гагаузскаго быта, здѣсь же замѣтимъ, что, по мнѣнію этого народа, отецъ имѣетъ надъ дѣтьми право жизни и смерти. Конечно, онъ никогда не пользуется этимъ правомъ въ полномъ его объемѣ, но самое признаніе его даетъ окраску всему характеру семейныхъ отношеній. Прежде всего это сказывается въ томъ, что гагаузы признаютъ въ принципѣ строгое воспитаніе дѣтей, не дающее имъ со стороны отца ни малѣйшей поблажки. Уже не говоря о томъ, что за малѣйшій проступокъ сынъ долженъ немедленно понести строгое и даже жестокое наказаніе, но отцу вмѣняется въ обязанность даже во всѣхъ отношеніяхъ примѣрныхъ и послушныхъ дѣтей время отъ времени поколачивать, не въ видѣ наказанія, а просто для порядку, чтобы изъ нихъ не вышли впослѣдствіи нравственные уроды: негодяи, воры, пьяницы и грубіяны. Однимъ словомъ, по выраженію гагаузовъ, нужно, чтобы изъ ребенка, а въ особенности сына, вышелъ человѣкъ, а не скотъ, и чтобы позже, когда они подростутъ, отцу самому не пришлось отъ нихъ плохо. Но наказаніе дѣтей, такъ же какъ и наказаніе жены, по кодексу гагаузской нравственности, должно производиться такимъ образомъ, чтобы оно не было замѣтно для людей постороннихъ, т. е. по русской пословицѣ требуется сору изъ избы не выносить. Такое требованіе ведетъ за собой то обстоятельство, что супружеское и родительское „ученіе“ въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ только случаяхъ можетъ дойти до истязанія жены и дѣтей, потому что его нельзя практиковать такимъ образомъ, чтобы этого не услыхали сосѣди. А потому Гешалманскіе гагаузы не знаютъ случая, чтобы въ ихъ селѣ жена или дѣти жаловались на побои мужа или отца въ судъ, тѣмъ болѣе, что такого рода жалобы считаются гагаузскимъ общественнымъ мнѣніемъ доказательствомъ неуваженія къ главѣ семейства, а это, по мнѣнію га-

гаузовъ, величайшій грѣхъ. Поэтому, въ случаѣ такихъ жалобъ, общественное мнѣніе села становится на сторону отца и мужа.

Есть въ отношеніяхъ гагаузскаго отца къ его сыновьямъ еще одна оригинальная черта, отъ которой вѣетъ чѣмъ то библейскимъ. Для мальчика сына большимъ стыдомъ считается показаться отцу голымъ. Точно также и отцу явиться голымъ передъ мальчикомъ сыномъ, хотя бы и на купаньи, считается большимъ стыдомъ. Но, впрочемъ, стыднымъ считается и вообще для всякаго взрослаго мужчины быть голымъ при мальчикахъ. Въ этомъ отношеніи мальчики почему-то совершенно приравниваются къ женщинамъ.

Отношенія родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и дѣтей между собою характеризуются прежде всего тѣми именами, которыми они всѣ другъ друга называютъ. Въ этомъ случаѣ у гагаузовъ существуетъ весьма сложная, но легко усвояемая посторонними, система. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, мы посмотримъ, какъ вообще гагаузы называютъ другъ друга.

Мы знаемъ уже, что всѣ гагаузы православнаго исповѣданія, а потому каждому изъ нихъ при крещеніи, такъ же, какъ и намъ, дается христіанское имя, принятое православной церковью. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ мужскія: Александръ, Андрей, Антонъ, Владиміръ, Давидъ, Кирила, Константинъ, Михаилъ, Стефанъ и др., женскія: Анна, Варвара, Марія, Домна и др. произносятся гагаузами совершенно чисто, такъ же, какъ и русскими. Другимъ придается мѣстный выговоръ съ искаженіемъ въ духѣ гагаузскаго языка, какъ напримѣръ: Алекси—Алексѣй, Йорги—Георгій, Тодур—Феодоръ и т. д. Но въ большинствѣ случаевъ имя, данное гагаузу при крещеніи, становится для него только оффиціальнымъ именемъ, подъ которымъ онъ записанъ въ оффиціальныхъ спискахъ, въ обыденной же жизни его этимъ именемъ не зовутъ, а даютъ другое имя, подъ которымъ онъ остается извѣстнымъ въ своемъ селѣ до смерти. Такія неоффиціальныя имена иногда являются производными или уменьшительными отъ его христіанскаго и оффиціальнаго имени, какъ, напримѣръ, Николая зовутъ: Кőля, Кőли, Кőльчу, а Ивана — Вȁни, Ваника, Юванъ, Юва́ньчу, Яни, Яниш, Яньчу. Но чаще всего между оффиціальнымъ именемъ и неофиціальнымъ не существуетъ ничего общаго: или человѣка зовутъ уменьшительнымъ отъ другого имени,

напр., Николая назовутъ Петри или Коста, или же назовутъ такимъ именемъ, которое ничего общаго съ его оффиціальнымъ именемъ не имѣетъ. Въ приложеніи къ настоящему очерку мы приводимъ списокъ гагаузскихъ неоффиціальныхъ именъ, въ число которыхъ входитъ много христіанскихъ, но есть много и такихъ какъ Каряк, Вацак, Кыни, Ламбу, Лефтерь и др., которыя ничего общаго съ христіанскими именами не имѣютъ. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ являются общими съ такими же болгарскими нехристіанскими именами, какъ напримѣръ: Бойку, Диму, Добре, Мирчу, Студнъ и др., а остальныхъ происхожденіе для меня неизвѣстно, но можно думать, что многія изъ нихъ принадлежатъ къ числу весьма древнихъ, еще, быть можетъ, языческихъ [1]).

Такимъ образомъ, гагаузы всѣхъ своихъ односельчанъ знаютъ подъ неоффиціальными именами и въ обыкновенномъ разговорѣ между собой рѣдко упоминаютъ ихъ фамиліи. А если въ селѣ есть два или болѣе крестьянина съ одинаковымъ именемъ, тогда ихъ называютъ по отечеству. Такъ, напримѣръ, если есть два человѣка, которыхъ зовутъ Ко́ли, то къ ихъ именамъ прибавляютъ имена, тоже неоффиціальныя, ихъ отцовъ въ родительномъ падежѣ. Получаются такимъ образомъ: Ста́нчунун Ко́лиси и Я́нчунун Ко́лиси, т. е. Коли сынъ Станчу и Коли сынъ Янчу. Если же и этой прибавки бываетъ недостаточно, если встрѣчаются двое съ одинаковыми именами и съ одинаковыми отчествами, то къ ихъ именамъ и отчествамъ прибавляютъ еще имена ихъ дѣдовъ. Такимъ образомъ получается, напримѣръ, имя: „Нико́ланын Я́ньчусунун Пе́триси", т. е. Петри сынъ Янчу сына Николы. При этомъ, для сокращенія такого длиннаго имени, опускаютъ иногда окончаніе родительнаго падежа, напр., вмѣсто „Де́мерин Ко́сти" (Костя сынъ Демера) говорятъ „Демер Кости".

Но не всегда къ именамъ сыновей прибавляютъ имена ихъ отца и дѣда, иногда называютъ не по отчеству, а, если такъ можно выразиться, по материнству, т. е. къ имени сына прибавляютъ имя его матери или бабушки, напримѣръ „Ка́ля То́дурун Але́ксиси", т. е. Алекси сынъ Тодура сына Кали (Каля или Калина—имя женское). Это дѣлается лишь въ томъ случаѣ, если мужъ у женщины померъ очень давно, такъ что многіе сосѣди уже не помнятъ его, а женщину уже давно знаютъ, какъ старшую въ домѣ.

Что касается фамилій, то, какъ было уже сказано, ихъ рѣдко вспоминаютъ въ разговорѣ, но онѣ все-таки болѣе или менѣе извѣстны сосѣдямъ. Списокъ гагаузскихъ фамилій мы представляемъ также въ приложеніи. Какъ видитъ читатель, многія изъ нихъ происходятъ отъ именъ, какъ Ангиль, Бойку, Ваника и др. Что касается остальныхъ, то онѣ носятъ на себѣ слѣды различныхъ національностей, которыя вошли въ составъ гагаузскаго народа или же стояли когда-то съ гагаузами въ близкихъ сношеніяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ фамилій несомнѣнно чисто гагаузскія, такъ какъ значеніе ихъ по гагаузски извѣстно, напримѣръ: Арабаджи—Извощикъ, Бояджи—Красильщикъ, Бююк—Большой, Гюмюш—Серебро и т. п. Другія фамиліи великороссійскія или болгарскія, какъ Грекоф, Гроздёф, Димоф, Драгумиръ, Зайку, Душка, Донецъ, Кабанъ, Край, Кулёф, Машина, Никитинъ, Панофъ, Славенъ, Статофъ, Филёфъ, Шуба и т. д. Нѣкоторыя фамиліи напоминаютъ сербовъ, какъ Князевичъ, Петковичъ, Сырбъ, Чичевичъ и др. Есть фамиліи, повидимому, греческія: Костанда, Костаки, Петраки, Потараки, Пуцаки, Тудураки и пр. Есть румынскія: Вакареску, Попоску... Наконецъ есть такія, которыя напоминаютъ малороссовъ: Галушка, Сумка, Маринофски...

Любопытно, между прочимъ, что при отдачѣ на военную службу рекрутовъ-гагаузовъ Бендерскаго уѣзда имъ почему-то прибавляютъ къ фамиліямъ турецкое окончаніе „Оглу"—сынъ, тогда какъ по гагаузски сынъ звучитъ „оолу" и окончаніе это никогда къ фамиліямъ здѣсь не прибавляется. Получаются, такимъ образомъ, совершенно непривычныя для гагаузовъ фамиліи: Край-оглу, Кёся-оглу, Терзи-оглу, Куйч-оглу и т. п. Такъ какъ наше военное и гражданское начальство этого не требуютъ, то остается допустить, что обычай прибавлять къ фамиліи окончаніе „оглу" гагаузы привезли съ собою изъ Турціи, гдѣ, быть можетъ, ихъ пріучило къ тому турецкое начальство. Или же сами гагаузы, живя въ Турціи, прибавляли къ своей фамиліи это окончаніе, подобно тому, какъ у насъ армяне изъ армянскихъ фамилій: Новосартьянцъ, Лазарьянцъ производятъ великороссійскія: Новосартьяновъ, Лазаревъ и т. п. Впрочемъ въ селѣ Этулія Измальскаго уѣзда слово „оолу" прибавляется обязательно къ каждой гагаузской фамиліи даже въ обыкновенномъ разговорѣ, напри-

мѣръ, „Манзул-оолу“ или „Кӧся-оолу“, говоря же про весь родъ, носящій одну фамилію, прибавляютъ „оолу“ во множественномъ числѣ: „Манзул-оллар“, „Кӧся-оллар“.

Кромѣ фамилій, у гагаузовъ, такъ же какъ и у нашего народа, употребительны уличныя прозвища, списокъ которыхъ мы также представили ниже. Одни изъ этихъ прозвищъ старинныя, такъ что утратилось воспоминаніе о ихъ происхожденіи и они перешли къ ихъ современнымъ обладателямъ отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ, а другія новѣйшія, которыми и теперь называютъ своихъ односельчанъ въ насмѣшку по поводу какого-нибудь курьезнаго происшествія.

Но по именамъ, по фамиліи или по прозвищу гагаузы называютъ людей за глаза, въ глаза же называютъ различно, смотря 1) по степени родства, въ которомъ находятся говорящіе, 2) въ зависимости отъ возраста того, къ кому обращаются и 3) разности въ лѣтахъ между разговаривающими. Для каждаго отдѣльнаго случая есть особыя наименованія, съ которыми гагаузскія приличія требуютъ обращаться въ томъ или другомъ случаѣ.

Дѣда по отцу и по матери называютъ „дяду“, бабку по отцу и по матери—„ба́бо. Дядей по отцу, его братьевъ родныхъ и двоюродныхъ старшихъ и младшихъ называютъ „чічу“ или „аму́джя“, а по матери—„У́йчу“ или „дайка“. Послѣднее имя даютъ тогда, когда дядя единственный братъ матери. Тетокъ родныхъ и двоюродныхъ по отцу и по матери зовутъ „ле́лю“. Отца въ глаза и за глаза называютъ „тя́тю“, мать—за глаза „ма́му“, а въ глаза—„ма́лема“. Своихъ старшихъ братьевъ при обращеніи къ нимъ называютъ „ба́тю“, а ихъ женъ—„бу́лю“. Младшихъ же братьевъ и сестеръ называютъ просто по имени. Зятя, т. е. мужа сестры, называютъ „ени́ште“, жену младшаго брата „гелин“. Двоюродныхъ братьевъ старше себя, но еще молодыхъ, называютъ „ба́тю“, а старыхъ—„ага“. Тестя въ глаза зовутъ „тя́тю“, а за глаза „ка́йната“, тещу—въ глаза—„ма́лема“, а за глаза—„ка́йнана“, старшаго брата жены—„агалык“, старшую сестру жены—„Ка́ку, младшаго брата́ жены—“кайнчу“, а младшую сестру ея—„балдыска“. Женатые на двухъ родныхъ сестрахъ называютъ другъ друга—„баджянак“. Жена называетъ младшую сестру мужа „кира́ца“, а младшаго брата его—„би́ша“. Вотъ всѣ главнѣйшія названія, обязательно употребляемыя при родственныхъ сношеніяхъ въ

гагаузской семьѣ. Надо сюда прибавить, что мужъ жену и жена мужа называютъ по именамъ, но мужъ, когда хочетъ обратиться ласково къ женѣ, прибавляетъ къ ея имени слово „мáри“, общее гагаузамъ съ болгарами, трудно переводимое на русскій языкъ, что-то въ родѣ „милая“.

Вообще ласкательныхъ выраженій у гагаузовъ немного и при томъ по кодексу приличій они дозволительны только для матери, когда она обращается къ своимъ дѣтямъ. Но отцы такія названія не употребляютъ или употребляютъ весьма рѣдко. Сюда принадлежатъ: „джя́ным“—душа моя, „айол“—милый, „евладым“—что-то вродѣ дитятю, „кудюжка“—малюточка, „мы́цка“—кошечка (съ молдаванскаго), „чоджям“—мой мальчикъ, „кызчаазым“—моя дѣвочка, „чо́джююм“—сынокъ (въ обращеніи къ старшимъ сыновьямъ) и наконецъ „ушаджим“, „ушаам“—мое дитятко.

Затѣмъ что касается своихъ сосѣдей или односельчанъ, то гагаузы принимаютъ въ разсчетъ самое отдаленное родство и въ обращеніи къ такимъ отдаленнымъ родственникамъ, разговаривая съ ними, приравниваютъ ихъ къ тому или другому поколѣнію своихъ ближайшихъ родственниковъ, т. е. 1) къ старшему поколѣнію, дѣду, бабкѣ и тогда называютъ „дя́ду“ или „ба́бо“, 2) къ поколѣнію своего отца и матери и тогда называютъ „чи́чу“ или „ба́ди“. При этомъ прибавляется также и имя того, кого называютъ: „чи́чу Я́нчу“ или „ба́ди Пе́три“, а женщинъ: „бу́лю Калйна“, „бу́лю До́мна“ наконецъ 3) къ своему поколѣнію, причемъ старшихъ себя называютъ: мужчинъ „Ко́ли ба́тю“ или „Пе́три ага“, а женщинъ: „бу́лю До́мна“, бу́лю Марі́я. Младшихъ же себя по лѣтамъ зовутъ и мужчинъ и женщинъ просто по имени.

Кромѣ того, для дальнихъ родственниковъ мужчинъ существуетъ названіе „сува́ту“ или „сва́ту“, а для женщинъ „сва́тя“. Этими именами называютъ, напримѣръ, дядю или тетку братней жены и всѣхъ ея родственниковъ, а также родственниковъ сестрина мужа. Дальнихъ родственниковъ называютъ также „ени́ште“, напримѣръ, мужа старшей сестры называютъ такъ ея младшіе братья и сестры, а ея старшіе братья и сестры называютъ его „гювя“. Тѣмъ же именемъ зовутъ и тѣхъ родственниковъ, которыхъ отецъ или мать называютъ „ени́ште“. Зятя, т. е. мужа дочери, называютъ гювя́, а невѣстку—„гелин“. Если старшій братъ жены моложе ея мужа, то мужъ называетъ его „агалык“.

Наконецъ совершенно постороннихъ односельчанъ, не подходящихъ ни подъ какое родство, называютъ „дя́ду или ба́бо", если называющему лѣтъ 20—25, а тому, котораго называютъ, лѣтъ 70—80, т. е. если онъ совсѣмъ дряхлый, такъ что еле-еле ходитъ. Если же человѣку не свыше 50—60 лѣтъ, то его зовутъ по имени съ прибавленіемъ слова „Мош" (по-молдавански — дядя), напримѣръ: Мош Ди́му, Мош Пе́три, а женщинъ того же возраста называютъ „бу́лю", причемъ къ этому названію женщины въ обращеніи къ старшимъ себя женщинамъ могутъ еще прибавлять „ма́ри бу́лю", чего мужчинамъ не дозволяется. Наконецъ къ дѣвушкамъ, которыхъ вовсе не знаютъ по имени, обращаются со словами „ма́рикыз" (милая дѣвушка) и мужчины и женщины. Кромѣ всего этого, тотъ изъ гагаузовъ, который побывалъ на поклоненіи въ Іерусалимѣ, получаетъ титулъ, которымъ его называютъ всѣ знающіе его, мужчина„—Хаджи", а женщина—„Хаджі́йка". И тогда этотъ титулъ замѣняетъ для него всѣ другія названія, онъ не только постоянно прибавляется къ имени лица, напр., „Хаджи Дими́три" или „Хаджи Ко́ли", но переходитъ отчасти и на его дѣтей. Ихъ называютъ „Хаджинын Пе́триси" или Хаджинын "Я́ньчусу", т. е. Петри сынъ Хаджи или Яньчу сынъ Хаджи.

Соотвѣтственно родству между гагаузами и ихъ взаимной титуловкѣ устанавливаются и правила обращенія между ними при встрѣчахъ. Такъ равный съ равнымъ подаютъ другъ другу правую руку, причемъ мужчины должны первые подавать руку женщинамъ. Исключеніе составляетъ только тотъ случай, когда парень приходитъ къ дѣвушкѣ въ ея домъ. Тогда уже она первая протягиваетъ ему руку. Шапку при встрѣчахъ не снимаютъ, развѣ только тогда, когда встрѣчающіеся находятся такъ далеко другъ отъ друга, что голосъ ихъ не долетаетъ. Тогда они подаютъ другъ другу сигналы сниманіемъ шапки и подниманіемъ ея вверхъ.

Что касается обычая цѣлованія въ губы, то онъ считается у гагаузовъ даже между женщинами страннымъ, неприличнымъ, предосудительнымъ и грѣховнымъ. Послѣднее мотивируется тѣмъ, что Іуда предалъ Спасителя цѣлованіемъ. Но зато у гагаузовъ чрезвычайно сильно распространенъ обычай цѣлованія рукъ. Такъ, если въ домъ приходитъ гость, хотя бы и молодой, но уже женатый, то всѣ холостые парни въ домѣ, дѣвушки и дѣти безъ исключенія цѣлуютъ у него руку, если же гость холостой, то

руку его цѣлуютъ только маленькіе дѣти. Если гагаузъ самъ приходитъ въ чужой домъ, то онъ также цѣлуетъ руки у всѣхъ старшихъ себя, хотя бы даже своихъ старшихъ братьевъ. На улицѣ одинъ у другого рукъ не цѣлуютъ, за исключеніемъ руки крестнаго отца и крестной матери. Этимъ послѣднимъ крестникъ долженъ поцѣловать руку, гдѣ бы ихъ ни встрѣтилъ. Если встрѣча произошла въ полѣ, на работѣ, то крестникъ долженъ оставить свою работу и подойти къ крестнымъ къ ручкѣ. Мы уже видѣли изъ описанія гагаузской свадьбы, что невѣстѣ приходится безпрестанно цѣловать руки ей благодѣтельствующія, хотя бы благодѣтель былъ маленькій ребенокъ, а благодѣяніе его ограничивалось одной копейкой. Далѣе на свадьбѣ всѣ „изметчи" и „зылвы" при каждой встрѣчѣ цѣлуютъ руки у всѣхъ женатыхъ участниковъ свадьбы.

Наконецъ изъ описанія же свадьбы мы видѣли, что у гагаузовъ существуетъ довольно рѣдкій обычай цѣлованія женихомъ и невѣстой у ихъ родителей колѣней и подошвъ сапога.

При всѣхъ встрѣчахъ между гагаузами, какъ въ домахъ, такъ и на улицѣ, кромѣ рукопожатій и цѣлованій рукъ, существуетъ множество выработанныхъ разъ на всегда и обязательныхъ для всѣхъ привѣтственныхъ формулъ, различныхъ на разные случаи. Если на улицѣ встрѣчаются два гагауза, то младшій изъ нихъ долженъ привѣтствовать старшаго утромъ, до полудня: „Сабансáйрысын" (Добраго утра), въ полдень: „Заман-áйрысын", а вечеромъ: „Авшам-áйрысын". На что привѣтствуемый отвѣчаетъ: „Кебетáйрысын" или „Кебетан-хáйрысын". Если встрѣчаются двое идущихъ на работу, то они говорятъ другъ другу, опять-таки начиная съ младшего: „урларозóлсун" или ýрала". Если одинъ работаетъ, а другой проходитъ мимо, то проходящій привѣтствуетъ работающаго: „Колай геля" (Пусть дѣло идетъ легко), а работающій ему отвѣчаетъ: „Алла-розóлсун". Такими же самыми привѣтствіями обмѣниваются и тогда, когда гость приходитъ въ домъ и застаетъ хозяина за работой. Если женщина встрѣчаетъ мужчину, ѣдущаго на работу, то она говоритъ ему: „Алла ярдым етсинь" (Да поможетъ тебѣ Богъ), а мужчина ей отвѣчаетъ: „Саа оласын" (Будь здорова) или „Алла версинь" (Дай Боже). При входѣ гостя въ домъ хозяинъ первый привѣтствуетъ его словами: „Сефаа гельдинь" или „Хош гельдинь" (Добро пожаловать), а

гость ему отвѣчаетъ: „Сефаа булуштук“ или „Хош булуштук“ (Будьте здоровы). Вслѣдъ за симъ особенно вѣжливый хозяинъ освѣдомляется о здоровьи своего посѣтителя: „Насы дыр кефлениз?“, на что гость отвѣчаетъ: „Іи дир шиньдиликь“ (Въ настоящее время хорошо). Если гость пришелъ въ домъ во время какой-нибудь ѣды, то хозяинъ приглашаетъ его садиться за столъ нижеслѣдующими словами, хотя бы даже былъ съ нимъ во враждебныхъ отношеніяхъ: „Буюр гель екмекь йимя“ (Пожалуйста, иди хлѣбъ есть). То же самое дѣлается и въ томъ случаѣ, если при входѣ гостя пили вино. Но если гость пришелъ не во время ѣды, то нарочно для него на столъ не накрываютъ, за исключеніемъ того случая, если гость изъ чужого села или вообще пріѣхалъ съ дороги. Угощая виномъ, хозяева говорятъ: „Шевкинизя, сефаа гельдиниз“, а гость отвѣчаетъ: „Шефкиняросун сефаа булуштук“. Когда одинъ изъ сидящихъ за столомъ кончитъ свой стаканъ вина, то хозяинъ говоритъ ему: „Афетляр олсун“ (На здоровье), а тотъ отвѣчаетъ: „Алла розолсун“ (Благодарю). Угощая гостей какимъ-нибудь кушаньемъ, хозяинъ говоритъ имъ: „Афедясиниз йыкрамы“ (Не взыщите на угощеніи). Гость благодаритъ хозяевъ за угощеніе: „Берекеть версинь“ (Дай Боже изобиліе) или „Саа оласын“ (Будьте здоровы), а хозяинъ отвѣчаетъ ему: „Алла версинь саалык“ (Дай Боже здоровье). Если между двумя гагаузами происходитъ какая-нибудь торговая сдѣлка, то по окончаніи ея они бьютъ другъ друга по рукамъ и продающій говоритъ: „Саалыджяйлян кулланáсын“ (Здорóво работать), а покупающій ему отвѣчаетъ: „Паранын хаирыны гöрясинь“ (Чтобы тебѣ видѣть счастіе отъ денегъ). Наконецъ если гость уходитъ изъ дому, то онъ говоритъ хозяину: „Кал саалыджяйлян“ (Оставайся здоровъ), а хозяинъ ему отвѣчаетъ: „Вар саалыджяйлин“ (Иди здоровымъ). Если же гость засидѣлся и уходитъ позднимъ вечеромъ, то онъ говоритъ хозяину: „Геджян сайрысын“ (Покойной ночи), а ему отвѣчаютъ: „Хаира карши“ (И вамъ того же желаемъ).

Но возвратимся однако къ семейнымъ отношеніямъ гагаузовъ, о которыхъ мы начали нашу рѣчь. Мы уже говорили, что связь между членами гагаузской семьи поддерживается даже и въ томъ случаѣ, если взрослые сыновья уже женились и живутъ отдѣльно отъ отца, въ своемъ собственномъ домѣ. Народные обычаи, ко-

торые у гагаузовъ до сихъ поръ свято соблюдаются, требуютъ, чтобы всѣ члены семьи, хотя и раздѣленные разстояніемъ, періодически въ извѣстные дни въ году посѣщали другъ друга или сходились вмѣстѣ. Одинъ изъ такихъ періодовъ наблюдается съ 1-го Января въ теченіе первыхъ пяти дней Новаго года. Въ это время всѣ женатые гагаузы вмѣстѣ со своими женами должны разнести по большому пшеничному „колачу" съ положенной на него, зарѣзанной, но не вареной курицей, съ кускомъ мяса или съ кускомъ рыбы ко всѣмъ своимъ старшимъ родственникамъ. Такими старшими родственниками для мужа считаются: 1) его отецъ и тесть, ихъ дяди и тетки, братья и сестры, 2) его и женины старшіе братья и сестры, 3) его и женины дяди и тетки по отцу и по матери и 4) его и женины старшіе, чѣмъ они, двоюродные братья и сестры тоже по отцу и по матери. Но при этомъ подношеніе „колачей" обязательно только тѣмъ изъ перечисленныхъ родственниковъ, которые женаты или состоятъ въ замужествѣ. Кромѣ того, такіе же „колачи" обязательно отнести къ крестнымъ отцамъ своему и женину, къ отцу того, у кого бывалъ „деверемъ" на свадьбѣ и наконецъ къ своимъ благодѣтелямъ, если они есть, къ такимъ, которые спасли жизнь (напримѣръ, вытащили изъ воды) или имущество (помогли выиграть важный судебный процессъ). Разносить „колачъ" ко всѣмъ этимъ лицамъ обязательно для молодыхъ хозяевъ только въ первые три года послѣ ихъ свадьбы, а затѣмъ понемногу число такихъ подношеній все сокращается. Но обязанность подносить своему отцу родному, крестному отцу, старшимъ братьямъ и благодѣтелямъ не прекращается до самой смерти. Уже изъ вышеизложеннаго видно, что не мало приходится печь „колачей" на Новый годъ каждому изъ молодыхъ хозяевъ, но количество это еще увеличивается, если случается, что женатые братья живутъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Тогда младшимъ братьямъ приходится разносить „колачи" не только своимъ родственникамъ по женѣ, но еще и всѣмъ тѣмъ, которымъ разносятъ ихъ старшіе братья. Такимъ образомъ случается, что одному семейству приходится разнести до 30—40 „колачей" и тогда они уже не разносятся, а развозятся на телѣгѣ. Впрочемъ, на практикѣ это случается очень рѣдко, такъ какъ не нужно забывать, что каждый разносящій „колачи" и самъ получаетъ отъ другихъ, а потому часть ихъ можетъ не печь, а толь-

ко передать „колачи“, полученные имъ отъ кого-нибудь другого. Хотя обязанность раздавать „колачи“ лежитъ на всѣхъ женатыхъ гагаузахъ, но тяжелѣе всего она приходится для молодыхъ супруговъ въ первые года ихъ семейной жизни. Являясь съ „колачемъ“ къ своимъ родственникамъ, вмѣстѣ съ женой, гагаузъ всегда несетъ съ собой графинъ съ виномъ. Послѣ надлежащаго привѣтствія, сказаннаго имъ хозяевамъ дома, жена передаетъ имъ „колачъ“, а мужъ угощаетъ виномъ прямо изъ горлышка. Послѣ того и хозяева угощаютъ ихъ, чѣмъ Богъ послалъ. Если родственниковъ оказывается много, то на такія посѣщенія уходятъ цѣликомъ три первые дня Новаго года.

Въ теченіе масляной недѣли гагаузы также обязательно ходятъ въ гости ко всѣмъ своимъ старшимъ родственникамъ, соблюдая при этомъ очередь старшинства. Такъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ ходятъ къ старшему брату, во вторникъ ко второму и т. д. А въ послѣднее воскресенье масляницы вечеромъ всѣ собираются цѣлыми семействами со всѣми чадами и домочадцами въ домъ къ старшему въ родѣ, т. е. къ дѣду, а если его нѣтъ, то къ отцу или къ старшему брату, чтобы испросить другъ у друга прощеніе передъ наступающимъ великимъ постомъ. Всѣ собравшіеся садятся и поочередно, начиная со старшихъ, подходятъ сначала къ самому старшему въ родѣ, потомъ ко всѣмъ старше себя, цѣлуютъ имъ руку и говорятъ: „прóстеть бени“ (прости меня), на что получаютъ въ отвѣтъ: „Алла прóстеть сени“ (Богъ тебя прости). Если при этомъ случаются родственники однолѣтки, то они другъ у друга рукъ не цѣлуютъ, а только подаютъ руки. Но малѣйшее старшинство, хотя бы только на одинъ мѣсяцъ, строго соблюдается. Когда прощаніе окончено, то всѣ садятся ужинать, при чемъ старшій изъ холостыхъ парней подаетъ всѣмъ по рюмкѣ водки, начиная съ самыхъ старшихъ.

На Пасхѣ каждая хозяйка, также какъ и на Новый годъ, печетъ множество „колачей“, которые, такъ же какъ и на Новый годъ, разносятся по всѣмъ старшимъ семейнымъ родственникамъ. Разница въ соблюденіи этого обычая сравнительно съ новогоднимъ заключается только въ томъ, что на „колачъ“ кладется не курица, не мясо и не рыба, а отъ 3-хъ до 5-ти крашеныхъ яицъ. Во вторыхъ, разноской „колачей“ занимаются уже не оба супруга, а только одна жена безъ участія мужа.

Для иллюстраціи обычая разносить „колачи" всѣмъ родственникамъ, приводимъ списокъ родственниковъ одного изъ Бешалманскихъ гагаузовъ, Николая Кöси (которымъ этотъ послѣдній долженъ былъ разнести по „колачу"), расположенныхъ въ порядкѣ ихъ старшинства.

Отцовская сторона:

1) Родіонъ Кöся, родной дядя отца (чичу); 2) Дмитрій Кöся, старшій братъ отца; 3) Петри Кöся, средній братъ отца; 4) Степанъ Кöся, младшій братъ отца; 5) Василь Сары, отецъ Дмитрія Сары, у котораго Николай Кöся былъ деверемъ на свадьбѣ; 6) Константинъ Дюльгеръ, крестный отецъ Николая Кöси; 7) Илія Терзи, мужъ Марины, племянницы отца, дочери Димитрія Кöси; 8) Кости Капаклы, дядя отца по матери (ўйчу), 9) Иванъ Капаклы, женатый сынъ Кости Канаклы.

Материна сторона:

10) Лефтерь Драгни, старшій братъ матери; 11) Тодуръ Драгни, второй братъ матери; 12) Иляна Капсумунъ, старшая сестра матери (замужняя); 13) Параскева Керо, дочь Тодура Драгни (замужняя); 14) Иляна Капаклы, вторая дочь Тодура Драгни (замужняя).

Родственники жены Николай Кöси:

15) Димитрій Сары, отецъ жены; 16) Тодуръ Сары, дядя жены по отцу; 17) Константинъ Сары, тоже; 18) Гёрги Сары, тоже; 19) Иванъ Сары, тоже; 20) Афтенія Шамайлы, тетка жены по отцу (замужняя); 21) Афтина (фамиліи не знаетъ), тоже (живетъ въ С. Баурчи); 22) Манолъ Капаклы, крестный отецъ жены; 23) Параскева Топалъ, старшая сестра жены (замужняя); 24) Иляна (фамиліи не помнитъ), тетка жены по матери (замужняя).

Итого, предстояло Николаю Кёся спечь 24 колача. Считая, что на каждый колачъ нужно 7 фунтовъ муки, требовалось ея 4 пуда 8 фунтовъ.

Чтобы закончить то, что намъ извѣстно о семейныхъ отношеніяхъ гагаузовъ, нужно сказать слова два о положеніи у нихъ

работниковъ. Безъ работника или безъ нѣсколькихъ не обходится ни одинъ зажиточный гагаузъ. Они нанимаются обыкновенно на цѣлый годъ, съ платою отъ 100 до 120 рублей на хозяйскихъ харчахъ. Въ работники чаще всего идутъ молодые люди изъ дѣтей наименѣе состоятельныхъ крестьянъ, которые собираются начать собственное хозяйство, но не имѣютъ денегъ на покупку воловъ, безъ которыхъ здѣшнее хозяйство немыслимо. Наемъ работниковъ производится обыкновенно въ началѣ великаго поста, такъ какъ около этого времени начинаются яровые посѣвы. Срокомъ найма назначается или годъ, т. е. Великій постъ слѣдующаго года, или, если хозяинъ не въ состояніи нанять работника на круглый годъ, то Дмитріевъ день. За это время платятъ отъ 60 до 80 рублей. Въ работникахъ чаще всего остаются два, три, четыре года, но иные служатъ до семи и до десяти лѣтъ. Послѣдніе случаи, впрочемъ, встрѣчаются какъ рѣдкость. Молодые люди нанимаются въ работники не всегда только въ своемъ селѣ, иногда они идутъ въ другія гагаузскія села или даже въ болгарскія и нѣмецкія колоніи. У молдаванъ приходится наниматься очень рѣдко, такъ какъ молдаване въ общемъ живутъ гораздо беднѣе, чѣмъ гагаузы.

Службѣ въ работникахъ гагаузы, не безъ нѣкотораго основанія, придаютъ значеніе наравнѣ съ окончаніемъ курса въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи. Не даромъ большинство гагаузскихъ сказокъ начинается съ того, что герой проситъ свою мать спечь ему хлѣбъ, кладетъ этотъ хлѣбъ въ сумку и идетъ наниматься въ работники, послѣ чего уже начинаются всѣ его приключенія. Дѣйствительно, за время своей службы въ работникахъ молодой гагаузъ увидитъ, испытаетъ и узнаетъ столько для себя новаго, сколько едва ли онъ увидитъ потомъ за всю свою остальную жизнь. Прежде всего онъ научается здѣсь обхожденію съ чужими людьми, затѣмъ знакомится съ сельскимъ хозяйствомъ въ его мельчайшихъ деталяхъ, а если его хозяинъ знаетъ какое-нибудь ремесло, то и съ ремеслами. Намъ не разъ приходилось встрѣчать кузнецовъ гагаузовъ, которые научились этому ремеслу, служа въ работникахъ у нѣмцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ молодой человѣкъ, живя въ чужомъ селѣ, приглядывается къ чужимъ порядкамъ, къ чужимъ нравамъ и обычаямъ, сравниваетъ ихъ со своими родными и, разумѣется, это рѣдко проходитъ для него без-

слѣдно. Здѣсь же въ чужихъ людяхъ онъ иногда присматриваетъ себѣ и невѣсту.

Такъ какъ здѣшніе работники не принадлежатъ къ числу бездомныхъ скитальцевъ, закабалившихъ себя на всю жизнь, и не сегодня завтра сами сдѣлаются хозяевами, то и отношеніе ихъ къ своимъ нанимателямъ довольно свободное, и сами хозяева смотрятъ на нихъ какъ на своего брата. Вотъ почему положеніе здѣшняго работника гагауза въ чужой семьѣ мало отличается отъ положенія его въ родномъ домѣ. Вся разница сводится къ тому, что роль его отца переходитъ къ хозяину, который фактически пользуется по отношенію къ нему всѣми правами его отца. Поэтому, если хозяинъ и поколотитъ иногда своего работника, то работникъ на это не обижается, потому что видитъ въ такихъ побояхъ только неизбѣжный аттрибутъ „науки", безъ котораго, при крутыхъ нравахъ гагаузской семейной жизни, ему на прожить и въ своей родной семьѣ. Во всемъ остальномъ работникъ живетъ у своего хозяина на положеніи родного сына, т. е. ѣстъ съ нимъ за однимъ столомъ ту же самую пищу, участвуетъ наравнѣ съ прочими членами семьи въ ея семейныхъ торжествахъ, спитъ вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми, своими сверстниками и т. д.

Чтобы отъ семейныхъ отношеній гагауза перейти къ его общественнымъ отношеніямъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о гагаузскомъ гостепріимствѣ. Если и у самыхъ цивилизованныхъ народовъ Европы гостепріимство до настоящаго времени считается добродѣтелью и не потеряло ни своей цѣны, ни значенія, то для народа, стоящаго на такой степени развитія, какъ наши бендерскіе гагаузы, гостепріимство обязательно для каждаго человѣка и составляетъ часть его культа. Значеніе слова, которымъ гагаузы обозначаютъ понятіе гостепріимства, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ нашему. Оно, если хотите, даже шире нашего. У насъ дѣло идетъ о „гостѣ", т. е. о понятіи частномъ, такъ какъ подъ гостемъ никто не понимаетъ каждаго человѣка, а у гагаузовъ гостепріимство называется „адамлык", т. е. происходитъ отъ слова „адам"— человѣкъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, безъ различія его положенія, національности, языка, цвѣта кожи и т. д. Въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ слова „адамлык", оно звучало бы чѣмъ-то вродѣ „человѣчности". Конечно, отъ слова до дѣла еще дистанція огромнаго размѣра, но во всякомъ случаѣ

можно думать, что тѣ, кому принадлежало слово „адамлык", т. е. отдаленные предки гагаузовъ, придавали этому понятію очень важное и широкое значеніе. Что касается современныхъ гагаузовъ, то достаточно познакомиться съ устройствомъ гагаузскихъ хатъ, чтобы согласиться, что гостепріимство составляетъ для нихъ далеко не шуточное дѣло. Дѣйствительно всякій гагаузъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы построить себѣ не одинъ домъ, а два. Одинъ маленькій, тѣсный и грязный, онъ строитъ для себя и называетъ его „ку́хня", а другой большой, чистый и разукрашенный внутри коврами, полотенцами и проч.—собственно домъ („евь"), предназначается исключительно для пріема гостей, и въ остальное время стоитъ совершенно пустымъ съ закрытыми ставнями. Далѣе, когда гагаузъ выбираетъ невѣсту для себя или для своего сына, то первый его вопросъ бываетъ: „йыкрам япаёр-мы ябынджія"? т. е. умѣетъ ли она оказывать уваженіе къ чужому (гостю)? Наконецъ тѣ общественные пиры, которые гагаузы по временамъ устраиваютъ и которые называются „Курбан", т. е. жертва Богу, въ дѣйствительности являются жертвой не Богу, а долгу гостепріимства.

„Курбаны" устраиваются у гагаузовъ или отдѣльными лицами или цѣлымъ сельскимъ обществомъ. Тѣ и другіе сохранились до настоящаго времени въ качествѣ переживаній. Несомнѣнно, что въ свое время они были частными и общественными моленіями, соединенными съ жертвоприношеніемъ языческимъ богамъ. [2])

Каждый состоятельный гагаузъ выбираетъ изъ родившихся у него телятъ самаго лучшаго бычка на „курбан", т. е. въ жертву Богу. Такіе бычки не пасутся вмѣстѣ съ прочимъ скотомъ въ стадѣ, а ходятъ на полной свободѣ. Имъ не возбраняется зайти въ любое поле, въ любой огородъ и ѣсть тамъ все, что имъ вздумается. Въ селѣ они извѣстны всѣмъ и каждому какъ „Аллахлык" (предназначенное для Бога) и выгнать ихъ изъ поля считается большимъ грѣхомъ [3]). Выростая въ полной свободѣ и не зная ни пастуха, ни кнута, такіе быки дѣлаются дикими и свирѣпыми. Свои односельчане ихъ не украдутъ, такъ какъ это былъ бы неотмолимый грѣхъ, а чужимъ они и сами въ руки не дадутся. По мнѣнію гагаузовъ, даже волки ихъ боятся и никогда не съѣдятъ. Къ коровамъ ихъ не подпускаютъ, это было бы грѣшно. Въ селѣ такихъ бычковъ набирается одновременно 5—7. Зимой они

содержатся на счетъ общества, для чего нанимается особый человѣкъ, который на зиму устраиваетъ дворъ съ высокимъ заборомъ, загоняетъ туда бычковъ и кормитъ. Когда такому бычку минетъ 7 лѣтъ, то онъ считается уже годнымъ на „курбан". Тогда хозяинъ или закалываетъ его и устраиваетъ пиръ, или продаетъ и деньги отдаетъ въ пользу церкви. Пиры дѣлаются только въ особо важныхъ случаяхъ, если, напримѣръ, кто-нибудь выздоровѣетъ отъ тяжкой и продолжительной болѣзни, если человѣкъ женится и у него не родятся дѣти, если онъ переходитъ въ новый домъ и т. п. Правая задняя нога и шкура жертвеннаго быка отдаются священнику, а все остальное варятъ для угощенія. День пира назначается обыкновенно на какой-нибудь праздникъ. Для созыванія гостей выбираются три или четыре молодыхъ парня, которые навязываютъ на гриву своей лошади платокъ, берутъ въ руку „чôтру" съ виномъ и объѣзжаютъ съ приглашеніемъ почти все село. Всѣ собравшіеся гости не могутъ помѣститься въ домѣ за одинъ разъ, а потому дѣлятся на 3, на 5 смѣнъ и пируютъ по очереди, начиная съ ранняго утра и до глубокой ночи. Каждому изъ гостей, кромѣ угощенія, подносится вино и рюмка водки, дается въ платокъ тарелочка, на которую положено по ложкѣ отъ всѣхъ блюдъ, подававшихся за столомъ, по одной восковой свѣчѣ и по сальной, приготовленной изъ сала жертвеннаго быка. Въ такомъ же родѣ, но въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ устраиваются „курбаны" общественные. Такъ, напримѣръ, при освященіи новой церкви въ с. Бешалма, построенной 10 или 15 лѣтъ тому назадъ, торжество было общее для всего села, а потому было заколото до 30 быковъ и до 300 барановъ. Угощеніе въ то время было въ каждомъ домѣ и каждый, свой или чужой, могъ зайти на угощеніе въ любой домъ во всемъ селѣ. Что касается водки, то ушаты ея стояли на улицахъ и каждый могъ придти и выпить, сколько ему угодно.

Кромѣ описанныхъ нами частныхъ и общественныхъ „курбановъ", которые бываютъ сравнительно очень рѣдко, у каждаго хозяина разъ въ годъ, въ какой-нибудь изъ большихъ праздниковъ, устраивается курбанъ вѣнчальный, т. е. въ память вѣнчанія хозяина. На такой „курбан" колютъ барашка и созываютъ родственниковъ. Собравшіеся гости ѣдятъ, пьютъ, поютъ и танцуютъ.

Наконецъ отдѣльными лицами дѣлаются по временамъ такъ называемыя „Аязмы", для которыхъ не существуетъ никакого опредѣленнаго времени. Хозяева устраиваютъ ихъ для здоровья, для хорошаго урожая и вообще для того, чтобы Богъ не оставилъ ихъ своими милостями. Священникъ, который приглашается на „Аязму", служитъ молебенъ и кропитъ домъ святой водой, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе для ближайшихъ родственниковъ. Зажиточные гагаузы устраиваютъ такія „Аязмы" три-четыре раза въ годъ. Если ко всему этому добавимъ угощенія на крестинахъ, именинахъ, свадьбахъ и поминкахъ, то мы увидимъ, что въ жизни гагаузовъ они играютъ весьма важное первенствующее значеніе. Но это однако вовсе не свидѣтельствуетъ о расточительности гагаузовъ, о ихъ склонности къ обжорству и чревоугодію; напротивъ, они очень воздержаны въ отношеніи ѣды и пьянства, а ихъ экономія переходитъ иногда въ скупость. Чтобы устроить по тому или другому случаю хорошее угощеніе, они въ остальное время должны иногда сильно сжиматься въ своихъ расходахъ, питаться кое-какъ и кое-чѣмъ и во многомъ себѣ отказывать. Все дѣло заключается въ томъ, что у нихъ выработалось, вѣроятно, многими вѣками глубокое убѣжденіе въ томъ, что, устраивая угощенія, они угождаютъ Богу, а воздерживаясь отъ нихъ, рискуютъ вызвать гнѣвъ Божій и навлечь на себя кару. Убѣжденіе это поддерживается, какъ и многіе другіе старинные обычаи и вѣрованья, между прочимъ и страхомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое у гагаузовъ чрезвычайно сильно. Даже болѣе, общественное мнѣніе является для нихъ такимъ деспотомъ, такимъ страшилищемъ, передъ которымъ трепещутъ не только люди бѣдные или средняго достатка, но даже деревенскіе богачи. Въ Бендерскомъ уѣздѣ есть много богачей гагаузовъ, у которыхъ состояніе перевалило за сотню тысячъ и которые между тѣмъ не могутъ разстаться съ лаптями и онучами только изъ боязни общественнаго мнѣнія. Мнѣ довелось быть въ домѣ одного изъ богачей, состоящаго уже много лѣтъ въ своемъ селѣ волостнымъ старшиной, передъ которымъ каждый изъ его односельчанъ, какъ говорится, сгибался въ дугу. Состояніе его разсчитывали никакъ не меньше тысячъ 50, у него были огромные виноградники, много земли, стада овецъ въ нѣсколько сотенъ головъ, лучшій въ селѣ двухъэтажный домъ и пр. А между тѣмъ обстановка его

жизни почти ничѣмъ не отличалась отъ обстановки всѣхъ другихъ его односельчанъ. Большой домъ его стоялъ пустымъ, предназначенный для пріема гостей, а самъ онъ со своимъ семействомъ ютился въ низенькой, грязной и тѣсной „кухнѣ“, ходилъ въ лаптяхъ, питался всякой дрянью и пр. Показывая мнѣ свой домъ и свое дѣйствительно благоустроенное хозяйство, онъ жаловался между прочимъ на то, что въ хозяйствѣ ему чрезвычайно вредитъ незнаніе настоящаго времени дня, что, не имѣя часовъ, онъ принужденъ опредѣлять время по пѣтухамъ и по солнцу. „Отчего же, спросилъ я его, вы не заведете себѣ карманныхъ или стѣнныхъ часовъ? Вѣдь въ настоящее время они такъ дешевы“. На это мой собесѣдникъ только махнулъ рукой и замоталъ головой. „Какъ можно, говорилъ онъ, съ нашимъ народомъ завести у себя часы? Мнѣ житья не будетъ отъ насмѣшекъ, каждый малый ребенокъ будетъ мнѣ въ глаза тыкать моей роскошью, мотовствомъ и расточительностью. Нѣтъ, продолжалъ онъ, вы не знаете нашего народа, ему никакъ нельзя доказать, что часы вещь необходимая въ хозяйствѣ и что за рубль можно теперь имѣть очень порядочные часы“. Другой хорошей иллюстраціей такого страннаго порядка вещей въ гагаузскомъ обществѣ, могъ бы быть случай съ однимъ гагаузомъ, служившимъ у меня въ Варшавѣ, запаснымъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ. Живя въ Варшавѣ, онъ, разумѣется, одѣвался по-европейски съ ногъ до головы, очень заботился о щеголеватости своей одежды, носилъ серебряные карманные часы и проч. Когда же мы съ нимъ поѣхали въ его родное село, то онъ не осмѣлился показаться своимъ землякамъ въ европейскомъ костюмѣ. Онъ тогда только рѣшился ѣхать домой, когда условился со своимъ братомъ, чтобы тотъ пріѣхалъ встрѣтить его на станцію желѣзной дороги и привезъ ему туда полный гагаузскій костюмъ. Тамъ онъ переодѣлся, тщательно припряталъ свой городской костюмъ, а относительно карманныхъ часовъ умолялъ меня, чтобы я какъ-нибудь нечаянно не проговорился объ нихъ кому-либо изъ его земляковъ, увѣряя, что въ противномъ случаѣ репутація его въ родномъ селѣ погибнетъ разъ навсегда и безвозвратно, что за него не согласится пойти замужъ ни одна изъ гагаузскихъ дѣвушекъ. Но человѣкъ этотъ, какъ я потомъ убѣдился, вовсе не представлялъ собой исключенія.

Несомнѣнно, что въ каждомъ человѣческомъ обществѣ общественное мнѣніе болѣе или менѣе уважается и съ нимъ приходится считаться каждому, но такой болѣзненный страхъ передъ нимъ, какъ у гагаузовъ, явленіе далеко не нормальное и не частое.

Нужны какія-либо особыя историческія или доисторическія условія, которыя могли бы его выработать. Мнѣ лично доводилось наблюдать его только въ обществахъ сектантовъ, въ еврейскомъ обществѣ и въ современномъ польскомъ интеллигентномъ обществѣ. Въ условіяхъ жизни этихъ народныхъ группъ есть то общее, что всѣ онѣ, по той или иной причинѣ, являются изолированными среди окружающихъ ихъ людей или народовъ и подвергаются со стороны этихъ окружающихъ давленію или преслѣдованію. И дѣйствительно, отдѣльные члены такой человѣческой группы чувствуютъ себя людьми въ полномъ смыслѣ этого слова только въ своемъ обществѣ, а потому привыкаютъ уважать въ лицѣ его огромную и благодѣтельную для него силу, внѣ которой нѣтъ спасенія для отдѣльной личности. Со своей стороны и общество, чувствуя огромную власть надъ своими членами, становится къ нимъ крайне требовательнымъ и жестоко наказываетъ за всякое самое ничтожное отступленіе отъ его кодексовъ. Самое обыкновенное, единственное и въ тоже время самое жестокое наказаніе, которое подобное политически безправное общество можетъ примѣнить къ своему провинившемуся члену, это остракизмъ, изгнаніе человѣка изъ своей среды или всеобщее къ нему презрѣніе. А самымъ обыкновеннымъ поводомъ къ такому наказанію, это дѣйствительная или только мнимая измѣна своимъ. Зачастую случается, что неразумная толпа, принимая за измѣну самое ничтожное нарушеніе общепризнанныхъ нравственныхъ правилъ, не колеблясь, клеймитъ человѣка самымъ страшнымъ для него словомъ—„измѣнникъ". Вотъ въ чемъ коренится необыкновенная сила общественнаго мнѣнія въ такихъ изолированныхъ группахъ и причина тяжкаго гнета, давящаго на его членовъ. Все вольнодумное, свободомыслящее и такъ или иначе не могущее выдержать надъ собою ига общественнаго мнѣнія, отпадаетъ отъ такихъ группъ, а все остающееся въ нихъ становится самымъ слѣпымъ ихъ рабомъ. Если исключительное положеніе такой народной группы продолжается цѣлые вѣка, то понятно, что обще-

ственное мнѣніе ея, все укрѣпляясь, можетъ достигнуть огромной небывалой силы, которая по инерціи продолжаетъ тяготѣть надъ членами группы даже и тогда, когда внѣшнія причины, вызвавшія такой порядокъ вещей, давно уже перестали существовать. Извѣстно, что гагаузы были въ Турціи когда-то такой преслѣдуемой и презираемой группой, а потому могли въ теченіе многихъ вѣковъ такого положенія выработать у себя сильное общественное мнѣніе, которое они не успѣли еще утратить за 80 съ небольшимъ лѣтъ, прожитыхъ ими въ Бессарабіи. Если въ оное время громы и молніи гагаузскаго общественнаго мнѣнія были направлены на сохраненіе ихъ обособленности въ средѣ турокъ и чистоты ихъ православной вѣры, то теперь они не имѣютъ другого объекта, кромѣ новшествъ послѣдняго времени. Вотъ какъ я объясняю себѣ происхожденіе и существованіе среди гагаузовъ ихъ необыкновенной боязни общественнаго мнѣнія.

Къ числу извѣстныхъ мнѣ фактовъ изъ гагаузской общественной жизни, наиболѣе ярко ее иллюстрирующихъ, нужно отнести, во-первыхъ, распредѣленіе между отдѣльными хозяевами овецъ сельскаго стада для дойки ихъ, во-вторыхъ, „меджи“, соотвѣтствующіе великорусскимъ помочамъ и малороссійской толокѣ, и, въ-третьихъ, устройство въ степи общественныхъ водопоевъ для скота.

Такъ какъ у гагаузовъ еще имѣются въ распоряженіи крупные участки земли для пастбищъ, то каждый изъ нихъ держитъ у себя овецъ, пасущихся лѣтомъ въ одномъ общественномъ стадѣ, которое для такого села, какъ Бешалма, доходитъ до 1000 головъ и болѣе. Овецъ необходимо ежедневно доить для полученія молока и сыру. Этимъ дѣломъ занимаются здѣсь исключительно мужчины. И вотъ, такъ какъ овецъ въ гагаузскомъ стадѣ очень много, то является практическое затрудненіе загонять ихъ ежедневно къ ихъ хозяевамъ при населеніи села, доходящемъ до 2500 человѣкъ. Поэтому гагаузы придумали очень остроумный способъ избѣгнуть вышеупомянутаго затрудненія. А именно, стадо овецъ ежедневно пригоняютъ только къ одному хозяину, которому предоставляется въ извѣстный вечеръ выдоить въ свою пользу все стадо, не различая своихъ овецъ отъ чужихъ. Для этого хозяинъ, собираетъ всѣхъ своихъ мужчинъ, человѣка 4—5, и съ ихъ помощью выдаиваетъ все стадо, получая сразу большое количество

молока. На слѣдующій день то же стадо пригоняется на домъ къ другому хозяину, на третій день къ третьему и т. д. При этомъ очередь соблюдается такимъ образомъ, что къ тому, у котораго овецъ больше, все деревенское стадо пригоняется чаще, а къ тому, у котораго меньше—рѣже.

„Меджи" или помочи устраиваются богатыми крестьянами въ томъ случаѣ, если они сами со своими работниками не могутъ справиться во время съ полевыми работами или съ молотьбой. На „меджи" чаще всего зовутъ родственниковъ, а если ихъ мало, то и ближайшихъ сосѣдей. Въ видѣ вознагражденія за работу участвующимъ въ помочахъ, такъ же какъ и у насъ, устраивается угощеніе съ выпивкой.

Для устройства въ степи водопоевъ всѣмъ селомъ сообща строится въ одной изъ балокъ (овраговъ) земляная плотина, которою задерживается въ балкѣ вешняя вода.

Водопои эти считаются общественною собственностью. Кромѣ такихъ запрудъ, въ разныхъ мѣстахъ степи, преимущественно на пересѣченіи двухъ дорогъ, роются колодцы или фонтаны, предназначаемые для пользованія всѣхъ проѣзжающихъ. Но это уже не общественное дѣло, а частное. Колодцы дѣлаются просто какъ доброе дѣло для общества („Хаир") какимъ-нибудь однимъ богатымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ или нѣсколькими въ складчину. Тотъ, кто построилъ общественный колодецъ, по мнѣнію гагаузовъ, на томъ свѣтѣ никогда не будетъ чувствовать недостатка въ водѣ. Подобные колодцы непремѣнно разсчитываются на долговѣчность, а потому должны быть сдѣланы очень прочно. Они снабжаются, напримѣръ, не деревяннымъ, а каменнымъ срубомъ. Строители такихъ колодцевъ пользуются среди своихъ односельчанъ большимъ уваженіемъ, а потому случается, что крестьянинъ, служащій по выбору въ какой-нибудь сельской должности, чтобы удержаться на ней и на слѣдующіе выборы, старается пріобрѣсть расположеніе своихъ согражданъ постройкой общественнаго колодца, въ которомъ въ данную минуту болѣе всего нуждаются.

Хотя, какъ мы видѣли выше, сношенія между гагаузами обставлены множествомъ взаимныхъ привѣтствій и наружныхъ знаковъ уваженія, но это не мѣшаетъ однако довольно грубому ихъ обхожденію между собой въ случаяхъ какихъ-либо ссоръ. А въ поводахъ къ такимъ ссорамъ у гагаузовъ недостатка нѣтъ. Въ обще-

ствахъ, гдѣ очень строго общественное мнѣніе, всегда открывается широкое поле для взаимныхъ пересудовъ и сплетенъ. А потому иногда одно только неосторожное слово можетъ повлечь между людьми ссору, которая потомъ можетъ перейти во вражду и взаимную ненависть. Для характеристики взаимныхъ отношеній между людьми можетъ отчасти служить недостатокъ или изобиліе у данной группы бранныхъ словъ, этихъ орудій, которыми можно оскорбить и унизить человѣка. Поэтому мы приведемъ здѣсь, составленный нами, возможно полный списокъ гагаузскихъ ругательствъ. Сюда относятся:

1) „Ешек“—оселъ, 2) „Домуз“—свинья, 3) „Кöпекь“—собака, 4) „Хайван“—скотъ, 5) „Маскара“—бездѣльникъ, 6) „Ахмак“—дуракъ, глупецъ, 7) „Дангалак“—тоже, 8) „Бластамат“—негодяй, подлецъ (съ молдаванскаго), 9) „Пезевенкь“—подлецъ, 10) „Ёттьтюрюклю“ или „Сычырган“—зас..я, 11) „Ачикаазлы“—полоротый, разиня, 12) „Курва“—ругательство для женщинъ (съ русскаго), 13) „Хороспул“—развратница, распутная, 14) „Йырты“—рваная (ругаютъ дѣвушекъ), 15) „Чума сыкайды“—чтобы тебя чума прижала, 16) „Еря гирсинь“—провались въ землю, 17) „Кара еря гиряйдин“—чтобъ тебѣ провалиться въ черную землю, 18) „Кöр джянабет“—что то въ родѣ „Слѣпой чортъ“, 19) „Кöр олайдын“—чтобъ тебѣ ослѣпнуть, 20) „Гöзлерин акайды“—чтобы у тебя глаза вытекли, 21) „Аллахтан булсун“—пусть тебя Богъ накажетъ, 22) „Аллах беланы версинь“—дай Богъ тебѣ бѣду, 23) „Канара олайдын“—чтобы тебѣ обратиться въ камень, 24) „Юда“—злой духъ (вѣрованье, общее съ болгарами), 25) „Юда сыкаджя“ или „Юда сыкайды сени“—чтобъ тебя Юда сжалъ, 26) „Шейтан“—чортъ, 27) „Шейтан аладжек“ или „Шейтан алайды“—чортъ тебя возьми, 28) „Шейтан алсын сенин башины“—чортъ возьми твою голову, 29) „Джендем ол бурдан, шейтан“—уйди отсюда въ адъ, чортъ, 30) „Джендемя гидяйдин да дöнмеяйдин“—чтобы ты въ адъ ушелъ, да не возвращался, 31) „Сиктир бя“—пошелъ къ х.., 32) „Сиктир бя калик ананын амына“—ступай ты уродъ къ матери въ ....., 33) „Сикеим мамуну“—соотвѣтствуетъ обыкновенному матерному слову, 34) „Ненесими сиктими“—тоже, 35) „Аврадыны сиктими“—тоже, съ замѣною матери женой, 36) „Анасынын бюзюню сиктимини“—тоже, съ прибавленіемъ слова „задъ“, 37) „Кызкардашыны сиктими сенин“—тоже, съ замѣ-

ною матери сестрой. Какъ видитъ читатель, гагаузы, если не превосходятъ въ количествѣ бранныхъ словъ извѣстныхъ ругателей—великороссовъ, то ни въ какомъ случаѣ и не уступятъ имъ, а между тѣмъ самымъ крѣпкимъ и самымъ оскорбительнымъ ругательствомъ у гагаузовъ считается всетаки матерное слово, произнесенное по-русски. Какъ и многіе другіе наши инородцы, гагаузы, даже не знающіе русскаго языка, прекрасно произносятъ это слово и говорятъ его съ полнымъ пониманіемъ. Вышеприведенная коллекція далеко не исчерпываетъ всего запаса гагаузскихъ ругательствъ, но если мы сюда прибавимъ рядъ грубо-циничныхъ пословицъ, которыми гагаузы язвятъ другъ друга, то должны будемъ согласиться, что народъ этотъ ругаться умѣетъ. Чтобы исчерпать вопросъ о ругательствахъ, не мѣшаетъ привести нѣсколько бранныхъ словъ, предназначаемыхъ исключительно для животныхъ и въ особенности для лошадей: 1) „Кöпекляр йисинь сенин башины"—собаки пусть съѣдятъ твою голову, 2) „Джянаварлар йисинь башыны"—волки бы съѣли твою голову, „талаф тутсун"—чтобы тебя талафъ (лошадиная болѣзнь) взяла.

Въ заключеніе настоящей главы нужно сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи гагаузскихъ селъ между собою. Эти отношенія очень напоминаютъ таковыя же отношенія у нашихъ русскихъ крестьянъ. Такъ же, какъ и у насъ, между отдѣльными селами завязывается родство при помощи брака, такъ же случаются столкновенія на пограничной межѣ изъ-за потравъ и изъ-за распашки чужой земли, иногда разрѣшающіяся такъ же, какъ и у насъ, драками или самосудомъ. Въ одной изъ пѣсенъ новѣйшаго происхожденія, записанныхъ мною, изображается такая самовольная расправа, совершенная крестьянами села Кирсова надъ крестьяниномъ села Баурчи, Дмитріемъ Михайловымъ, который пасъ свой скотъ на чужой землѣ и былъ убитъ хозяевами этой земли на мѣстѣ преступленія. Впрочемъ, такія столкновенія и самосуды въ здѣшнихъ мѣстахъ сравнительно очень рѣдки, благодаря большому земельному простору. Такъ же, какъ и у насъ, жители отдѣльныхъ гагаузскихъ селъ обмѣниваются между собою насмѣшливыми прозвищами. Я составилъ для образчика небольшой списокъ такихъ прозвищъ. Надо сказать правду, что, съ нашей точки зрѣнія, въ нихъ очень мало остроумія. Вотъ они:

С. Томай: „Томайлы—бос тайлы". Томаецъ — сѣрый жере-

бецъ, или: „Томайлы—ташаклары долайлы". Томаецъ—заплетеные шулята.

С. Бешалма: „Бешалмалы — гötю йолмалы". Бешалманецъ — драный задъ.

С. Конгазъ: „Конгазлы—домуз аазлы". Конгазецъ—свинорылый, или: „Конгазлы—бок буазлы". Конгазецъ—калъ въ горлѣ.

С. Копкуй: „Копкуйлу—гötю хуйлу". Копкуецъ—безпокойный задъ.

С. Башкюю: „Башкююлю—каз тююлю". Башкюлецъ—гусиныя перья.

С. Камратъ: „Камратлы — ешек суратлы". Камратецъ—ослиномордый.

С. Казаякъ: „Казаяклы—домуз аяклы". Казаякчанинъ—свиныя ноги (кривыя).

С. Киріетлунга: „Киретли—кöпек етли". Киріетліецъ—собачье мясо.

С. Джялтай: „Джялтайлы—ал тайлы". Джялтаецъ—рыжій жеребецъ.

С. Авдарма: „Авдармалы—кантармалы". Авдармаліецъ—взнузданный.

С. Баурчи: „Баурчулу — кöпекъ чулу". Баурчуецъ — собачья попонка.

С. Балбока: „Балбокалы—калпаанын пепси отлан тыкалы". Балбоканецъ—въ верхушку шапки сѣно натыкано. Или: „Балбокалы—сикин уджю токалы". Балбоканецъ—на концѣ... пряжка.

С. Ютюлюкюю, или Этулія: „Ӱтюлю кююлю—гötю тююлю". Этуліецъ—волосатый задъ.

Такъ же, какъ и у нашего народа, между гагаузами, жителями отдѣльныхъ селъ, можно наблюдать разницу какъ въ обрядахъ и обычаяхъ, такъ и въ говорѣ. Что касается послѣдняго, то мною были сдѣланы нѣкоторыя наблюденія, которыя печатаются въ изданіи гагаузскаго филологическаго матерьяла Императорской С-Петербургской Академіи наукъ, а потому я не буду ихъ здѣсь повторять.

ПРИМѢЧАНІЯ

¹) Обычай нѣкоторыхъ христіанъ давать людямъ некалендарныя имена существуетъ, кромѣ того, у болгаръ и у крещенныхъ вотяковъ (водяное имя). Въ статьѣ къ вопросу о некалендарныхъ именахъ (Этногр. Обозр. 1894 стр. 168) говорится, что такія же имена еще въ I-ой половинѣ 17-го вѣка существовали у русскаго народа, а затѣмъ приводятся списки такихъ именъ у Карталинцевъ, Имеретинъ, Грузинъ, Тушинъ, Пшавовъ, Хевсуровъ, Осетинъ, Сванетъ и Армянъ-Грегоріанцевъ. Любопытно, что между прочими грузинскими некалендарными именами мнѣ попалось нѣсколько сходныхъ съ гагаузкими, а именно; «Калі'я» (женское имя) и Іорданъ (мужское)—у Карталинцевъ и Гоги (уменьшительное отъ Георгій)—у Грузинъ.

²) У турецкихъ сербовъ гагаузскому «курбану» соотвѣтствуетъ обычай, называемый «Слава» (Ястр., Турецк. серб). У чувашъ каждый богатый хозяинъ обязанъ хоть разъ въ жизни сдѣлать моленіе у себя въ домѣ и принести жертву, которая, разумѣется, заключается въ общественномъ пирѣ.

З. И. Р. Г. О. по отд. этногр. т. 17 в. 2 стр. 114.

³) У бѣлоруссовъ Полоцкаго и Дриссенскаго уѣздовъ Витебской губ. „хозяинъ дома еще заблаговременно весною избираетъ изъ своихъ стадъ какую-нибудь скотину и предназначаетъ ее на убой въ день «дѣдовъ» (поминокъ), говоря: «Гэта нехай Богъ пасецъ на осяннины». Неисполненіе этого обѣта влечетъ за собою непремѣнную гибель опредѣленнаго на жертву животнаго».

Шейнъ. Бѣлор. матер. 1890 стр. 597.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мужскія имена, употребляемыя у гагаузовъ:

Аврам, Аврамчу, Александр, Алекси, Алёша, Ангиль, Андрей, Андрейчу, Антон, Антончу, Бойку, Вани, Ваника, Василь, Васильчу, Васи, Вацакъ, Ваши, Виляку, Вяльчу, Владимер, Гаврил, Гаврильчу, Гани, Герги, Гоги, Гогу, Гогуца, Гёрги, Давид, Дяку, Дяли, Демер, Диман, Димитри, Диму, Добре, Доменти, Дойку, Дойчу, Дёди, Душку, Джелес, Джюнджюна, Евдоким, Жеку, Занет, Заарія, Йипати, Йорги, Йоргица, Йоргу, Йордаки, Йордан, Йорджю, Йосуп, Йошчу, Йофчу, Игнат, Илія, Илійка, Илюшка, Калин, Каряк, Кирила, Киру, Кирчу, Кокуца, Коля, Коли, Кольчу, Константин, Коста, Костаки, Кости, Костика, Крыстю, Курти, Кыни, Лазар, Лазарчу, Ламбу, Леѳтеро, Макари, Макучу, Манол, Марин, Марку, Мачу, Миял, Миялаки, Миялка, Миялчу, Милан, Мина, Мирчу, Мити, Митика, Митиш, Митран, Митраш, Митуш, Михаил, Миша, Насти, Недяльчу, Никита, Никола, Никулай, Павеле, Павли, Панаит, Пани,

Паньти, Паул, Паулка, Пени, Пеньчу, Пети, Петку, Петри, Петрика, Петруш, Ради, Сава, Саньде, Саньдика, Сеятку, Симой, Сотир, Стайку, Станку, Станьчу, Стефан, Стефу, Стуян, Стуяньчу, Стуени, Таки, Танас, Танасчу, Тани, Ташу, Тимофти, Тодэрика, Тоди, Тодиш, Тодори, Тодур, Тодурчу, Тошу, Трифун, Трушчу, Фильчу, Фину, Хисай, Хисайчу, Штефан, Юван, Юваньчу, Яни, Яниш, Яньчу.

Употребительныя женскія имена:

Анаста, Анна, Афтенія, Афтина, Баласа, Варвара, Варя, Варика, Васила, Василка, Вилика, Домна, Домника, Домнинка, Дона, Есавета, Занофія, Зафиръ Зафирка, Заньчу, Йіляна, Йілянка, Йордана, Йорданка, Ирина, Каля, Калинка, Калица, Лянка, Ляша, Маргёла, Марія, Марина, Мани, Матрона, Матронка, Митра, Митрана, Митранка, Неда, Париш, Паришка, Пачика, Руса, Санда, Софи, Софика, Стефана, Стефанка, Стана, Стуяна, Стуянка, Титьяна, Тудора, Тудорка, Тодяна, Чанка, Юана, Юванка, Яна.

Фамиліи гагаузовъ.

Абаджи, Алинали, Ангиль, Ангильчик, Андожюк, Андри, Апостол, Арабаджи, Бабавичу, Барабайка, Бажашна, Бакаян, Балабан, Балуш, Баарган, Барлак, Беджянар, Бешку, Богдан, Боодан, Бодур, Бозгу, Бояджи, Бойку, Боклукчу, Болбача, Борта, Бузааджи, Бузат, Булгар, Булгараш, Бургуван, Бургуджю, Бурдуша, Бююк, Бызга, Вакареску, Вакол, Ваку, Ваника, Ваньчу, Васильджик, Векиль, Вельчу, Вилику, Вичу, Войку, Вылку, Вылчу, Гават, Гаврил, Гаджю, Гайдараджи, Гайтан, Галушка, Галаслы, Гамаслы, Гани, Гаргалык, Гардель, Гарчу, Герги, Гиньчу, Гирчу, Гогош, Голдурдак, Голу, Горчика, Гёрджик, Граймес, Гребеньчу, Грекоф, Грозди, Гроздёф, Гюмюш, Гуран, Гурелку, Далтавон, Даньчу, Даскал, Дачу, Дагола, Дакон, Дяку, Дяли, Дейку, Дели, Демир, Демиш, Дзелес, Дильсизич, Димитрика, Димоф, Диму, Димуджюк, Димуш, Дирек, Дмитрашку, Добри, Догили, Доминьти, Домузчу, Донец, Дони, Доньчу, Думиника, Драган, Драгни, Драгумир, Друмьёлу, Дул, Дули, Дут, Душка, Дювенджи, Дюльгер, Джеджю, Джелес, Джимджир, Джирджир, Енгеч, Енчика, Еснр, Жункан, Забун, Заврнчку, Зайку, Земзек, Занет, Зырзоп, Йіри, Йофчу, Йошмер, Йокюзчю, Йордан, Йоргу, Йороджю, Икизли, Иленку, Илійчу, Кабак, Кабан, Кавалджи, Кадын, Казанджи, Кайкы, Каймакчи, Калпак, Калпакчи, Калица, Камбур, Камбурка, Камилчу, Камп, Капаклы, Капанджи, Капраль, Капсомун, Капсыз, Кара, Караделли, Карааньчу, Карайдыллы, Караёргица, Караёргу, Карама, Карамуйди, Каранфиль, Карапепку, Карапоту, Карасенньни, Карастуян, Карачобан, Катрина, Кзуш, Кевал, Кемевьчеджик, Кер, Керяк, Кирьяк, Киру, Кирчу, Кисой, Князевич, Кобан, Ковал, Коврик, Койчу, Кол, Колтуклу, Коли, Кольчеш, Команаш, Комна, Комур, Конда, Коста, Костадиньчу, Костанда, Кочанджи, Кочаш, Кочуляны, Кошн, Кёр, Кёся, Кёсика, Костандин, Костаки, Коч, Край, Кранды, Круши, Куди, Куйджюклу, Куйч, Куладиму, Кулиш, Кулёф, Курвар, Куру, Курти, Куршумба, Куруджя, Кусурсуз, Куцар, Кученци, Кюльджю, Киркчю, Кючюк, Кывырджик, Кыллышор, Кыньчу, Кыпчаклы, Кырбоба, Кырбыйык, Кырмызы, Кырчмар, Лазар, Лала, Лаланги, Ла-

скар, Лачантар, Лози, Лопмаджи, Луку, Лупу, Леу, Леѳтерь, Лец, Либаш, Лицкан, Маври, Маджяр, Малак, Малыч, Манаѳ, Манзул, Манк, Мани, Манол, Манолчу, Маньчу, Мара, Марин, Мариноѳски, Марица, Марку, Маркуджюк, Машина, Меда, Мерджика, Миалджик, Матей, Мида, Миялка, Милан, Милитар, Миниш, Минку, Миньчу, Мирджю, Мити, Митул, Михко, Миш, Мода, Молдуван, Мостуя, Мутаѳ, Мушъяманды, Мырмыр, Нягу, Наста, Насрадин, Недялку, Недель, Нерон, Никитин, Никли, Никольчу, Никули, Новак, Орак, Орманджи, Палик, Панаит, Панаитчу, Паньди, Пани, Паниш, Паноѳ, Панку, Паньчу, Параскива, Паруш, Парѳен, Парца, Пачи, Пачу, Пею, Пеливни, Перчели, Петарчу, Петиш, Петкович, Петку, Петраки, Петри, Петрички, Пеу, Пеца, Печн, Пипича, Пиря, Плачинта, Погонцка, Пойд, Попа, Попониц, Попоску, Постол, Потораки, Пулукчу, Пупули, Пуѳонц, Пуцаки, Пырлеш, Раду, Радул, Радушка, Ракал, Ратку, Рац, Рядку, Рошка, Рус, Руси, Руснак, Савон, Сакаллы, Саалыкчи, Самси, Саньди, Сару, Сары, Святки, Сербу, Серу, Сеѳу, Сиври, Сиркели, Скембеджи, Славен, Смараньци, Смилиди, Собор, Срятку, Стамат, Стамоѳ, Сталу, Стала, Стана, Станьчу, Статоѳ, Стеѳу, Стойку, Стою, Стоку, Столар, Стуянчу, Сумка, Сыби, Сыпчу, Сырб, Табакчи, Танка, Тасмасыз, Татарджик, Татул, Ташчи, Тельпиз, Темир, Терзи, Тимоѳти, Титор, Тодур, Тодураш, Тодурчу, Толи, Томайлы, Томи, Тони, Топал, Топулзу, Топчу, Трупчу, Трушчу, Тудураки, Тудураш, Тукаю, Тукан, Тупа, Тушчу, Тюлюмень, Узун, Урум, Фаджикула, Фазлы, Фарнают, Фасина, Феги, Филёѳ, Фину, Флёрка, Форма, Фрагей, Франгу, Фрящу, Фрунза, Ходжи, Харит, Харчу, Холойджю, Хушлу, Цоцук. Цугуй, Цуры, Цынку, Чавдар, Чакан, Чакыр, Челеби, Чери, Червен, Черно, Черню, Черчель, Челенгир, Чимпаеш, Чиртма, Чиртмаджи, Чичевич, Чобан, Чобаника, Чокелек, Чолак, Чорбаджи, Чорну, Чочкан, Чывырлан, Шап, Шальвир, Шамайлы, Шейтан, Шонторок, Шоп, Шёра, Шуба, Яйман, Ялама, Яланджи, Янак, Янаки, Яни, Яниш, Яньчь, Ясон, Ясабыш, Юванджик, Юваница, Юварлак, Юларджи.

Уличныя прозвища:

Аризан, Бабай, Баласа (женское имя), Божегина, Гопи, Дабурник, Дели, Дита (Возгласы „дита, дита“ издаютъ цыгане во время своихъ танцевъ), Драгай, Женка, Жытку, Забàва (съ русскаго), Зыртма, Екишчели, Капсыз (Безъ покрышки), Кара (Черный), Кóся (Безбородый), Кара Вани (Черный Ваня), Коздалак, Копчя, Куюмджю, Кыпти, Кыпчи, Лячу, Мярту, Марули, Матаки, Матри, Мачу, Мери, Мыри, Петер, Пиру, Порятка (съ русскаго), Порòжна (съ русскаго), Пророк, Пуслаган, Сараньди, Сары (Желтый), Спиру, Сумка (съ русскаго), Сюмюклю (Сопливый), Таралешка, Татар (Татаринъ), Таук (Курица), Терзи (Портной), Тишурка, Тылылы, Урумджюк (Грекъ), Фулубай, Фысырты, Хоптантина, Хырка, Цыгай, Цырка, (Цецарка), Чанта, Чобан, (Пастухъ), Шамайлы, Шербу, Шилу, Шляка, Яван, Ярка, Яшкалак (Мокромордый), Ювай.

VII.

Отношенія гагаузовъ къ другимъ народностямъ.

Начнемъ съ болгаръ, переселившихся въ Бессарабію, также какъ и гагаузы, изъ-за Дуная. Мы уже говорили ранѣе о гипотезѣ происхожденія гагаузовъ, видящей въ нихъ потомковъ потурченныхъ болгаръ. Гипотеза эта, пришедшая изъ-за Дуная, вмѣстѣ съ гагаузами, извѣстна и въ Бессарабіи нѣкоторымъ изъ тамошняго духовенства, и само собою разумѣется, что они считаютъ ее не за гипотезу, а за историческій фактъ. Это ли обстоятельство или что другое было тому причиной, но и сами гагаузы, отнюдь не смѣшивая себя съ болгарами въ обыденной жизни и на практикѣ, въ теоріи готовы допустить свое болгарское происхожденіе. Нѣкоторые изъ нихъ увѣряли меня, что каждый гагаузъ, хотя бы онъ ни слова не понималъ при жизни по-болгарски, передъ смертью непремѣнно заговоритъ на этомъ языкѣ. Разсказчикъ передавалъ, что такой именно случай произошелъ передъ смертью съ его родной бабушкой. Вотъ почему о существованіи гагаузъ не только не знаютъ въ Россіи, но даже и въ областномъ бессарабскомъ городѣ Кишиневѣ. Скажу даже болѣе, духовенство, живущее въ гагаузскихъ колоніяхъ, большею частью называетъ гагаузовъ болгарами, говорящими по-турецки, и только тогда употребляетъ названіе гагауза, когда приходится различить гагауза отъ настоящаго болгарина. Но, между тѣмъ, тѣ же духовныя лица увѣряли меня, что они никогда не смѣшаютъ гагауза съ болгариномъ по наружному виду, хотя обѣ эти народности носятъ совершенно одинаковый костюмъ. Относительно же характера обоихъ народовъ священники, служившіе подолгу въ гагаузскихъ селахъ и въ болгарскихъ, увѣряютъ, что въ характерѣ между тѣми и другими огромная разница. Болгары, говорятъ они, угрюмы, скрытны и подозрительны, жадны и скупы, а гагаузы, наоборотъ, веселы, откровенны и довѣрчивы и хотя не щедры, но и скупыми ихъ назвать нельзя. Мнѣ самому при поѣздкѣ въ Бессарабію тоже приходилось убѣждаться, что гагаузы гораздо гостепріимнѣе болгаръ и привѣтливѣе. Но что особенно было замѣтно при переѣздѣ изъ гагаузскаго села въ болгарское, такъ это сравнительно болѣе высокая культура болгаръ. На меньшемъ участкѣ

земли они живутъ несравненно зажиточнѣе гагаузъ. Они гораздо домовитѣе гагаузовъ, у нихъ болѣе внѣшняго порядка въ хозяйствѣ и они несравненно болѣе, чѣмъ гагаузы, заботятся о своемъ просвѣщеніи. Такое невыгодное для гагаузъ сравненіе мнѣ пришлось дѣлать невольно при переѣздѣ изъ гагаузскаго села Бешалма въ болгарское Кирютня или Кортинъ. Надо сказать прежде всего, что оба эти села лежатъ одно отъ другого очень-близко, но основаны они не одновременно. Бешалма—въ 1814 году, а Кортинъ въ 1830. Жители этого послѣдняго села, какъ болѣе поздніе переселенцы изъ-за Дуная, получили несравненно меньшій земельный надѣлъ, чѣмъ Бешалманцы. А между тѣмъ какая огромная разница между этими селами во всемъ, начиная хотя бы съ дорогъ, ведущихъ въ эти селенія. Проѣзжая черезъ гагаузскія села Чадырлунга, Хайдаръ, Конгазъ и Баурчи, я всюду возлѣ дорогъ между этими селами видѣлъ по обѣимъ сторонамъ пути въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга какія-то круглыя кучки земли довольно солидныхъ размѣровъ. Заинтересовавшись происхожденіемъ этихъ маленькихъ кургановъ, я спросилъ гагауза, своего возницу: „что это такое?“ и получилъ въ отвѣтъ, что мѣстное начальство приказало всѣ главныя дороги между селами обсадить съ обѣихъ сторонъ акаціями, въ виду того, что зимою здѣсь бываютъ снѣжныя мятели, а потому для проѣзжающихъ бываетъ очень легко потерять дорогу и погибнуть въ степи. Для порядка назначено было каждому крестьянину посадить по одному или по два деревца. „Вотъ, говорилъ возница, они и садятъ каждый годъ въ этихъ кучкахъ по деревцу, но деревья эти погибаютъ: то ихъ обгрызаетъ скотъ, то ломаютъ проѣзжіе; такъ отъ этихъ посадокъ ничего и не остается, кромѣ тѣхъ кучекъ земли, которыя вы видите“.

Прекрасное и полезное распоряженіе, подумалъ я, но что же дѣлать, если оно совершенно непримѣнимо къ мѣстнымъ условіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, не ставить же къ каждому деревцу по часовому. Но каково же было мое удивленіе, когда я проѣхалъ гагаузскія владѣнія и потянулись владѣнія болгарскія. Тѣ же самыя дороги шли отъ Кортинъ во всѣ стороны и каждая представляла изъ себя чудную тѣнистую аллею, густо обсаженную акаціями. По справкѣ оказалось, что и здѣсь дороги обсажены по приказанію начальства и приказаніе это послѣдовало одно-

временно по всему уѣзду. Спрашиваю болгаръ: „развѣ у васъ здѣсь скотъ не уничтожаетъ молодыхъ акацій на дорогахъ? развѣ ихъ не трогаютъ проѣзжающіе?“ — „Какъ, говорятъ, не трогать, много деревьевъ такимъ образомъ погибаетъ, но мы ежегодно подсаживаемъ вмѣсто погибшихъ новыя и все у насъ снова въ порядкѣ“. Вотъ что значитъ характеръ народа.

При самомъ въѣздѣ въ Болгарское село прежде всего бросается въ глаза цѣлая роща густыхъ тѣнистыхъ деревьевъ. Оказывается, что это сельское кладбище. Опять-таки невольно приходитъ въ голову сравненіе съ Бешалмой. Тамъ на кладбищѣ, такъ же какъ и здѣсь, садятъ деревца на каждой могилѣ, но отъ нихъ ничего не остается, кромѣ жалкихъ прутиковъ: все объѣдаетъ скотъ. Спрашивается: отчего же здѣсь онъ не объѣдаетъ? Дома въ Кортинѣ такія же, какъ въ Бешалмѣ, глиняныя мазанки, но они гораздо крупнѣе Бешалманскихъ и чище, да, кромѣ того, здѣсь часто попадаются хаты, крытыя черепицей, какихъ въ Бешалмѣ нѣтъ ни одной. Самыя улицы въ Кортинѣ идутъ прямѣе, заборы огораживаютъ каждый дворъ, на дворахъ гораздо больше хозяйственныхъ построекъ, чѣмъ у гагаузовъ, и постройки эти гораздо солиднѣе. Словомъ, при сравненіи Бешалмы съ Кортиномъ, получается такое впечатлѣніе, что Кортинъ—это большое щегольское село, крѣпко и солидно построенное, а Бешалма большой глиняный лагерь, въ которомъ люди только недавно поселились и не надолго думаютъ остаться. Въ серединѣ Кортина также, какъ и въ Бешалмѣ, большая четыреугольная площадь, въ центрѣ которой возвышается церковь. Вокругъ церкви идетъ ограда, окружающая дворъ, густо засаженный высокими фруктовыми деревьями. Въ Бешалмѣ вокругъ церкви такой же дворъ, но фруктовыя деревья начали сажать еще только при мнѣ. Наконецъ, въ чемъ особенно рѣзкая разница между обоими селами, такъ это въ дѣлѣ просвѣщенія. Надо замѣтить, что оба разсматриваемыя нами села построили свои школы на свой счетъ безъ всякой правительственной помощи, но какая огромная разница между этими школами. Въ селѣ Бешалма одна школа, помѣщеніемъ для которой служитъ обыкновенная большая глиняная хата, состоящая изъ сѣней въ серединѣ и двухъ большихъ комнатъ по сторонамъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ помѣщается классъ, а въ другой живетъ учительница. Въ классѣ на 2500 населенія

учениковъ, посѣщающихъ школу, мальчиковъ 65, а дѣвочекъ—2. А въ Кортинѣ на такое же точно число жителей существуютъ три училища, два двуклассныхъ, имѣющихъ по одному учителю, и одно церковно-приходское. Чтобы легче сравнить между собою два сказанныхъ села въ школьномъ отношеніи, я приведу здѣсь слѣдующую таблицу, составленную для меня многоуважаемымъ священникомъ с. Бешалма, отцомъ Григоріемъ Петровичемъ Крокосомъ. Свѣдѣнія о с. Бешалма у него собраны имъ самимъ, данныя изъ Кортина онъ получилъ отъ тамошняго священника, его тестя.

	Гагаузское село Бешалма.	Болгарское село Кортинъ.	Примѣчанія Отца Григорія.
Общее число жителей . . .	2500	2500	Со всѣми временно проживающими
Число дѣтей школьнаго возраста	300	300	Приблизительно.
Сумма, которую село тратитъ на школьное дѣло въ годъ.	450 р.	1000 р.	
Стоимость зданій, занятыхъ школами	1500 р.	25000 р.	Весьма близко.
Число учащихся мальчиковъ.	65	200	Приблизительно, потому что въ обоихъ селахъ учащіеся неаккуратно посѣщаютъ классы.
„ „ дѣвочекъ .	2	15	
Сколько десятинъ земли числится у села	6000	4800	Въ Бешалмѣ, можетъ быть, найдется и больше.
Сколько десятинъ земли имѣетъ средній хозяинъ	10	8	

Само собой разумѣется, что цифры, нами взятыя, только изъ двухъ селъ еще не могутъ служить неопровержимымъ доказательствомъ высказаннаго нами положенія, но мы беремъ ихъ не какъ доказательство, а только какъ иллюстрацію къ общераспространенному въ Бессарабіи мнѣнію, что болгарская культура выше гагаузской, а потому болгары на меньшемъ участкѣ земли живутъ всегда зажиточнѣе гагаузовъ.

Церковно-приходская школа въ с. Кортинѣ совершенно такая же, какъ и въ Бешалмѣ, но для двухъ другихъ министерскихъ училищъ построенъ изъ тесанаго камня большой каменный домъ

городского образца, крытый желѣзомъ съ круглыми каменными колоннами на фронтонѣ. Окна и двери въ этомъ домѣ также большія городскія. Домъ раздѣленъ капитальной стѣной пополамъ. Въ каждой половинѣ есть по огромному залу, предназначенному для класса, настолько обширному, что Бешалманская школа войдетъ въ него вмѣстѣ съ крышей. Кромѣ того, въ каждой половинѣ отведены двѣ комнаты для учителей. Зданіе это при мнѣ было еще только-что построено и обошлось обществу довольно дорого. Правда, что многіе изъ жителей Кортина жалуются на дороговизну своего училища, но зато такого зданія для школы не было ни въ одномъ изъ видѣнныхъ мною гагаузскихъ селъ, исключая развѣ Кампрата, который только числится селомъ, а на самомъ дѣлѣ маленькій городокъ съ 10000 жителей.

Итакъ, общее впечатлѣніе, если сравнивать между собою внѣшній бытъ болгаръ и гагаузовъ, получается такое, что болгаринъ это домовитый труженикъ-земледѣлецъ, а сквозь внѣшнюю оболочку земледѣльца-гагауза все еще проглядываетъ закоренѣлый кочевникъ. Не даромъ же болгары называютъ здѣсь гагаузовъ турецкимъ словомъ „Алабарда", т.-е. человѣкъ, дѣлающій все кое-какъ. Впрочемъ, и сами гагаузы сознаютъ свою неумѣлость въ земледѣліи и винодѣліи и превосходство надъ собой не только болгаръ, но и молдаванъ. „Изъ 2000 пеньковъ (лозъ) винограда, говорятъ они, у насъ получается только 15 бочекъ вина, а болгары изъ того же количества пеньковъ ухитряются добыть 25 бочекъ". На нашъ вопросъ: почему же это такъ? отвѣчали: „потому что болгары умѣютъ ухаживать за виноградомъ, а мы — нѣтъ". „У молдаванъ, добавляли тѣ же гагаузы, это дѣло стоитъ еще лучше, чѣмъ у болгаръ". Тоже и относительно земледѣлія: болгаринъ немного засѣетъ, да хорошо обработаетъ поле, а мы засѣваемъ и больше его, да все кое-какъ, а въ концѣ концовъ выходитъ только одна слава, что мы больше десятинъ засѣваемъ, а хлѣба у насъ съ большого участка земли получается столько же, сколько у болгарина съ малаго.

Болгары въ Бессарабіи не всегда живутъ отъ гагаузовъ отдѣльными селами, есть тамъ не мало такихъ селъ, въ которыхъ тѣ и другіе живутъ вмѣстѣ въ одномъ селѣ. Чтобы получить понятіе объ отношеніи между собою этихъ двухъ народностей, нужно именно наблюдать ихъ въ такихъ смѣшанныхъ селахъ. Мнѣ дове-

лось видѣть одно изъ такихъ селъ, Кирсовъ или Башкюю (по дорогѣ изъ Камрата въ Бешалму). Половина его населена болгарами, а половина гагаузами. Интересуясь отношеніями, которыя установились здѣсь между обѣими народностями, я разспрашивалъ о томъ мѣстныхъ гагаузовъ. Изъ разсказовъ этихъ можно было убѣдиться, что отношенія эти скорѣе враждебныя, чѣмъ дружественныя. Принадлежа къ одному православному вѣроисповѣдованію и имѣя въ селѣ только одну церковь, болгары и гагаузы не смѣшиваются между собою даже въ домѣ молитвы. Одна половина церкви, правая, считается болгарской, а другая—лѣвая—гагаузской, и потому ни одинъ болгаринъ не переступитъ ногой въ гагаузскую половину, ни одинъ гагаузъ — въ болгарскую. Кладбища у обѣихъ народностей отдѣльныя, и не было еще случая, чтобы гагаузъ былъ похороненъ на болгарскомъ кладбищѣ или наоборотъ. Точно такъ же держатся болгары и гагаузы и во всемъ остальномъ. На сельскихъ сходкахъ, которыя бываютъ общими для всего села, обѣ народности стоятъ всегда другъ противъ друга въ оппозиціи. Если что-нибудь предложатъ гагаузы, то болгары ни за что съ этимъ не согласятся и наоборотъ. Согласіе между обѣими половинами бываетъ только тогда, когда на сходку производится постороннее давленіе въ видѣ неизбѣжности какого-либо единогласнаго рѣшенія или въ видѣ давленія со стороны высшихъ властей. Если болгарина выберутъ въ сельскіе старосты, то въ помощники къ нему непремѣнно долженъ быть выбранъ гагаузъ, а если гагауза, то помощникъ у него будетъ болгаринъ. Въ десятскіе выбираютъ непремѣнно поровну, сколько болгаръ, столько и гагаузовъ. Даже въ ночные сторожа не могутъ быть выбраны одни болгары или одни гагаузы. Словомъ, недовѣріе другъ къ другу полное. Народная пословица говоритъ: „стерпится. слюбится". Но въ данномъ случаѣ она оказывается непримѣнимой. Село Кирсовъ существуетъ въ настоящемъ своемъ видѣ съ 1830 года; казалось бы, было время для обѣихъ національностей и стерпѣться и слюбиться, но изъ мѣстныхъ стариковъ никто не помнитъ, чтобы отношенія были здѣсь когда-либо иныя, чѣмъ теперь. „Хбру ери" (мѣста для хороводовъ) у болгаръ и у гагаузовъ всегда бываютъ отдѣльныя, а потому обѣ національности не сходятся и въ хороводахъ. Гагаузы допускаютъ болгаръ въ свой хороводъ и даже дозволяютъ имъ ухаживать за своими дѣ-

вушками, но болгары гагаузамъ ни за что не позволятъ, изъ-за чего иногда между молодыми людьми обѣихъ національностей выходятъ серьезныя столкновенія, зачастую оканчивающіяся кровопролитными драками.

Характеризуя болгаръ, гагаузы говорятъ, что это народъ злой, жадный и скупой, но зато, добавляютъ они, болгары всегда крѣпче насъ стоятъ другъ за друга, а потому при нашихъ несогласіяхъ они всегда легче съ нами справляются, чѣмъ мы съ ними. Въ видѣ насмѣшки надъ болгарами, гагаузы выражаются такъ: „Царь Давидъ, какъ извѣстно, крестился не въ водѣ, а въ оливковомъ маслѣ, мы гагаузы крестились въ водѣ, а болгары — въ кисломъ молокѣ". Во всѣхъ ли подобныхъ смѣшанныхъ селахъ существуютъ такіе же порядки, какъ въ Кирсовѣ, я не знаю, но вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось быть у гагаузовъ, я замѣчалъ ихъ недружелюбное отношеніе къ болгарамъ, хотя у этихъ двухъ народовъ во всемъ, начиная съ костюма и внѣшняго быта, много есть общаго. Смѣшеніе между ними при помощи брака бываетъ, но сравнительно очень рѣдко, по крайней мѣрѣ рѣже, чѣмъ съ молдаванами.

Отношенія между гагаузами и молдаванами несравненно болѣе сносны, въ особенности въ гагаузскихъ селахъ Измаильскаго уѣзда, еще недавно бывшихъ подъ властію Румыніи, какъ, напримѣръ, село Конгазъ. Здѣсь почти всѣ гагаузы умѣютъ говорить по-молдавански, а нѣкоторые знакомы даже и съ молдаванской грамотой. Что же касается селъ, такъ называемой здѣсь, старой Бессарабіи, т.-е. Бендерскаго уѣзда, то хотя здѣсь и встрѣчаются отдѣльныя личности, говорящія по молдавански, но это все-таки бываетъ не часто. Между прочимъ надо замѣтить, что большинство здѣшняго сельскаго духовенства, къ какой бы національности ни пренадлежали его представители, свободно говоритъ по молдавански и пользуется этимъ языкомъ, какъ воляпюкомъ, на которомъ можно разговаривать со всѣми націями этой пестрой въ этнографическомъ отношеніи страны. Нѣкоторые изъ священниковъ, служащихъ въ гагаузскихъ селахъ, если не знаютъ гагаузскаго языка, сносятся со своими прихожанами по-молдавански. На этомъ же языкѣ они совершаютъ иногда и богослуженіе, чтобы оно было болѣе понятно для ихъ паствы.

Судя потому, что въ языкѣ гагаузовъ есть много молдаван-

скихъ словъ, можно думать, что знакомство ихъ съ этимъ народомъ началось, какъ говорится, не со вчерашняго дня. Вѣроятно, еще за Дунаемъ, въ Добруджѣ, они имѣли въ числѣ своихъ близкихъ сосѣдей молдаванъ, но въ костюмѣ, во внѣшнемъ бытѣ и въ вѣрованіяхъ гагаузы всетаки несравненно болѣе общаго имѣютъ съ болгарами, чѣмъ съ молдаванами. Въ настоящее время многіе изъ молдаванъ, имѣющихъ сравнительно съ гагаузами очень мало земли и потому живущихъ довольно бѣдно, идутъ къ гагаузамъ въ работники и научаются тогда гагаузскому языку. Бываютъ случаи, что гагаузы женятся на молдаванкахъ, въ особенности вдовцы, которые не могутъ себѣ найти невѣсты между своими гагаузами. Какъ работниковъ, гагаузы цѣнятъ молдаванъ, но приписываютъ имъ конокрадство, весьма нерѣдкое въ тѣхъ мѣстахъ. Подозрѣваютъ, что между молдаванами въ отношеніи конокрадства есть какая-то тайная организація, что есть какой-то главный конокрадъ, который скупаетъ всѣхъ ворованныхъ коней и высылаетъ ихъ за Дунай. „Если поймать конокрада, говорили мнѣ гагаузы, такъ чтобы никто этого не видалъ, то лучше всего съ нимъ тутъ же на мѣстѣ и покончить. Грѣха въ этомъ нѣтъ никакого".

Болгары и молдаване—это два народа, наиболѣе многочисленные изъ ближайшихъ сосѣдей гагаузовъ; съ ними гагаузамъ чаще всего приходится имѣть дѣло. Но, кромѣ того они, приходятъ въ соприкосновеніе: 1) съ русскими, которые съ каждымъ годомъ все въ большемъ и большемъ количествѣ появляются въ Бессарабіи, то въ видѣ служилаго люда, то въ качествѣ торговцевъ или колонистовъ, 2) съ нѣмцами, 3) съ евреями, которые въ Бендерскомъ уѣздѣ образовали не мало колоній и наконецъ 4) съ цыганами, которые въ старину „шумной толпой по Бессарабіи кочевали", но которыхъ начальство въ настоящее время всѣми мѣрами старается прикрѣпить къ землѣ.

Съ русскими гагаузы до послѣдняго времени имѣли сравнительно мало столкновеній. Кромѣ начальства, которое промчится бурею и потомъ снова куда-то исчезнетъ, и русскаго духовенства, которое составилось изъ помѣси всѣхъ мѣстныхъ національностей, гагаузы давно уже знали великороссовъ-старообрядцевъ, такъ называемыхъ по-здѣшнему „липованъ", и великороссовъ же коробейниковъ, по мѣстному „маркитановъ", которые по временамъ навѣщаютъ гагаузскія села со своими коробками. Проѣзжая по

селу на своихъ телѣгахъ съ товарами, они выкрикиваютъ: „ма̀рфа, ма̀рфа", такъ называется по здѣшнему мелочной и красный товаръ. Нѣкоторые изъ нихъ по зимамъ объѣзжаютъ гагаузскія села и скупаютъ куръ, гусей и другую домашнюю птицу, а также яйца. Кромѣ того, по лѣтамъ сюда приходятъ наниматься въ работники большей частью въ одиночку руснаки (изъ Галиціи и изъ сѣверныхъ уѣздовъ Бессарабіи), которые извѣстны у гагаузовъ подъ общимъ именемъ „райланъ" [1]). Впрочемъ, гагаузы подъ „райланами" подразумѣваютъ не однихъ руснаковъ, а и всѣхъ вообще бродячихъ русскихъ людей. Нѣкоторые изъ нихъ поселяются въ гагаузскихъ селахъ навсегда, обзаводятся семействомъ, и если сами еще не забываютъ русскаго языка, то уже во второмъ поколѣніи совершенно огагаузиваются. Я говорю собственно не о настоящемъ времени, когда для исчезновенія русской національности, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Русскаго государства, становится все меньше и меньше шансовъ, но о сравнительно недавнемъ прошломъ. Такъ, напримѣръ, въ бытность мою въ с. Бешалма мнѣ пришлось совершенно случайно встрѣтить между тамошними гагаузами одного семейнаго крестьянина, который не зналъ ни одного русскаго слова, но у котораго была физіономія чистѣйшаго великоросса, москвича или ярославца. Я спросилъ его, не русскій ли онъ, и получилъ въ отвѣтъ, что, дѣйствительно, отецъ его былъ русскій, но самъ онъ чистѣйшій гагаузъ.

Кромѣ того, въ Аккерманскомъ уѣздѣ, а отчасти и въ Бендерскомъ, попадаются кое-гдѣ между гагаузскими, болгарскими и молдаванскими колоніями колоніи малороссовъ. Одна изъ такихъ колоній, Ферапоньтьевка, находится всего въ 12 верстахъ отъ с. Бешалма. Но, несмотря на такую близость, жители этой колоніи не только не смѣшиваются съ окрестными гагаузами, но никакихъ отношеній съ ними не имѣютъ. Главнымъ препятствіемъ къ тому является, разумѣется, только языкъ.

Вотъ этимъ-то и ограничивалось отношеніе гагаузовъ къ русскому народу со времени ихъ переселенія изъ-за Дуная вплоть до семидесятыхъ годовъ, когда является новое поле для нѣкотораго сближенія этихъ національностей. А именно, до 1874 года гагаузы въ качествѣ колонистовъ были освобождены отъ воинской повинности и только съ этого года ихъ стали брать въ военную службу.

Гагаузы оказались очень способными къ военной службѣ: изъ нихъ выходятъ очень видные, смышленые, расторопные и годные на всѣ руки солдаты; къ условіямъ военной службы они легче приспосабливаются, чѣмъ всѣ наши восточные инородцы. Даже не зная до службы русскаго языка, они легко выучиваются ему и говорятъ довольно чисто. Тѣ же изъ нихъ, которые дома хоть сколько-нибудь учились въ школѣ, на службѣ попадаютъ въ унтеръ-офицеры и въ фельдфебеля, для чего, какъ извѣстно, нужно хорошо знать русскій языкъ. Между тѣмъ какъ для нашихъ восточныхъ инородцевъ, за исключеніемъ татаръ, да и то еще горожанъ, должности эти остаются совершенно недоступными.

Сельскія школы съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, которыя существуютъ теперь въ каждомъ гагаузскомъ селѣ, но которыя появились на свѣтѣ сравнительно очень недавно, даютъ еще болѣе широкое, чѣмъ военная служба, поле для столкновенія гагаузовъ съ русскимъ народомъ. Въ гагаузскихъ сельскихъ школахъ, какъ намъ приходилось наблюдать, учителямъ достается съ гагаузскими ребятами пока еще очень много труда. Учителя эти въ большинствѣ случаевъ не знаютъ ни слова по-гагаузски. А потому, принявъ въ школу мальчика, который въ жизнь свою не слыхалъ еще ни одного русскаго слова, начинаютъ съ того, что, беря ребенка за руку, говорятъ ему: „это рука“, беря за носъ, говорятъ: „это носъ“, а потомъ спрашиваютъ: указывая на руку или на носъ: „это что?“ Носъ. А „это что?“—Рука. Уча такимъ порядкомъ, нужно отъ 5-ти до 6-ти лѣтъ, чтобы гагаузскій ребенокъ хорошо выучился русскому языку и грамотѣ, такъ какъ внѣшкольной практики въ русскомъ языкѣ у него нѣтъ. Да и тотъ, который выучится русскому языку, скоро его забываетъ, по недостатку въ немъ практики. Но зато грамота русская забывается не такъ-то скоро, потому что ею пользуются, чтобы писать другъ другу письма по-гагаузски. Такимъ образомъ, напримѣръ, переписываются со своими домашними солдаты, состоящіе на службѣ: пишутъ они по-гагаузски, но русскими буквами.

Съ нѣмецкими колонистами сношенія гагаузовъ ограничиваются тѣмъ, что нѣкоторые изъ ихъ молодежи, какъ было говорено выше, поступаютъ въ работники къ нѣмцамъ, а иные, даже богатые гагаузы, нарочно отдаютъ къ нимъ въ науку своихъ сыновей, чтобы выучиться отъ нихъ кузнечному ремеслу. Такой ученикъ

или работникъ, проживши у нѣмцевъ года два-три и потомъ возвратившись въ свое родное село, производитъ между своими односельчанами фуроръ знаніемъ нѣмецкаго языка. Остальные начинаютъ къ нему относиться съ уваженіемъ, какъ къ настоящему ученому человѣку, и завидуютъ ему. Одинъ молодой гагаузъ изъ с. Бешалма собиралъ для меня гагаузскія сказки. Чтобы вознаградить его трудъ, я предложилъ ему, какъ грамотному человѣку, выбрать какую-нибудь русскую книжку, обѣщая ему купить ее. И вотъ первое, что онъ попросилъ отъ меня, къ моему удивленію, былъ учебникъ нѣмецкаго языка.

Близкое сосѣдство гагаузовъ съ нѣмцами, продолжающееся уже не одинъ десятокъ лѣтъ, оказалось для нихъ полезнымъ, потому что они уже позаимствовали и вновь продолжаютъ заимствовать отъ нѣмцевъ нѣкоторыя новости въ своемъ хозяйствѣ. Вопросъ объ этомъ заимствованіи заинтересовалъ меня въ бытность мою въ с. Бешалма, и вотъ перечень такого рода заимствованій который мнѣ удалось записать:

1) „Нѣмце йортусу"—Нѣмецкая крыша на два ската. Крыши гагаузскихъ хатъ строились раньше только на четыре ската, какъ въ Малороссіи.

2) „Нѣмце пулуу"—Нѣмецкій желѣзный плугъ. До него былъ первобытный деревянный плугъ съ желѣзными оковками.

3) „Тарапа̀шка"—родъ плуга, который будетъ мною описанъ въ отдѣлѣ „Хлѣбопашество".

4) „Ра̀ла"—Нѣмецкая борона.

5) „Нѣмце тырмасы"—Нѣмецкія грабли очень крупнаго размѣра для сгребанія сѣна.

6) Нѣмецкое приспособленіе, не имѣющее названія, для равномѣрнаго сѣянья кукурузы (см. отд. „Хлѣбопашество").

7) Нѣмецкая прялка съ колесомъ, которая уже начинаетъ замѣнять обыкновенную ручную.

8) „Нѣмце талигасы"—Нѣмецкая повозка очень легкая и прочная на желѣзныхъ осяхъ.

9) „Нѣмце хамуцу"—Нѣмецкая упряжь.

10) Нѣмецкіе сундуки, окованные желѣзомъ.

Но надо думать, что на этихъ заимствованіяхъ отъ нѣмцевъ гагаузы не остановятся и что сосѣдство нѣмецкое современемъ поможетъ имъ значительно усовершенствовать свое первобытное

сельское хозяйство, но только на это, конечно, нужно время. И дѣйствительно, г. Скальковскій, описывавшій въ 1848 году болгарскія и гагаузскія колоніи въ Бессарабіи (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1848 г.), говоритъ, что тогдашнее Министерство Государственныхъ Имуществъ, завѣдывавшее колоніями, пыталось искусственно завязать сношеніе между этими колоніями и нѣмецкими, но его попытки не увѣнчались успѣхомъ.

Съ евреями гагаузы познакомились еще, вѣроятно, задолго до своего переселенія въ Россію, такъ какъ и въ Турціи, кажется, нѣтъ недостатка въ евреяхъ, такъ что мнѣніе, которое они составили себѣ объ этомъ народѣ, далеко не ново. Въ настоящее время, хотя гагаузамъ и приходится сталкиваться съ евреями, какъ со своими сосѣдями, но эти столкновенія не имѣютъ для нихъ никакого обязательнаго характера. Евреи ѣздятъ по гагаузскимъ селамъ и скупаютъ у крестьянъ различныя произведенія сельскаго хозяйства, какъ-то: хлѣбъ, домашнюю птицу, шкуры, старыя золотыя украшенія и т. под. Но занимать у евреевъ деньги и попадать къ нимъ въ кабалу гагаузамъ не приходится, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ они живутъ зажиточно. Если же кому и понадобятся деньги до зарѣзу, то они занимаютъ въ своемъ селѣ отъ своихъ же гагаузовъ или же продаютъ лишній скотъ. Поэтому еврейскій вопросъ, весьма серьезный въ другихъ мѣстностяхъ нашего юго-запада, для гагаузовъ не представляетъ никакого интереса. Если имъ когда-нибудь и приходится вспоминать о евреяхъ, то только въ юмористическихъ сказкахъ и анекдотахъ изъ еврейской жизни. Въ такихъ разсказахъ еврей, такъ же какъ и у насъ, представляется жаднымъ къ наживѣ до смѣшного и трусливымъ до глупости.

Цыганъ гагаузы недолюбливаютъ за ихъ бродячій образъ жизни и неразлучное съ нимъ воровство. По мнѣнію гагаузовъ, убить еврея или цыгана не грѣшно, потому что евреи Христа распяли, а цыганъ приготовлялъ гвозди для этого распятія и одинъ гвоздь для пупка прибавилъ отъ себя даромъ. Въ гагаузскихъ сказкахъ цыгану всегда придается роль комическая: его либо бьютъ, либо безбожно надуваютъ, либо оставляютъ въ дуракахъ. Прилагательное „цыганскій", нерѣдко встрѣчающееся въ разговорѣ гагаузовъ, придается всегда или къ чему-нибудь необыкновенно оригинальному или къ безпорядочному до послѣдней степени.

Наибольшую антипатію чувствуютъ гагаузы къ туркамъ-османамъ. Они говорятъ, что этотъ народъ произошелъ отъ смѣси человѣка съ собакой, и открещиваются отъ всякаго родства съ нимъ. По поводу турокъ они разсказываютъ легенду, которая будетъ цѣликомъ напечатана въ изданіи гагаузскаго филологическаго матерьяла Императорской Академіи Наукъ. По этой легендѣ Константинъ, Великій Византійскій Императоръ, имѣлъ нелюбимую сестру, дѣвицу, которую онъ отправилъ въ изгнаніе, давши ей въ видѣ сторожа собаку. Но дѣвушка, живя въ уединеніи, вступила въ грѣховную связь со псомъ, отъ котораго и родила предка современныхъ османъ. А потомъ совершила грѣхъ кровосмѣшенія со своимъ роднымъ сыномъ, плодомъ котораго и явились османы. Слово „гяуръ", которымъ турки-османы называютъ христіанъ, гагаузы употребляютъ, какъ ругательство для самихъ османъ. Казалось бы, что для такой ненависти въ настоящее время гагаузы въ Бессарабіи не имѣютъ никакихъ поводовъ, такъ какъ современное поколѣніе все родилось въ Россіи и большинство его никогда въ глаза не видало турокъ-османъ. Но среди нихъ, вѣроятно, еще живы преданія о прошломъ ихъ предковъ, въ которыхъ турки представляются жестокими, кровожадными мучителями. Кромѣ того, нельзя сказать, чтобы гагаузы окончательно порвали всякую связь съ своей прежней родиной. Посредниками въ поддержкѣ этой, во всякомъ случаѣ, очень слабой связи являются, во-первыхъ, торговцы изъ-за Дуная, постоянно переѣзжающіе границу, во-вторыхъ, разные разнощики и бродячіе мастера, являющіеся въ Бессарабію изъ-за границы, и, наконецъ, наши же гагаузы, отправляющіеся на богомолье въ Іерусалимъ. Притомъ же, преслѣдованія, которыя испытали отъ турокъ задунайскіе сородичи нашихъ гагаузовъ, совершались сравнительно еще очень недавно. Г. Иречекъ разсказываетъ, что гагаузы, благодаря своему христіанскому вѣроисповѣданію, много претерпѣли отъ фанатиковъ мусульманъ. Еще въ 1877 году, т. е. передъ нашей послѣдней войной съ Турціей, большая часть городка Каварны, населеннаго гагаузами, погибла въ пламени, а гагаузское населеніе около мыса Капъ-Каліакра должно было спасаться бѣгствомъ въ скалы этого мыса отъ грабившихъ его черкесовъ и турокъ. Несомнѣнно, что слухи объ этихъ звѣрствахъ, въ свое время сильно волновавшіе всю Россію, доходили и до бессарабскихъ гагаузовъ и способство-

вали поддержанію между ними ненависти къ османамъ, которая безъ того должна бы была совершенно улечься и забыться у народа нецивилизованнаго, неимѣющаго своей исторіи и лѣтописи.

Насколько османы ненавистны нашимъ бессарабскимъ гагаузамъ, настолько же симпатичны имъ „Караманли", маленькій народецъ въ Европейской Турціи, отдѣльные представители котораго постоянно навѣщаютъ Бессарабію, въ качествѣ бродячихъ лудильщиковъ и паяльщиковъ мѣдной посуды. Народецъ этотъ, почти вовсе неизвѣстный въ этнографической литературѣ, такъ же, какъ и гагаузы, загадочнаго происхожденія. Подобно тому, какъ гагаузовъ считаютъ потурченными болгарами, караманли считаются потурченными греками, но насколько это вѣрно, пока еще одному Богу извѣстно. Несомнѣнно только то, что въ настоящее время они говорятъ по-турецки и имѣютъ свою небольшую литературу, преимущественно религіознаго содержанія. Книги свои они печатаютъ по-турецки, но греческими буквами, и вотъ эти-то книги, которыя они приносятъ съ собою на продажу въ Бессарабію, и привлекаютъ къ нимъ симпатію гагаузовъ. Свои книги караманли цѣнятъ довольно дорого, а потому рѣдкому изъ гагаузовъ удается ихъ пріобрѣсти, но у кого онѣ есть, тотъ, какъ говорится, цѣнитъ ихъ просто на вѣсъ золота. А потому, хотя въ с. Бешалма я имѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ рукахъ, но пріобрѣсти въ собственность ни одну изъ нихъ при всемъ моемъ желаніи мнѣ не удалось. Содержанія онѣ, какъ уже было сказано, почти исключительно духовнаго. Въ числѣ мною видѣнныхъ были отдѣлы изъ Библіи, Евангеліе, псалтирь, молитвенники и т п. Полусвѣтскій характеръ носили только сборники духовныхъ стиховъ апокрифическаго содержанія, какъ-то: стихъ объ Богатомъ и Лазарѣ, объ Алексѣѣ, Божьемъ человѣкѣ, о принесеніи Авраамомъ въ жертву Исаака и проч. Разсматривая имѣвшіяся у гагаузовъ книги Караманли или, какъ они называютъ, „Караманныйджя", я, разумѣется, старался прежде всего узнать, гдѣ, когда и кѣмъ онѣ напечатаны. Но, къ сожалѣнію, всѣ попадавшіеся мнѣ экземпляры были въ ужасномъ состояніи: ни у одной не было заглавнаго листа, всѣ онѣ были безъ начала и конца. Только на одной „Книгѣ Бытія" мнѣ удалось найти указаніе, что она была напечатана въ какомъ-то маленькомъ, неиз-

вѣстномъ мнѣ турецкомъ городкѣ, имя котораго я своевременно не записалъ, а потому теперь забылъ, и издана американскимъ миссіонерскимъ обществомъ. Несомнѣнно только, что видѣнныя мною книги были разныхъ годовъ и разныхъ издателей; онѣ различались и бумагой и шрифтомъ. Различалось въ нихъ даже написаніе различныхъ турецкихъ звуковъ. Въ одной изъ книгъ какой-либо звукъ изображался одной греческой буквой, въ другой—другой. Какъ уже было сказано, книги караманли представляютъ въ гагаузскихъ селахъ порядочную рѣдкость, кромѣ ихъ дорогой, не всякому доступной, цѣны еще и потому, что караманли бываютъ здѣсь сравнительно очень рѣдко, раза два три въ годъ, и что между гагаузами не много знатоковъ этихъ книгъ и умѣющихъ ихъ читать. Въ с. Бешалма мнѣ указали на 4—5 знатоковъ и любителей такихъ книгъ, между которыми выше всѣхъ стоялъ нѣкій Петръ Капсызъ, много помогавшій мнѣ при собираніи настоящаго этнографическаго матеріала. Это былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ около 30-ти, но для крестьянина-гагауза очень свѣдущій. Кромѣ книгъ караманли, съ которыми онъ очень легко управлялся, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ въ своемъ селѣ русскаго и молдаванскаго языковъ, на которыхъ совершенно свободно читалъ и писалъ. Знанія свои онъ пріобрѣлъ сначала въ мѣстной сельской школѣ, а затѣмъ при постоянномъ знакомствѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ и при ревностномъ участіи въ церковномъ богослуженіи, которое совершается здѣсь или по-славянски или по-молдавански. Капсызъ пѣлъ на клиросѣ и читалъ молитвы за причетника. Между прочимъ, во время каждой обѣдни онъ читалъ съ разрѣшенія священника молитву Господню и Символъ вѣры на нарѣчіи караманли, и надо было видѣть какую сенсацію вызывало всякій разъ между гагаузами это чтеніе. Хотя гагаузы, надо имъ отдать справедливость, весьма ревностно посѣщаютъ свою церковь, но ведутъ себя въ ней иногда просто непозволительно. Слушая славянскую обѣдню, изъ которой большинство не понимаетъ ни единаго слова, они естественно, при всей своей религіозности, не могутъ спастись отъ одолѣвающаго ихъ утомленія и скуки, а потому мало-по-малу начинаютъ перекидываться между собою словечкомъ, другимъ, чтобы не задремать. Разговоръ этотъ, въ началѣ отрывистый и тихій, становится затѣмъ все оживленнѣе и громче, переходя незамѣтно для самихъ

разговаривающихъ въ такой громкій шумъ, что священникъ, чтобы не быть заглушеннымъ, принужденъ время отъ времени кричать изъ алтаря: „тише". Само собою разумѣется, что священникъ чувствуетъ себя отъ всего этого въ очень неловкомъ положеніи, видя что его никто не понимаетъ. Чтобы быть болѣе понятнымъ, онъ пытается на слѣдующее воскресенье служить по-молдавански, но и это мало помогаетъ дѣлу, потому что и молдаванскій языкъ очень мало понятенъ. Это-то обстоятельство и заставило ввести чтеніе на языкѣ караманли, и, дѣйствительно, нельзя узнать гагаузовъ, когда начинается это чтеніе. Слыша звуки родственнаго, хотя тоже не совсѣмъ понятнаго для нихъ языка, они оживляются. Глаза ихъ горятъ, на лицахъ написана радость, а тишина водворяется такая, что, какъ говорится, становится слышенъ полетъ мухи. Гагаузы, какъ я убѣдился, всегда съ удовольствіемъ слушаютъ чтеніе книгъ караманли, но улавливаютъ изъ чтенія ихъ только общій смыслъ, такъ какъ многія отдѣльныя слова для нихъ незнакомы и непонятны. Въ общемъ они понимаютъ изъ этого чтенія не больше, чѣмъ нашъ русскій простолюдинъ, никогда не учившійся въ школѣ, понимаетъ церковно-славянскія книги. Иную фразу онъ понимаетъ отчетливо съ начала до конца, отъ другой уловитъ только общій смыслъ, изъ третьей ухватитъ лишь нѣсколько словъ, ему понятныхъ, а остальное возсоздастъ своей фантазіей. Стихъ объ Авраамѣ, приносящемъ въ жертву своего сына Исаака, нѣкоторые изъ гагаузовъ передѣлали на свой языкъ съ караманлійскаго печатнаго текста и поютъ его въ сильномъ искаженіи и съ большими пропусками. Вотъ текстъ этого стиха:

Авраамын Аллахы аклындан булду,	Богу Авраама на умъ пришло,
Евлат курбан кесьмякь Аллахтан емир олду.	Сына въ жертву заколоть было приказаніе отъ Бога.
Уйкудан калкты эджидан долду.	Всталъ отъ сна, горечью наполнился.
Калдырды кахыры гöзлерня.	Печаль поднялась къ глазамъ.
Калк Авраам деер-Ангелос емир вар сана:	«Встань Авраамъ, сказалъ Ангелъ, есть для тебя приказаніе:
Курбан еть оолуну хакитына,	Принеси сына въ жертву непремѣнно,
Тезлія чикасын Хаджилык даана,	Какъ можно скорѣе иди въ Іерусалимскій лѣсъ,
Гöстерени сана курбан ерини.	Я укажу тебѣ мѣсто жертвы».

— Оѳ юрям чарпыды, джаным титиреди,	— Охъ, сердце мое укололъ, душа моя трепещетъ,
Боба насыл кессинь бир текь оолуну?	Какъ заколетъ отецъ единственнаго сына?
Бу-му-йди бана Аллахын севгилиси?	Таковъ ли у меня былъ Божій любимецъ?
Пекь саклардым тембихлерини	Я скрылъ приказаніе (?)
Бу насыл емирьдирь Аллахым бана!	Боже, какое мнѣ приказаніе!
Боба насыл кыйсын бир евладыны?	Какъ заколетъ отецъ единственнаго сына?
Аджяба данаянырмы доюран ана?	Развѣ перенесетъ это родившая его мать?
Аман бобам етьмяя бööля зулуму.	Отче помилосердуй, не дѣлай мнѣ такого зла.
Бени алда баашла бир оолуму.	Меня возьми, но подари мнѣ моего сына.
Садака верейм хепь маасулларымы,	Въ жертву тебѣ я отдалъ бы все мое имущество,
Сана курбан едейм сюрелерми.	Принесъ бы тебѣ въ жертву мои стада.
Пекь четиньджя гельди бизя бу емир:	Очень тяжело намъ это приказаніе:
Юрекми даяныр олса да демир.	Если бы сердце мое было желѣзное и то бы оно не вынесло.
Ангелос деер: «нааѳиле сööлерсин.	Ангелъ говоритъ: «напрасно ты разговариваешь.
Инанмазп, башка хабер беклеерсин,	Невѣрный, ты ожидаешь другого приказанія,
Бу емири ялан ериня тутэрсін.	А это приказаніе считаешь ложнымъ.
Сана сööлеерим»: тут тембихлерини.	Говорю тебѣ: «исполни повелѣніе».
Камыш гиби титиреер бу заиѳ елим	— Какъ камышъ, трепещетъ моя рука,
Не деим Аллахым, куруду дилим.	Боже, что скажу я? засохъ языкъ мой.
Ангелос деер: Аллахта сöсь ики олмас.	Ангелъ говоритъ: «у Бога двухъ словъ не бываетъ».
Аллахын бу емири герія калмас.	Это Божье приказаніе назадъ не возьмется.
Аллах сендян бир шей алмас,	Богъ ничего болѣе отъ тебя не возьметъ,
Кабутьлетьмас бу сöзлеринь бирини.	Не приметъ ни одного изъ твоихъ словъ».
Сара деер: «неичин бööля саклээрсын?»	Сара говоритъ: «зачѣмъ ты такъ скрытничаешь?
Аджиланыи аалээрсын?	Горюешь и плачешь?

Уяныкмысын йокса уюклайормысын?	Проснулся ли ты? Не спишь ли?
Бана сёёледи, верь бу башина геляянлери?	Скажи мнѣ, что пришло тебѣ въ голову?»
Аврам деер Сара: «сян фасыл олмаа	Авраамъ говоритъ Сарѣ: «не дѣлай глупости,
Ят ериньдя, уйкусуз калмаа».	Ложись на свое мѣсто, не оставайся безъ сна».
Бени гиби сянда аджидан долча».	Не предавайся горю такъ, какъ я».
Аврам деер: «оолумузу Аллах истеер курбан,	Авраамъ говоритъ: «нашего сына Богъ хочетъ въ жертву,
Емир едеер мутлак бозулмас ферман,	Приказалъ твердо, его приказаніе не измѣнится,
Буламанс буна бир да йимдат.	Нѣтъ средства помочь этому.
Бозаманс Аллахын емирлерин.	Не будемъ нарушать Божьяго приказанія».
—Не дир бу дуйдуум, не дир бу сёзляр?	— Что значитъ это чувство? Что значатъ эти слова?
Бёёлями умардык Аллахтан бизляр?	Того ли мы ожидали отъ Бога?
Чёшмеляр бааласын бу ики гёзлери,	Пусть фонтаны слезъ сольютъ вмѣстѣ два моихъ глаза,
Ташлара урайм бян дизлерми,	Ударю я о камень моими колѣнами,
Варайм, оолуму уяндрайм,	Пойду, сына разбужу,
Чыраклара одун кырдырайм,	Работникамъ велю дрова рубить,
Струментлери ериня койдурайм.	Орудія (казни) на мѣсто положу.
Версин бизя баашишлерни.—	Пусть тамъ даетъ намъ награду:
Татлы оолум, калк, сахрая гиделим,	Милый сынокъ, встань, пойдемъ на мѣсто,
Ярадан Аллаха курбан еделим,	Богу, Творцу, принесемъ жертву,
Аллахын емирини гюделим,	Исполнимъ Божіе приказаніе,
Версинь икимизя баашишларны.	Чтобы Онъ далъ намъ двоимъ награду.
Сара деерки»: бельки маалим олмуштур	Сара говоритъ: «можетъ быть это у него предчувствіе,
О себебя уйкулара далмыштыр?	Что спалъ онъ крѣпкимъ сномъ?
Бенимъ яврум ёледжеени бильмиштыр.	Мой птеньчикъ предчувствовалъ свою смерть.
Боба, брак рахат урайм	Отецъ, дай мнѣ спокойно уснуть,
Татлы уйкулара исля доейм.	Чтобы я сладкимъ сномъ насладился.
Вакыт гелиньдя, бян уянайм,	Придетъ время, я проснусь,
Ачамеерым бу уйкудан гёзлерими,	Глаза мои не открываются отъ этого сна,
Анайола екмекь хазыр едеджек.	Матушка приготовитъ хлѣба на дорогу.
Билями чыраклар да геледжек?	Вмѣстѣ ли съ нами пойдутъ работники?

Син, Бан и Софер катыры юклед-
жек?
—Калк чапук, гиин о рубаларны.—
Анам бана неичин мелил бакаер?

Юреерьдя бир аджимы вар якайор?
Дурмас гöзлериндян яшлар акеер,
Койнундан чыкармас ики еллерни?

Анасы боюна сарылырды.
Аврам гöрдюкчан дарылырды.
Курбан ичин одун кыраларды,
Хазыр еттиляр хиибилерни.
Аалама мале, тезь геледжям,
Сана даа алмасы гетиреджям,
Герджик чичеклярдан топлайджям.
Исля сакла беним кихатларымы.
Бу ааламак бени шюпелендреер,
Юреени якеер пиреленьдиреер.
Бобам бракмайор йолландыреер
Бян юреняиедим аслыны.
—Уссулнан гидинь уурлар олсун.
Йолунуз балнан сют олсун.

Бир таа ёпеим гöзлерини.
Исаак одунлары сыртына алды,
Аврам бир аджа кахыра калды.

Бютюн омудуну Аллаха браады.

Ааламак гевшетти дамарларны.
Ште гельдик, оолум, брак одуннары,

Еря бираз диньленелим йорулдук
зеря;
Оджяа япаим бян шу чукура.
— Отур, б ба, оджяа бян япаим,
Ярадан Аллаха бян да тапаим.
Гетирь, боба, еллерини, бян öпеим.
Верясин оолуна дуваларны.
Боба, яптым оджяа, гель да бакасын,

Бир коюн коюп якасын,
Ыкар чакмааны, чакмак чакасын.
Чкалым курбан одинарны.

Синъ, Банъ и Соферъ нагрузятъ ли
мула?
— Встань скорѣе, надѣнь это платье.
Матушка зачѣмъ на меня жалостно
смотритъ?
Не печаль ли жжетъ ея сердце?
Непрерывно изъ глазъ слезы льются,
Отъ груди не отнимаешь своихъ
рукъ?

Мать обняла его шею.
Авраамъ, видя это, бранился.
Для жертвы дрова рубили,
Приготовляли мѣшки.
«Не плачь, матушка, я скоро приду,
Тебѣ лѣсное яблоко принесу,
Красивыхъ цвѣтовъ наберу.
Хорошенько спрячь мои книги.
Этотъ плачь меня тревожитъ,
Сердце мое жжетъ и безпокоитъ.
Отецъ не перестаетъ посылать
Я не узналъ правды».
— Спокойно иди, счастливъ будь.
Нашъ путь пусть будетъ молоко съ
медомъ.

Еще разъ я поцѣлую твои глаза.
Исаакъ взялъ дрова на спину,
Аврааму осталась одна горькая то-
ска.

Всю надежду онъ возложилъ на
Бога.

Отъ плача размякли его жилы.
«Вотъ мы пришли, сынокъ, оставь
дрова,

Немного отдохнемъ на землѣ, мы
утомились;
Очагъ я сдѣлаю въ этой ямѣ.
— Сядь, отецъ, очагъ сдѣлаю я.
Богу Творцу я помолюсь.
Дай, отецъ, твои руки, я поцѣлую.
Дай сыну твоему благословеніе.
Отецъ, я сдѣлалъ очагъ, приди по-
смотри,

Овцу положи и зажги,
Вынь кремень и высѣки огонь.
Зажжемъ жертвенныя дрова.

— Татлы оолум, аз динненясин,	— Милый сынокъ, отдохни немного,
Бесиледжек коюнун иисси сян си,	Овца, которую мы зарѣжемъ — ты,
Анан дурмас евдя хемень сян башанасын	Мать не можетъ остаться дома, только чтобъ ты вырвался,
Аслы зиптедямеер бу дертьлерни.—	Не можетъ выдержать этого горя.
Боба, кесь, та атеша атма,	«Отецъ, рѣжь (меня), но въ огонь не бросай,
Гӧзюню чевирь да каныма бакма,	Глаза твои отверни, на мою кровь не смотри,
Пекьча баала аяамы еллими,	Покрѣпче свяжи мои ноги и руки,
Топра кой якма гӧзяль тенини.	На землю положи, не жги моего красиваго тѣла.
Бир гюнь гелься гӧрея анам бенимь кемикле рини.	Пришло бы время и мать увидѣла бы мои кости.
. . . .	. . . .

Конца стиха мои знакомые гагаузы не знали, потому что въ ихъ книжкѣ конецъ былъ оторванъ.

Какъ видитъ читатель, стихъ этотъ довольно поэтиченъ и въ изложеніи его много вложено чувства. Тѣмъ труднѣе было передать его на гагаузскомъ простонародномъ языкѣ, грубомъ и неспособномъ выразить очень тонкія и глубокія чувства.

Въ заключеніе настоящаго очерка необходимо упомянуть два слова о тѣхъ національностяхъ, которыхъ гагаузы вовсе не знаютъ; они имѣютъ однако о нихъ нѣкоторое теоретическое представленіе и упоминаютъ имена ихъ въ своихъ сказкахъ и пѣсняхъ. Сюда принадлежатъ татары и арабы („Харап").

О татарахъ гагаузы знаютъ, что этотъ народъ жилъ въ Бессарабіи до ихъ переселенія сюда и неизвѣстно куда ушелъ. Татарамъ они приписываютъ всѣ клады, находимые въ ихъ мѣстности, и насыпку кургановъ, повсюду встрѣчающихся въ здѣшней степи. О самихъ татарахъ гагаузы думаютъ, что это народъ нечистый, потому что ѣстъ падаль и другіе отбросы. Разсказываютъ также про татаръ, что они ѣдятъ конину, но такъ какъ это мясо очень сладко, то чтобы хоть немного умѣрить его сладость, татары прибавляютъ къ нему при ѣдѣ нюхательнаго табаку. Въ сказкѣ объ Александрѣ Македонскомъ передается, что царь этотъ отдалъ татарамъ на съѣденіе трупы растерзанныхъ его львами миѳическихъ одноглазыхъ людей. Кромѣ татаръ обыкновенныхъ, по мнѣнію гагаузовъ, есть еще татары-калмыки, которые считаются ими настоящими людоѣдами. [2]).

Подъ словомъ арабъ гагаузы, такъ же какъ и нашъ народъ, понимаютъ негра. Въ гагаузскихъ сказкахъ, такъ же какъ и во многихъ болгарскихъ пѣсняхъ и сказкахъ, арабъ всегда играетъ роль злодѣя, разрушающаго семейное счастье злыми кознями. Въ иныхъ же случаяхъ слово арабъ является синонимомъ невольника.

ПРИМѢЧАНІЯ

[1]) Происхожденіе слова «райлан» такъ объясняется въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза (подъ редакціей Андріевскаго, т. 6, на слово «Бессарабская губернія»):

Названіе райлянъ прилагалось прежде къ галицкимъ выходцамъ русняканъ и малороссамъ, «занимающимъ весь Хотинскій уѣздъ и прилежащія къ нему части уѣздовъ Сорокскаго и Ясскаго, которыя составляли когда-то христіанскую провинцію турецкихъ владѣній, подчиненную Хотинскому пашѣ».

[2]) Мнѣніе это принадлежитъ не однимъ гагаузамъ. Такъ въ д. Малая Дубровица гмины Костеневиче, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ., отъ крестьянъ малороссовъ я записалъ два разсказа, въ которыхъ передается, что въ старину жилъ сильный народъ «Камлуки» (испорченное Калмыки) съ единственнымъ глазомъ во лбу, питавшійся мясомъ маленькихъ дѣтей. Если сопоставить съ этими разсказами, кромѣ того, разсказъ, записанный мною отъ Астраханскихъ ногайцевъ (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. 12 в. 1 стр 64) о томъ, какъ ихъ герой, Казыръ-Мухаметъ или Хазретъ-Ьхали, воевалъ съ народомъ, который назывался «ктай-Калмага» (Китайцы-калмыки), то является предположеніе, что всѣ эти разсказы относятся къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда предки гагаузовъ жили въ сосѣдствѣ съ калмыками и вели съ ними ожесточенныя войны.

В. Мошковъ.

Сословно-поземельный вопросъ и раятская зависимость въ Дагестанѣ.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сословно-поземельный вопросъ въ Дагестанѣ послѣ водворенія русскихъ на Кавказѣ. Происхожденіе и исторія раятской зависимости.

Глава I.

Водвореніе русскихъ въ Дагестанѣ. Принципъ status quo ante и политика невмѣшательства во внутреннія дѣла ханствъ. Страшное желаніе власти хановъ въ этотъ періодъ. Историческій обзоръ отношеній русской власти, въ лицѣ главнокомандующихъ, къ ханамъ и характеристика власти послѣднихъ подъ владычествомъ русскихъ до 1868 года.

Первыя попытки водворенія русскихъ въ Дагестанѣ начинаются съ половины XVI вѣка.

Въ 1559 году, какъ передаетъ Степенная книга (т. II, 295), было послано по просьбѣ кабардинскихъ князей на Шамхала царское войско, которое и заставило его примириться съ кабардинскими князьями и вступить въ подданство Московскаго государя.

Послѣ этого похода въ теченіе XVI—XVIII вѣковъ намъ извѣстенъ цѣлый рядъ походовъ [1]) въ Дагестанъ, отличавшихся однимъ и тѣмъ же характеромъ и имѣвшихъ, не исключая и знаменитаго похода Петра Великаго въ 1722 году, одинаковый исходъ.

---

[1]) Наиболѣе извѣстными были походъ 1560 г. подъ начальствомъ Ив. Сем. Черемисинова, 1586 г.—кн. Хворостина, 1590 г. кн. Засѣкина, 1604 г. Бутурлина и Плещеева и проч. Вып. I. Шамх. Тарков. ib. 56., Попко, Терскіе казаки ib. 27, 29, 34—46, Акты Ист. т. 4 № 57 Соловьевъ Исторія т. VII гл. 3-4.

Царское войско обыкновенно доходило до Тарху—столицы Тарковскаго владѣнія,—разоряло ихъ, основывало одну, другую крѣпость и, заставивъ Шамхала принять русское подданство и дать заложниковъ, удалялось обратно въ Россію. Вслѣдъ за этимъ основанная крѣпость попадала въ руки Шамхала и послѣдній становился вновь фактически независимымъ, или, вѣрнѣе, номинально зависимымъ отъ Россіи или Персіи, смотря по обстоятельствамъ... У него даже была, какъ сообщаетъ Попко, печать, на одной сторонѣ которой была надпись, обозначавшая персидское подданство, а на другой—московское, и онъ прикладывалъ ее къ своимъ бумагамъ той или иной стороной, смотря по тому, кому и куда писалъ[1]).

Только со временъ Екатерины II послѣ походовъ Барона Медема, графа Зубова и проч. русскіе болѣе прочно водворяются на берегахъ Каспійскаго моря и оказываютъ вліяніе на дѣла Дагестана.

Съ этого же времени опредѣляется направленіе русской политики къ Дагестану и создается извѣстная программа отношеній русской власти къ дагестанскимъ владѣльцамъ, лучшую формулировку которой мы находимъ у Гудовича въ его донесеніи Императрицѣ Екатеринѣ II отъ 7 ноября 1791 года.

Придерживаясь взгляда Потемкина, ставившаго главною цѣлью пребываніе русскаго войска на Кавказѣ и флота въ Астрахани—„покровительствовать русской коммерціи“ [2]), Гудовичъ въ своемъ вышеназванномъ донесеніи совѣтуетъ „наблюсти тонкую осторожность и политику, и оказывающимъ къ Россіи опыты большого усердія не войти въ войну съ другими, почитая лучшею пользою, не входя въ предупрежденіе и пристрастье личное къ тамошнимъ владѣльцамъ, ни въ ихъ собственныя интриги, усиливать тѣхъ только, которые, Россіи будучи преданы, могутъ быть полезны и стараться чужими руками приводить въ безсиліе таковыхъ, которые и наклонности не оказываютъ къ доброжелательству“ [3]).

Той же политики держится и послѣдующая русская власть конца XVIII-го и начала XIX вѣка, которая за все это время

---

[1]) Попко. Терскіе казаки ib. 71.

[2]) Кавказскій сборникъ. Приложеніе. Донесеніе Гудовича стр. 415.

[3]) Кавказ. сборникъ ib. 416—417, примѣры политики: Отношеніе къ Сурхаю и Аслану; см. также Акты Кав. Ком. VI в. 2 № 157.

совершенно не вмѣшивается во внутреннее управленіе хановъ, а зорко слѣдитъ только за отношеніями хановъ другъ къ другу и внѣшнимъ поведеніемъ ихъ подданныхъ. Согласно съ этимъ сущность всѣхъ трактатовъ [1]), заключенныхъ въ это время, обыкновенно сводится къ слѣдующему:

1) не признавать надъ собой ничьей власти, кромѣ власти русскаго императора и его наслѣдниковъ:

2) съ ханами, дружественными Россіи, жить мирно и разбираться въ ссорахъ третейскимъ судомъ между собою или въ случаѣ несогласія обращаться къ Государю Императору;

3) давать войско союзникамъ и сообщать о всякомъ дурномъ умыслѣ на нихъ черезъ гонца и ополчаться противъ враговъ общихъ;

4) удерживать своихъ подвластныхъ отъ грабежа, шалости и обиды противъ дружественныхъ Россіи хановъ;

5) ограждать безопасность своей области и Грузіи и не давать грабить торгующихъ купцовъ.

Владѣтели, подписывавшіе эти условія, поступали въ русское подданство и получали инвеститурную грамоту на ханство, вмѣстѣ съ которой имъ жаловались подарки, чины и часто жалованіе подъ разными благовидными предлогами, такъ напр. въ 1793 году Шамхалу жалуется ежегодно 2000 рублей, яко бы „на содержаніе войска въ всегдашней готовности на службу Россіи и оборону Шамхальства" [2]).

Внѣшній надзоръ надъ тѣмъ, насколько ханы исполняли условія договора, былъ ввѣренъ русскимъ мѣстнымъ военачальникамъ и комендантамъ. Имъ же предписывалось и оказывать поддержку ханамъ въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ того, насколько тотъ или другой ханъ былъ преданъ Россіи.

Возлагая въ 1819 году управленіе Кубанскою провинціей и надзоръ за поведеніемъ Дагестанскихъ владѣльцевъ на Барона Вреде, вотъ что пишетъ ему Ермоловъ:

„Генералъ-лейтенанту Шамхалу Тарковскому оказывать уваженіе, и если будетъ просить о защитѣ его противъ его непріятелей, то успокоить его, увѣряя, что Россійское правительство

[1]) Акты т. II № 1571 стр. 766, т. III № 729 стр. 385—386, т. V № 778, 634—635 и другіе.

[2]) Шамхалы Тарковскіе ib. 62.

всегда будетъ ему покровительствовать... Вашему Превосходительству полезно знать, что по недѣятельности, по черезмѣрной скупости и наконецъ по неувѣренности въ подвластныхъ онъ самъ собою ни для собственныхъ выгодъ, ни для насъ ничего не предприметъ. Уцмій Каракайтагскій—человѣкъ самыхъ измѣнническихъ свойствъ, недовѣрчивый и правительству нашему не преданный, долженъ до нѣкотораго времени пользоваться Вашимъ вниманіемъ, ибо нужно, чтобы владѣнія его были спокойны, что много обезпечить можетъ сообщеніе Дербента съ Кизляромъ.

Полковникъ Асланъ-ханъ Кюринскій замѣченъ вѣрнымъ и усердствующимъ, но въ томъ желаю я наиболѣе удостовѣриться, ибо предмѣстникъ Вашъ генералъ Пестель нѣсколько разъ дѣлалъ противныя на счетъ его замѣчанія.

Сурхай-ханъ Казикумухскій, нѣсколько разъ измѣнявшій и на котораго никакъ положиться не должно, требуетъ осторожнаго съ нимъ поведенія и потому оказывать ему вѣжливость и ни въ чемъ не вѣрить“ [1]).

Отсюда видно, во-первыхъ, что все вниманіе правительства сосредоточивалось на внѣшнихъ отношеніяхъ хановъ другъ къ другу и къ русскому правительству, во-вторыхъ, какъ кротко и снисходительно должны были относиться русскіе начальники къ дагестанскимъ владѣльцамъ.

Только измѣна и упорное нежеланіе подчиняться требованіямъ Россіи могли повлечь для хана непріятныя послѣдствія... Но какъ только ханъ приносилъ повинную, ему тотчасъ же возвращались съ владѣніемъ прежняя милость и благоволеніе... Въ это время бывали случаи принятія въ подданство послѣ двухъ, трехъ и даже четырехъ измѣнъ [2]). За весь періодъ времени съ конца XVIII в. по 1820 годъ намъ извѣстенъ всего одинъ случай съ Шихъ-Али-ханомъ Дербентскимъ, отъ котораго за измѣну и постоянныя сношенія съ Персіей было отнято владѣніе и передано по приказу Александра I въ 1806 году на ханскихъ правахъ Мехти-Шамхалу [3]).

---

[1]) Акты. т. VI в. II. № 14.

[2]) Комаровъ А. В. Казикумухскіе и Кюринскіе ханы ib. 15—27.

[3]) Акты т. III № 729 стр. 385—386.

Многочисленныя измѣны хановъ доказали русскому правительству неправильность и вредъ этой слишкомъ мягкой политики. Поэтому отношенія русской власти къ ханамъ нѣсколько мѣняются. Послѣднее сказывается въ томъ, что отъ хановъ требуется, вопервыхъ, болѣе тщательное отношеніе къ принятымъ на себя по договорамъ обязательствамъ, а во-вторыхъ, что при заключеніи новыхъ трактатовъ къ прежнимъ условіямъ прибавляются новые пункты, сводившіеся въ общемъ къ тому, что ханы и различныя общества, принимавшія русское подданство, обязаны были: 1) платить опредѣленную дань часто естественными произведеніями, 2) давать въ залогъ вѣрности аманатовъ и 3) нести различныя натуральныя повинности, въ родѣ выставки арбъ на нужды войска и проч. [1]).

Этою весьма незначительною данью и выставкою арбъ и ограничивалось отношеніе хановъ и обществъ къ русскому правительству и въ этотъ періодъ.

Что касается внутренняго управленія ханствомъ и народа, то во все это русская власть этого періода совершенно не вмѣшивалась. Все оставалось по старому и въ нѣкоторыхъ договорахъ старый порядокъ часто прямо гарантируется особыми пунктами [2]). Вообще поддержаніе стараго строя, бывшаго до владычества русскихъ, является общимъ правиломъ, изъ котораго, кажется, было только одно исключеніе въ пользу ханскаго управленія, пользовавшагося всегда особымъ фаворомъ со стороны русскихъ начальниковъ. Мы говоримъ объ основаніи въ 1812 году особаго ханства въ Кюрѣ, жители которой раньше были совершенно свободны и не платили никому никакихъ податей [3]).

---

[1]) Акты т. VI, №№ 1, 153, 156 и др.

[2]) Акты т. VI, вып. № 10.

[3]) Въ концѣ 1811 г., читаемъ мы въ исторіи Казикум. и Кюр. Хановъ (ст. 18—19), генералъ маіоръ Хатунцевъ разбилъ Сурхая, а 15 декабря взялъ Курахъ, послѣ чего на другой день всѣ старшины всѣхъ селеній Кюринскихъ явились къ нему съ изъявленіемъ полной покорности, охотно приняли присягу на вѣрноподданство и просили на будущее время защиты отъ покушеній Сурхая, но главнокомандующій (Маркизъ Паулуччи), находя преждевременнымъ введеніе тамъ русскаго управленія, счелъ за лучшее образовать изъ Кюры особое владѣніе и поручить управленіе имъ Асланъ-беку, извѣстному своими отличными способностями и непримиримому врагу Сурхая. Асланъ-бекъ охотно согласился на сдѣланное ему предложеніе и 4 января 1812 г. торжественно

Этой политикой невмѣшательства во внутреннее управленіе народомъ ханы воспользовались, какъ нельзя лучше, и въ короткое время сдѣлали свою власть надъ подданными совершенно безграничной.

Власть шамхала, говоритъ одно изъ начальствующихъ въ Дагестанѣ лицъ, надъ подвластными была очень ограничена; съ прибытіемъ русскихъ въ Дагестанъ права шамхала значительно увеличились; народъ сталъ безпрекословно исполнять всѣ требованія шамхала, зная, что русскіе легко могутъ наказать всякаго ослушника воли Вали дагестанскаго [1]).

А вотъ и иллюстрація къ сказанному.

„Шамхалъ, говоритъ Муравьевъ Карскій, былъ преданъ пьянству и съ окружающими своими проводилъ по нѣсколько дней безъ просыпу, въ какое время и пользовались, дабы заставлять его раздавать деньги и земли и дѣлать жестокіе приговоры, какъ отрѣзываніе рукъ, выкалываніе глазъ и проч. тѣмъ изъ подданныхъ, которые противны были окружающимъ. Палачъ, собесѣдникъ шамхала, съ нимъ вмѣстѣ напивался и исполнялъ велѣнія его со звѣрскимъ удовольствіемъ“ [2]).

Тоже было и въ другихъ ханствахъ.

присягнулъ на вѣрноподданство и подписалъ представленный ему трактатъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: 1) Асланъ-бекъ и его преемники не должны признавать надъ собою ни чьей власти, кромѣ власти русскаго Императора, 2) не должны вступать ни въ какіе союзы и связи, безъ разрѣшенія русскаго главнокомандующаго. 3) Жителямъ Кюринскаго владѣнія предоставляется пользоваться всѣми правами, наравнѣ съ прочими вѣрноподданными Россіи. 4) Асланъ-беку предоставляется право разбирать всѣ дѣла, касающіяся внутренняго управленія и производить судъ и расправу по своему усмотрѣнію, 5) Асланъ-бекъ обязывается вносить ежегодно подати по 300 червонцевъ и по 3000 четвертей хлѣба (2500 четвертей пшеницы и 500 четв. ячменя). 6) Въ залогъ своей вѣрности Асланъ-бекъ долженъ выдать въ аманаты старшаго сына своего Нуцалъ-бека и двухъ сыновей почетнѣйшихъ Кюринскихъ старшинъ. (Актъ V, № 778). Его вѣрноподданническія чувства особенно ясно обнаруживаются изъ слѣдующаго факта, сообщаемаго генер. Пестелемъ: „онъ по прибытіи отряда нашего къ сел. Вашлы имѣлъ тайное свиданіе съ Султанъ-Ахметъ-ханомъ Аварскимъ и во время сраженія приказывалъ своей милиціи пѣснями давать знать непріятелю о малочисленности нашихъ войскъ и чтобы смѣлѣе нападали“. Комаровъ. Казик. ханы 19—20.

[1]) Козубскій: Пам. кн. 8—9.

[2]) Записки Муравьева—Карскаго ib. 332.

Въ Кюрѣ, гдѣ жители до 1812 года были свободны и не знали податей, происходятъ съ назначеніемъ русскими Асланъ-хана слѣдующія безобразія:

„Онъ, доноситъ генералъ Пестель, налагаетъ на кюринцевъ черезмѣрныя подати и часть денегъ передаетъ въ горы. Отбираетъ у своихъ подвластныхъ силою дочерей, продаетъ ихъ и мѣняетъ чеченцамъ на лошадей. Многихъ казнитъ смертью [1]).

Съ назначеніемъ Ермолова ханская власть на короткое время ослабляется въ проявленіи своего произвола и деспотизма.

„Терзаютъ меня ханства, пишетъ Ермоловъ Воронцову вскорѣ послѣ своего прибытія на Кавказъ, стыдящія насъ своимъ бытіемъ. Управленіе ханами есть изображеніе первоначальнаго образованія обществъ. Вотъ образецъ всего нелѣпаго, злодѣйскаго самовластія и всѣхъ распутствъ, унижающихъ человѣчество" [2]).

Имѣя такія убѣжденія, Ермоловъ всюду, гдѣ только возможно, борется съ ханскою властью.

„Старайтесь привязать народъ Кубинской провинціи, пишетъ онъ барону Вреде, наблюдавшему за управленіемъ въ южномъ Дагестанѣ, чего удобно достигнуть терпѣніемъ и провосудіемъ. Смиряйте власть хановъ, буде тяготитъ она людей, порученныхъ ея управленію" [3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ принимаетъ живое участіе въ искорененіи злоупотребленій ханской власти. На однихъ онъ дѣйствуетъ убѣжденіемъ, на другихъ—заключеніемъ ограничивающихъ власть условій, на третьихъ силою. Такъ напр. съ Шамхала, о произволѣ котораго мы писали выше, онъ беретъ обѣщаніе не пить, и „вотъ съ тѣхъ поръ, узнаемъ изъ записокъ Муравьева, Шамхалъ ведетъ жизнь умѣренную и трезвую и занимается разборомъ судебныхъ дѣлъ, когда приходятъ просители" [4]), съ Асланомъ-ханомъ Кюринскимъ, при назначеніи его ханомъ въ Казикумухъ, онъ заключаетъ договоръ, по 5 пункту котораго онъ пре-

---

[1]) Комаровъ. А. В. Казик. ханы ib. 25, Акты VI, в. 2, № 15, о дерб. ханахъ см. Березинъ. Путешествіе по Дагестану и Закавказію. Изд. 2. Казань 1850 г. ч. II, стр. 45.

[2]) Архивъ кн. Воронцова кн. 37. М. 1890 г. стр. 185. Письмо Ермолова отъ 24 февраля 1817 г.

[3]) Акты т. VI, II, № 14.

[4]) Записки ib. стр. 332.

доставляетъ ему „право разбирать по закону и обычаямъ казикумухскимъ всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, которыя должны быть разбираемы русскимъ военнымъ судомъ, для чего преступниковъ отправлять къ начальству“ [1]), наконецъ въ 1820 году уничтожаетъ достоинство уцмія кайтагскаго, поручая управленіе Нижнимъ Кайтагомъ—русскому приставу, а Верхнимъ—Наибу Эмиръ-Гамзѣ, съ подчиненіемъ обоихъ „Россійскому въ Дагестанѣ Начальнику“ [2]).

Рядомъ съ этими ограниченіями произвола, онъ пытается оградить жителей отъ корыстолюбія правителей. Для этого онъ приводитъ „въ извѣстность черезъ лучшихъ и почетнѣйшихъ старшинъ селеній“, налоги и повинности жителей относительно шамхала и другихъ правителей и составляетъ особые листы съ подробнымъ описаніемъ сборовъ въ пользу владѣтелей; такъ, напр., передавая деревни бамматулитскихъ бековъ въ 1820 г. шамхалу, Ермоловъ, приведя въ извѣстность „повинности, которыя они обязаны были отправлять въ пользу прежнихъ своихъ владѣльцевъ“, препроводилъ шамхалу составленное „описаніе правъ и повинностей“ съ просьбой сдѣлать „распоряженіе, чтобы чиновники, опредѣляемые къ управленію оными, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, нарушать оныя не осмѣливались“ [3]).

Съ удаленіемъ Ермолова всѣ благія начертанія его рушатся и въ короткое время отъ нихъ не остается даже слѣда: политика невмѣшательства вновь вступаетъ въ свои права и водворяется въ Дагестанѣ на долгое время...

„Шамхалу Тарковскому, пишетъ Баронъ Розенъ въ 1836 г. Военно-окружному начальнику въ Дагестанѣ ген. Реуту, предоставлена полная власть рѣшать по законамъ и обычаямъ края, имъ управляемаго, всѣ дѣла, какого бы рода они ни были, между подвластными своими, почему въ разбирательство оныхъ входить не слѣдуетъ мѣстному отъ нашего правительства поставленному начальству, исключая такихъ случаевъ, когда къ дѣлу прикосновенны воинскіе чины или русскіе подданные другихъ мѣстъ“ [4]).

---

1) Комаровъ. Казик. ханы ib. 26—27. Акты, VI, в. 2, №52.

2) Акты VI, в. 2, №№ 19 и 20.

3) Мехтул. ханы ib. Вып. II стр. 13—14.

4) Козубскій. Пам. кн. ib. 8.

Въ Казикумухѣ, гдѣ уголовный судъ Ермоловъ поручалъ въ вѣдѣніе русскаго начальства, приказъ его этотъ не соблюдался на практикѣ и ханъ, какъ это мы читаемъ у Комарова, по управленію народомъ дѣлалъ, что хотѣлъ, и безнаказанно увѣчилъ и казнилъ смертью, кого находилъ достойнымъ [1]).

Позднѣе терпитъ неудачу и другая попытка Ермолова: въ 1843 году Кайтагское владѣніе было возстановлено, только безъ званія уцмія, и управленіе имъ поручено сыну прежняго уцмія Джамовъ-беку, который управлялъ имъ до 1857 года [2]).

Съ возвращеніемъ русской власти къ политикѣ невмѣшательства, никакихъ новыхъ перемѣнъ, затрогивавшихъ бытъ поселянъ, вплоть до 60-хъ годовъ въ Дагестанѣ не происходитъ.

Всѣ перемѣны этого періода касаются ханствъ внѣшнимъ образомъ и вводятся или въ интересахъ фиска или администраціи. Такъ, напр., въ 30-хъ годахъ къ шамхалу для урегулированія тѣхъ обязательствъ, которыя лежали на жителяхъ въ видѣ выставки подводъ и т. п., стали назначаться русскіе офицеры со званіемъ помощника шамхала по управленію владѣніемъ [3]), а въ 1846 году была создана изъ уѣздовъ Дербентскаго и Кубинскаго, округовъ Даргинскаго и Самурскаго, ханствъ Кюринскаго и Казикумухскаго и „прочихъ земель, къ югу отъ Аварскаго Койсу лежащихъ", Дербентская губернія, преобразованная въ слѣдующемъ 1847 году, съ включеніемъ земель Шамхальства и Мехтуллы, въ болѣе крупную административную единицу — Прикаспійскій край [4]).

Но все это проходитъ мимо внутренней жизни подданныхъ хановъ безъ всякихъ слѣдовъ... Здѣсь внутри ханствъ по прежнему царитъ полный произволъ, гнетъ сильнаго надъ слабымъ, алчность и ничѣмъ не сдерживаемыя самовластье и сластолюбіе.

Вотъ что мы читаемъ о поступкахъ Казикумухскаго хана Агалара въ половинѣ 50-хъ годовъ, въ „Воспоминаніяхъ Муталима Абдуллы Омара-оглы [5]).

---

[1]) Комаровъ А. В. Казик. ханы ib. 26—27.

[2]) Козубскій. Пам. кн. ib. Стр. 10.

[3]) Шамх. Тарков. ib. 66, Козубскій ib. 9.

[4]) Козубскій. Пам. кн. 2—3.

[5]) Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. I и II. Оффиц. изд.

Начнемъ съ описанія ревизіи хана по селеніямъ своего владѣнія.

Ханъ остановился у старшины, а нукеры были размѣщены по домамъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ... Скоро пошли споры нукеровъ съ жителями: первые требовали отъ послѣднихъ всякихъ удовольствій, а не то отбирали у нихъ силою все, что только хотѣли, при чемъ ругали и били нагайками; а вечеромъ пошла охота на куръ и пѣтуховъ: по всему аулу тамъ и сямъ раздавались выстрѣлы, летали палки, и тѣ изъ хозяевъ, которые заблаговременно не успѣли припрятать свою домашнюю птицу, плакали и кричали... Ночью вездѣ раздались пѣсни и началось пьянство, но главный кутежъ былъ у старшины. Тамъ гремѣли зурны, бубны, барабаны, балалайки и другіе горскіе увеселительные инструменты. Туда же чоуши (аульные полицейскіе) собирали силою и красивыхъ дѣвушекъ. Въ домѣ старшины была большая толпа мужчинъ и женщинъ... Изъ дома слышны были звуки пѣсенъ и крики нукеровъ, а иногда и голосъ самого хана. Большая часть долетавшаго говора состояла изъ самыхъ неприличныхъ бранныхъ словъ [1]).

А вотъ картинки изъ судебной и административной дѣятельности хана въ Казикумухѣ.

Житель сел. Велтахъ пожаловался хану, что его односелецъ обезчестилъ его малолѣтняго сына... По одной жалобѣ потерпѣвшаго, ханъ велѣлъ бросить обидчика въ тюрьму [2]) и держать

---

[1]) Воспом. Муталима. Сборн. свѣд. о кав. горц. вып. I стр. 30—31.

[2]) Тюрьму представляла зловонная яма, вырытая четыреугольно и внутри вымощенная камнемъ, безъ цементу. Глубиною была $1^1/_2$ саж. и шириною сажень. Въ одномъ изъ угловъ ея была поставлена маленькая кадушка для естественной надобности и около этой же кадушки уголъ былъ заложенъ камнями, гдѣ умывались арестанты. Полъ былъ земляной и почти постоянно мокрый отъ сырости, а стѣны, почернѣвшія отъ дурного воздуха, постоянно были покрыты крупными каплями росы. Полъ былъ застланъ соломой сверху, а затѣмъ каждый подстилалъ подъ себя или коврикъ или какую нибудь одежду. Лежать не было никакой возможности, а спали въ сидячемъ положеніи. Всѣ арестанты были постоянно въ однихъ рубашкахъ, и, несмотря на суровую зиму, въ ямѣ было жарко и душно. Главное неудобство было то, что тюрьма была общая и мужчины помѣщались вмѣстѣ съ женщинами, и передъ ними должны были совершаться естественныя надобности, вопреки нравственному характеру горцевъ. Днемъ въ ямѣ было всегда темно, а ночью освѣщалъ ее тусклый свѣтъ чираха. Воспом. ib. вып. 2 стр. 30—31.

цѣлый годъ. Освобождая его по просьбѣ народа, ханъ приказалъ дать ему на основаніи правилъ шаріата 100 палочныхъ ударовъ... „Смотря на процессъ наказанія, ханъ приказывалъ бить сильнѣе, но не удовлетворившись этимъ, самъ схватилъ палку и ударилъ ею преступника нѣсколько разъ. По окончаніи наказанія ханъ приказалъ сдѣлать изъ толстой палки подобіе penis'а и отдалъ ее отцу потерпѣвшаго съ приказаніемъ воткнуть ее въ заднепроходную кишку преступника". Злобный отецъ безжалостно исполнилъ приказъ хана... Въ такомъ положеніи приказано было преступника вести домой и только здѣсь освободить... Несчастный умеръ въ тотъ же вечеръ. Чтобы смотрѣть выполненіе наказанія, народъ сгоняли палками [1]).

Услышавши, что дѣвушки изъ Вицхинскаго магала, бывшія артистками хана, пѣли у одного русскаго начальника, находившагося въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ ханомъ, послѣдній приказалъ ихъ арестовать и представить ему... на другой день онѣ были вынесены изъ ханской конюшни мертвыми съ царапинами на лицахъ и слѣдами веревокъ на шеѣ [2]).

У одного изъ своихъ слугъ ханъ замѣтилъ платокъ, подаренный раньше имъ своей служанкѣ... Въ ту же ночь слуга пропалъ безъ вѣсти... только весною выплылъ его трупъ изъ Казикумухскаго озера [3]).

За то, что изъ ханскаго двора волкъ унесъ гуся, у смотрителя и у всѣхъ караульщиковъ, послѣ публичнаго наказанія палками, были отрѣзаны уши [4]).

Обыкновенная ложь передъ ханомъ наказывалась обыкновенно смертною казнью, и въ лучшемъ случаѣ отрѣзываніемъ языка... Только въ видѣ особой милости Муталиму—автору воспоминаній,—виновному въ этомъ преступленіи, прокололи шиломъ языкъ и, вставивъ въ сдѣланное отверстіе палочку, въ такомъ положеніи отправили на родину [5]).

---

[1]) Воспомин. Мутал. ib. вып. II стр. 22.

[2]) Воспом. ib. 24.

[3]) Воспоминаніе ib. 24.

[4]) Воспоминаніе Мутал. ib. 29.

[5]) Воспом. Муталима вып. 2. ib. 21 стр. Особенно интересна аргументація, которой ханы оправдывали эту жестокость, „Скажи мнѣ теперь, обратился ханъ къ Муталиму, не сказано ли въ коранѣ: повинуйтесь Богу, пророку его и

Пытки практиковались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Во дворѣ хана пропало 200 рублей. Подозрѣніе пало на караульщиковъ изъ нукеровъ; послѣдніе не сознались... Тогда ханъ приказалъ совершить надъ нѣкоторыми изъ нихъ слѣдующія пытки: двумъ изъ нихъ на груди были разведены огни, третьяго пытали раскаленнымъ желѣзомъ, выжигая медленно разныя мѣста на тѣлѣ, а четвертому сдѣлали на бритой головѣ чашку изъ тѣста и лили туда кипящее масло. Пытка повторялась нѣсколько разъ; ханъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и, видимо съ удовольствіемъ, слушалъ душу раздирающіе стоны несчастныхъ, которые умерли въ мукахъ, не сознавшись въ преступленіи [1]).

Не лучше было и въ другихъ мѣстахъ...

Управленіе султановъ (Чаноуйскихъ), пишетъ Л. Зиссерманъ, чисто восточное, деспотическое, съ правомъ смертной казни, къ которой, впрочемъ, прибѣгали рѣдко, особенно послѣдній султанъ Даніельбекъ, но отсѣченіе рукъ, носовъ, выкалываніе глазъ, отрѣзаніе языка—практиковалось довольно часто [2]).

Кажется, сознаніе этихъ злоупотребленій и частыя измѣны хановъ должны были бы убѣдить русскую власть въ полной непригодности ханскаго управленія, но, увы, этого не случилось.

Когда съ покореніемъ въ 1859 году доселѣ не покореннаго Дагестана возникъ вопросъ объ устройствѣ завоеванной страны, то ханская власть была оставлена нетронутой и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Князь Барятинскій, читаемъ мы у одного изъ самыхъ лучшихъ знатоковъ исторіи и археологіи Дагестана—г. Козубскаго [3]), считая одною изъ нашихъ главныхъ ошибокъ уничтоженіе властей, созданныхъ народною жизнью, полагалъ, что цѣль нашего управленія въ Дагестанѣ должна состоять въ обезсиленіи духовенства поддержаніемъ высшаго сословія тамъ, гдѣ оно суще-

---

властямъ вашимъ?—Сказано. Я не власть ваша? -Власть.—Такъ знай же, что вы ослушались Бога, ибо вы сдѣлали то, что я запретилъ. Того же, кто ослушается Бога, я имѣю право, даже долженъ казнить, такъ что если я тебя убью, то не только не сдѣлаю грѣха, но еще исполню свою обязанность"... ib. стр. 14.

1) Воспоминанія Муталима ib. 24—26.

2) Л. Зиссерманъ. 25 лѣтъ на Кавказѣ. т. I, СПб. 1879 г. стр. 286.

3) Козубскій. Памятн. книжка ib. 12—13.

ствуетъ, и даже созданіемъ таковаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его не существуетъ [1]).

Проводя свой взглядъ на положеніе вещей въ жизнь, въ политику, князь Барятинскій прежде всего возстановляетъ Аварское Ханство [2]), а затѣмъ, когда явилась потребность въ составленіи новаго положенія для управленія Дагестаномъ, даетъ указанія, коими требовалось, чтобъ оно было основано: на оставленіи гражданскаго управленія (русскими начальниками) только тамъ, гдѣ оно уже дѣйствовало безпрепятственно, на полномъ поддержаніи ханской власти всюду, гдѣ она существовала, на устройствѣ въ остальныхъ частяхъ такого управленія, которое бы сохраняло уваженіе къ личности, къ стариннымъ сословнымъ и поземельнымъ правамъ туземцевъ, съ потребностями русской власти, отправляло бы судъ и расправу преимущественно по народнымъ обычаямъ и предоставляя въ руки мусульманскаго духовенства

---

[1]) Совершенно противоположнаго мнѣнія держится сенаторъ Ганъ въ своемъ взглядѣ на состояніе финансоваго управленія въ мусульманскихъ провинціяхъ. (Акты т. IX № 214). „Положительно можно сказать, что всякій, кому извѣстенъ здѣшній край и кто не жертвуетъ истиною, честнымъ видомъ, согласится, что расположеніе къ порядку, повиновенію, привычка къ управленію муниципальному, существующая во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ беки не успѣли еще уничтожить ее для собственныхъ выгодъ, общи здѣшнему порядку: они-то суть причиною, что подати взносятся исправно, что требованія повинностей, сколь они ни произвольны и тягостны, удовлетворяются безпрекословно, что исполненіемъ требованій и распоряженій правительства обезпечивается порядокъ и спокойствіе; что устраняются всѣ затрудненія, встрѣчающіяся часто въ подобныхъ случаяхъ въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы; наконецъ что, эта покорность и порядокъ особенно замѣтны въ тѣхъ деревняхъ, которыя завѣдываются старшинами и кевхами... „Муллы, сеиды, маафы и нукеры, подобно бекамъ и агаларамъ, сохранили привязанность къ Персіи и Турціи; поэтому-то политика требуетъ обратить особенное вниманіе на податныя сословія, т. е., обитателей городовъ и деревень, которыя ненавидятъ бековъ и хановъ и въ которыхъ привязанность къ мулламъ и сеидамъ, по корыстолюбію сихъ послѣднихъ, охладѣла. Податное сословіе, отличающееся покорностью, преданностью и терпѣніемъ, которое одно только переноситъ угнетеніе, съ тѣмъ вмѣстѣ одно только обѣщаетъ въ будущемъ любовь и привязанность къ правительству Россійскому". (Акты IX ib. стр. 187—189). Дальнѣйшая исторія показало, чей вглядъ былъ болѣе правиленъ.

[2]) Приказъ по Кавказской арміи отъ 4 августа 1859 г. № 258, коимъ ханомъ Аварскимъ назначался Ротмистръ Лейбъ-гвардіи казачьяго полка Ибрагимъ-Ханъ-Мехтулинскій.

только тѣ дѣла, которыя и до начала мюридизма въ Дагестанѣ производились по шаріату [1]), постепенно подготовляло туземцевъ къ такому состоянію, чтобы установленный между ними порядокъ могъ быть сохраняемъ безъ пособій военной силы [2]).

Составленный, согласно указаніямъ князя Барятинскаго, „Проектъ положенія объ управленіи Дагестанской областью" [3]) оставилъ въ Дагестанѣ ханское управленіе всюду, гдѣ только оно существовало раньше. Такимъ образомъ, въ 60-хъ годахъ были лишены русскаго управленія и подвергались полному произволу правителей слѣдующія части Дагестана: Владѣніе Тарковское,

---

[1]) Распространеніе шаріата было дѣломъ Шамиля и другихъ имамовъ, почему отмѣна его и возстановленіе адатовъ явилось однимъ изъ орудій нашей политики конца 50-хъ годовъ. Кн. Барятинскій въ возстановленіи адатовъ видѣлъ противовѣсъ тому фанатическому вліянію шаріата и духовенства, изъ которыхъ сложился мюридизмъ... здѣсь интересно привести мнѣніе Макс. Ковалевскаго, который весьма скептически относится къ этой части программы Барятинскаго. По мнѣнію Ковалевскаго (Родовое устройство въ Дагестанѣ, Юрид. вѣстникъ за 1888 г. № 12, стр. 525), востановленіе адата въ ущербъ шаріату является нераціональнымъ, во-первыхъ, потому, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ права (семейное и наслѣдственное право) послѣднее настолько проникалось началами шаріата, что никакая попытка оживленія адата не представляется возможной, а во 2-хъ, потому, что шаріатское право является значительнымъ шагомъ впередъ по отношенію къ праву адатному, а почему и отмѣна шаріата едва ли можетъ быть признана желательной. „То начало родового возмездія въ частности, въ которомъ нельзя не видѣть ближайшій источникъ междоусобій и постоянную опасность для поддерживаемаго нами порядка, находитъ оправданіе себѣ въ адатѣ и, наоборотъ, обставляется извѣстными условіями и терпитъ ограниченія въ шаріатѣ. Какъ ни отлично юридическое сознаніе шаріата отъ нашего, оно всеже стоитъ къ намъ ближе адатнаго. Единственное въ своемъ родѣ зрѣлище, говоритъ Ковалевскій, представляетъ, по всей вѣроятности, предсѣдательствующій въ словесномъ судѣ русскій Окружной Начальникъ, когда, слѣдуя адату, онъ освобождаетъ мужа за кровь убитаго имъ прелюбодѣя, на томъ лишь основаніи, что жертвой его мести пала одновременно и невѣрная жена, а между тѣмъ такое рѣшеніе, совершенно согласное съ адатомъ, противно самому духу шаріатскаго ученія. Невольно приходится спрашивать себя: какъ при такомъ раболѣпіи передъ обычаемъ можетъ сказаться цивилизующее вліяніе нашего управленія на Кавказѣ и даже какъ можетъ быть достигнута цѣль нашихъ стремленій: замиреніе края, все еще раздираемаго родовой усобицей.

[2]) Козубскій ib. 16—17.

[3]) Проектъ былъ Высочайше утвержденъ 10 іюня 1860 г. Акты. т. XII ч. 2, 687—707.

съ Улусскимъ магаломъ, ханства Мехтулинское, Аварское, и Кюринское, Кайтагъ, Табасарань и Общество Дагинскаго округа [1]).

Хотя права хановъ были ограничены Положеніемъ объ управленіи Дагестанской областью въ томъ отношеніи, что правители не имѣли права лишенія жизни и членовъ, а равно не могли раздавать кому-либо въ собственность населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній, имъ лично не принадлежащихъ [2]), однако злоупотребленія властью встрѣчаются въ Дагестанѣ и въ это время на каждомъ шагу.

„Прошедшимъ лѣтомъ, писалъ А. П. Карцевъ [3]) кн. Барятинскому отъ 8 марта 1862 года, когда Лазаревъ пошелъ въ Ункратль для усмиренія хваршинцевъ, въ Аваріи, какъ и вездѣ, начались разные въ народѣ толки. Ибрагимъ-ханъ Аварскій тогда лѣчился въ Петровскѣ, а въ Хунзахѣ оставался его помощникъ. Говоръ, бывшій въ народѣ, молва довела до свѣдѣнія хана въ видѣ заговора противъ него и его семейства. Онъ пріѣхалъ въ Хунзахъ и многихъ арестовалъ, иные успѣли укрыться и пріѣзжали въ Шуру къ Лазареву, прося его заступничества и суда. Начальникъ области былъ тогда въ Кубанской области. Лазаревъ съ однимъ изъ явившихся къ нему аварцевъ послалъ къ Ибрагимъ-хану письмо, прося его пріостановиться наказаніемъ обвиняемыхъ до разбора этого дѣла слѣдствіемъ. Ханъ, вѣроятно, раздраженный такою просьбою, приказалъ тотчасъ же подателя письма связать и сбросить его съ Хунзахской скалы. Слѣдствіе показало, что онъ казнилъ человѣка, совершенно невиннаго“.

„Ханъ удалилъ отъ себя, читаемъ мы у Козубскаго [4]), лучшихъ людей Аваріи, предался наушничеству своей дворни и по сплетнямъ дѣйствовалъ самымъ унижающимъ санъ образомъ. Такъ, напр., онъ убилъ кистенемъ Токитскаго жителя, пришедшаго къ нему съ прошеніемъ, тяжко оскорбилъ заслуженнаго полковника Али-Хана-Гуссейнъ-оглы... На него поступили къ начальнику области жалобы о насиліи противъ сына полковника Сухая-Хана Аварскаго Фатали-бека и его матери вдовы Паху-Бике [5]).

[1]) Казубскій. Памятная книжка ib. 21—23.

[2]) Положеніе § 31. Акты т. XII ч. 2, 698—700.

[3]) Зиссерманъ А. Л. Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій, М., 8° т. I—III 1889-91, т. II стр. 419-420.

[4]) Козубскій. Памят. кн. ib. 30.

[5]) Козубскій. ib. До какой мелочности доходила иногда ханская власть, можно видѣть изъ статьи Козубскаго (Изъ Дагестанской старины—Русск. Арх.

Въ томъ же духѣ дѣйствовали и другіе ханы...

Изъ раньше цитированнаго письма Карцева къ кн. Барятинскому мы узнаемъ слѣдующее... „Кюринскій ханъ жестокостями своими, непростительнымъ корыстолюбіемъ и разнаго рода несправедливостями довелъ народъ почти до открытаго возстанія противъ себя. Начиная съ 1860 г. поступали на него къ начальнику Южнаго Дагестана и къ самому кн. Меликову безпрестанныя частныя жалобы. Наконецъ въ прошедшую осень народъ открыто и единодушно отказался ему повиноваться: не прибѣгая еще къ оружію, кюринцы выбрали до 200 человѣкъ повѣренныхъ и отправили ихъ въ Шуру съ жалобой, которая была выражена такими словами: „Государь такъ милостивъ, что бывшимъ врагамъ своимъ, которые служили Шамилю, далъ судъ и приставилъ начальниковъ, которые берегутъ народъ, какъ добрые пастухи стадо. За что же насъ, никогда не враждовавшихъ противъ русскихъ, отдали вмѣсто пастуховъ злому волку, который насъ грабитъ“ [1]).

Этими злоупотребленіями власти дѣло не кончилось... Вся бѣда въ томъ, что поддержка ханской власти и принципъ невмѣшательства привели къ другимъ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ, съ которыми приходится считаться и въ настоящее время... Мы говоримъ о чрезмѣрномъ усиленіи бекскаго сословія, о безземеліи крестьянъ и наконецъ большемъ или меньшемъ ихъ закрѣпощеніи [2]).

стр. 381) III. Ношеніе чалмъ, гдѣ разбирается, кто изъ мусульманъ имѣетъ право носить чалмы въ Аваріи.

[1]) Зиссерманъ. Фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій ib. т. II, 420—421.

[2]) Здѣсь мы не будемъ говорить о порчѣ народнаго характера, явившейся слѣдствіемъ ханскаго ига... Во время моихъ поѣздокъ по Дагестану мнѣ часто невольно бросалась въ глаза неодинаковость характера и даже наружнаго вида горцевъ въ округахъ, гдѣ раньше была ханская власть и гдѣ ея не было... Тяжелый гнетъ, висѣвшій надъ ханскими подданными, создалъ изъ нихъ особенный типъ, совершенно противоположный всѣмъ горскимъ типамъ. Всѣ почти горцы, по преимуществу, горды, самолюбивы, горцы же, бывшіе подданными хановъ,—существа загнанныя, боящіяся каждаго встрѣчнаго, никому недовѣряющія... Въ каждомъ они видятъ своего врага, готоваго отнять у него все. Горецъ—подданный хана—это рабъ въ самомъ дурномъ смыслѣ слова... Онъ готовъ отказаться отъ ума, если онъ у него есть, готовъ сдѣлаться мошенникомъ, негодяемъ,—словомъ—унизить себя, сравняться съ землей, лишь бы угодить тому, кто стоитъ выше его. При встрѣчѣ съ такимъ высшимъ себя, онъ сейчасъ же начинаетъ льстить, услуживать, заискивать всѣми доступными ему средствами.

Глава II.

Свободная раздача ханами населенныхъ деревень. Отношеніе къ этому русской власти. Покровительство послѣдней бекскому сословію. Политика Ермолова въ сословно-поземельномъ вопросѣ въ Дагестанѣ и ея слѣдствіе. Санкціонированіе правъ бековъ на управленіе деревнями и полученіе доходовъ съ жителей. Положеніе бека, какъ посредника между русской властью и населеніемъ. Взглядъ на бековъ, какъ на помѣщиковъ. Раздача имъ казенныхъ деревень. Увеличеніе сословія бековъ. Причина раздачи деревень и покровительства имъ. Превращеніе временнаго владѣнія деревнями въ наслѣдственное пользованіе. Право отчужденія. Превращеніе административ. зависимости въ поземельную и закрѣпощеніе узденей. Рабы и чагары. Виды сословій и формы зависимости крестьянъ отъ владѣльцевъ.

Только положеніе объ управленіи Дагестанской областью, какъ мы видѣли, воспретило ханамъ раздачу населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній, имъ лично не принадлежащихъ... До этого же времени таковая раздача не только не была запрещена, но даже прямо обусловливалась часто въ инвеститурной грамотѣ хана. Такъ, напр., въ предписаніи генерала-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго Даніель-беку отъ 14 февраля 1831 года за № 888 мы читаемъ: „жить съ братьями въ согласіи, предоставивъ имъ въ управленіе деревни, которыхъ доходы доставляли бы имъ безбѣдное содержаніе“ [1]). Ханы, какъ нельзя лучше, воспользовались этимъ правомъ и свободно раздавали деревни и земли не только своимъ родственникамъ, но и другимъ лицамъ, исполнявшимъ часто самыя низкія обязанности при дворахъ хановъ [2]). Русскія власти, знавшія это, не только не препятствовами этой раздачѣ, но и сами часто вмѣшивались въ это дѣло, требуя отъ хановъ предоставленія той или другой деревни ханскимъ родственникамъ. Такъ, напр., въ 1847 г. Дагестанское начальство ходатайствуетъ о предоставленіи брату мехтулинскаго хана Али-Султану, имѣвшему лишь одну деревню, другой—съ однимъ кутаномъ [3]) и объ обезпеченіи чанки Нуцалъ-хана Мирза бека [4]). Иногда русскіе мѣстные начальники не ограничивались одними ходатайствами, а заставляли того или другого хана силою отдавать деревни тому или

---

[1]) Кавказскій сборникъ т. VII стр. 337—379 Прилож.
[2]) Дубровинъ. Исторія войны etc. т. I, кн. II стр. 389.
[3]) Кутанами называются мѣста для зимняго пастбища овецъ.
[4]) Шамхалы Тарковскіе ib. 72—73.

другому лицу. Такъ было, напр., съ Мехти-Кули-ханомъ, который откровенно сознавался сенатору Гану, что давалъ толаги на владѣніе деревнями, будучи вынужденъ къ тому притѣсненіями со стороны генерала кн. Мадатова [1]). Немудрено, что при такой обоюдной солидарности ханской и русской властей раздача деревень шла весьма дѣятельно и, какъ свидѣльствуютъ оффиціальные источники, значительно усилилась въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ [2]). Чтобы судить о размѣрахъ ея, достаточно сказать, что въ Кюринскомъ ханствѣ, гдѣ до 1812 г. не было бековъ, по 1860 годъ было роздано бекамъ до 15 деревень.

Что касается самого бекскаго сословія, то русская власть въ лицѣ командующихъ и комендантовъ относится къ нему сочувственно: его всячески поддерживаютъ и покровительствуютъ и даже стараются искусственно создать его тамъ, гдѣ его раньше не было.

Покровительство бекскому сословію, можно сказать, въ это время было введено въ общее правило, изъ котораго не было исключеній. Даже проницательный Ермоловъ, хорошо изучившій нравы Кавказа, не только ничего не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, но даже самъ, можетъ быть, противъ своей воли оказалъ косвенную поддержку бекскому сословію тѣмъ, что, подобно Гудовичу, первый намѣтилъ путь дальнѣйшей русской политикѣ въ сословномъ вопросѣ [3]).

Въ виду этого мы остановимся болѣе подробно на дѣятельности Ермолова по сословно-поземельному вопросу въ Дагестанѣ.

Уничтожая въ 1820 году достоинство Кайтагскаго Уцмія, Ермоловъ санкціонируетъ права бековъ на управленіе деревнями и полученіе съ нихъ доходовъ.

„Народъ долженъ управляться беками и кевхами, какъ до сихъ поръ, читаемъ мы въ объвѣщеніи Ермолова Карайтагскому народу отъ 26 января 1820 г. [4]). Беки должны имѣть участье въ управ-

---

1) Акты т. IX. Взглядъ. ib. № 214, стр. 187.

2) Акты т. IX № 214. Взглядъ ib. 188.

3) Не будемъ слишкомъ строго относиться къ этой ошибкѣ Ермолова, который, несмотря на свою геніальность, всеже былъ сыномъ своего времени, сыномъ крѣпостной Россіи. Немудрено, что онъ не могъ видѣть что - либо дурное въ бекскомъ управленіи, столь похожемъ на русское, помѣщичье.

4) Акты, т. VI, часть II № 146.

леніи тѣхъ деревень, кои имѣютъ они по наслѣдству или получаютъ отъ правительства въ вознагражденіе заслугъ, какъ Эмиръ-Гамза-бекъ съ братомъ, за коими утверждаются наслѣдственныя ихъ деревни въ вознагражденіе оказаннаго усердія, и сверхъ того дается имъ нѣсколько деревень, въ особенной грамотѣ указанныхъ, равно какъ и Ибахъ-беку".

Оставляя прежнее сельское устройство, Ермоловъ въ томъ же обвѣщеніи ставитъ бековъ посредниками между русскимъ начальствомъ въ Дагестанѣ и сельскимъ обществомъ... „Въ случаѣ требованія Россійскимъ правительствомъ какихъ-нибудь повинностей оно будетъ о томъ давать знать или черезъ россійскаго чиновника, или черезъ кого-нибудь изъ бековъ. Такимъ же образомъ оно будетъ передавать народу всѣ приказанія свои: требовать отысканія и представленія виновныхъ, когда они случатся. Россійскіе чиновники или беки должны все сіе приводить въ исполненіе черезъ посредство кевховъ и чоушей".

Болѣе подробно опредѣлены Ермоловымъ права и обязанности бековъ въ извѣщеніи Гомри-Юзенскому обществу отъ того же 26 января 1826 г. [1]).

§ 8. Общество, какъ и до сихъ поръ, должно управляться бекомъ, кадіемъ и старшинами. Обязанности къ беку измѣняются только въ томъ отношеніи, что безъ воли Россійскаго правительства не долженъ онъ требовать отъ общества войска. Доходы онъ долженъ получать совершенно тѣже и съ той же деревни, какъ и прежде.

§ 13. Изобличенные въ воровствѣ обязаны удовлетворить обворованнаго, а потомъ, согласно съ доселѣ существовавшимъ обычаемъ, долженъ платить штрафъ управляющему беку въ его пользу, но назначеніе штрафа должно зависѣть отъ бека и отъ старшины.

§ 15. Бекъ долженъ наблюдать, чтобы старшина и кадій разбирали тяжбы, суду ихъ принадлежащія, безъ малѣйшей проволочки времени. Въ случаѣ же нерадѣнія котораго либо изъ нихъ въ отправленіи сей обязанности, доносить Россійскому начальнику въ Дагестанѣ.

Организуя управленіе деревнями по образцу русскому, помѣщичьему — съ бекомъ во главѣ, какъ первымъ органомъ полицейско-административной власти правительства, Ермоловъ вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) Акты т. VI, часть II, № 20.

въ весьма широкихъ размѣрахъ практикуетъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ раздачу въ управленіе бекамъ казенныхъ деревень, такъ, наприм., въ 1820 г. селеніе Янги-Кентъ предоставляется семейству изгнаннаго уцмія для безбѣднаго существованія, а Эмиръ-Гамзѣ и его брату Ибахъ-беку дается много деревень „въ вознагражденіе заслугъ", въ 1822 году было предписано барону Вреде „дабы назначены были Эмиръ-Газмѣ-беку какіе-либо изъ Терекамейскихъ деревень, ибо онѣ приносятъ намъ вѣрный доходъ" [1]).

Послѣ Ермолова политика его по сословно-поземельному вопросу становится господствующей и водворяется на долгія времена.

Особенно привилась и вошла въ нравы Начальниковъ Дагестана раздача казенныхъ деревень бекамъ. Послѣдняя шла настолько интенсивно, что понадобилось изданіе особаго Высочайшаго приказа, запрещавшаго эту раздачу хоть тѣмъ бекамъ, которые намъ измѣнили. Но и эта чрезвычайная мѣра оказалась безсильной. „Генералъ-майоръ Реутъ, читаемъ мы въ Актахъ, 3 февраля 1833 года, отдалъ въ Бакинской провинціи 476 домовъ казенныхъ крестьянъ въ управленіе бековъ, равно и генералъ Краббе отдалъ и продолжаетъ раздавать деревни не только бѣжавшимъ и нынѣ возвратившимся, но даже сестрамъ бековъ, умершихъ въ Персіи въ 1830 году, не взирая на третій пунктъ Высочайшаго рескрипта 13 іюня 1831 г., по силѣ котораго возвращеніе таковое должно послѣдовать съ Высочайшаго разрѣшенія [2]).

Благодаря столь широкой раздачѣ деревень и тому, что признаніе бекскаго достоинства зависѣло всецѣло отъ комендантовъ, число бековъ за короткій сравнительно промежутокъ значительно возросло; послѣднее по крайней мѣрѣ оффиціально удостовѣряется многими документами 30-хъ годовъ, изъ которыхъ мы узнаемъ и мотивы такого сплошного покровительства бековъ и раздачи имъ имѣній.

„Главнокомандующіе, читаемъ мы во „Взглядѣ на состояніе финансоваго управленія въ мусульманскихъ провинціяхъ", въ первое время завладѣнія симъ краемъ признавали полезнымъ въ политическомъ отношеніи давать по прежнему казенныя деревни въ управ-

---

[1]) Акты, т. VI ч. II № 151.

[2]) Акты, т. IX № 214 стр. 187. Дополненія Военнаго Губ-ра Минквица къ ст. Берже „Прикаспійскій край". Кавказскій календарь за 1858 г. стр. 26.

леніе бекамъ, не взирая на то, что прежнія обстоятельства, а равно и обязанности бековъ, взамѣнъ которыхъ ханы дѣлали имъ таковое вознагражденіе, болѣе уже не существовали; раздачи эти они производили для того только, чтобы беки не могли относить къ новому правительству уменьшенія средствъ ихъ существованія" [1]). Когда этотъ взглядъ вслѣдствіе враждебнаго намъ поведенія бековъ и частыхъ ихъ измѣнъ оказался неправильнымъ, то коменданты стали искать иныхъ побудительныхъ для раздачи бекамъ имѣній причинъ, которыя вскорѣ и нашлись. „Стали утверждать и даже теперь продолжаютъ говорить, что эта разорительная для правительства раздача государственныхъ имуществъ подъ видомъ управленія необходима для пользы службы" [2]).

Но истинная причина раздачъ деревень и такого трогательнаго участья къ судьбѣ бековъ кроется не здѣсь... Она заключается въ слѣдующемъ: „И всегда ходатайству бековъ по предмету ихъ владѣнія деревнями помогали пешкеши, которые кн. Циціановъ признавалъ величайшимъ зломъ для нравственности чиновниковъ и старался искоренить: пешкеши сіи сначала дѣлаются оружіемъ, лошадьми, а потомъ, когда совѣсть мало-по-малу смягчится, все это замѣняется деньгами. Важные пешкеши утверждаютъ дружбу при вступленіи въ управленіе деревнею, а потомъ не столь значительные приносятся ежегодно въ праздники и поддерживаютъ эту дружбу" [3]). „Злоупотребленія эти, продолжаетъ „Взглядъ", вошедшія въ обычай и дѣлаемыя публично, открываютъ, почему возбуждаютъ къ себѣ вниманіе беки и агалары, готовые при всякомъ удобномъ случаѣ намъ измѣнить, грабящіе жителей, покровительствующіе разбоямъ и воровству, отъ которыхъ страдаютъ дистанціи Грузіи и провинціи мусульманъ" [4]).

Покровительствуемые по вышеизложеннымъ причинамъ русскими начальниками беки стараются доходы съ полученныхъ отъ хановъ или отъ русскихъ комендантовъ въ управленіе деревень обратить въ наслѣдственное пользованіе и мало по малу достигаютъ этого...

Разница между деревнями родовыми, полученными отъ пред-

---

[1]) Акты т. IX № 214. ib. 188.
[2]) Акты т. IX ib.
[3]) Акты т. IX ib.
[4]) Акты т. IX ib. № 214 стр. 188.

ковъ, и деревнями заслуженными, данными во временное обладаніе, постепенно сглаживается... Дѣлается это такимъ образомъ:

Русская власть, не зная хорошо обычаевъ края и не желая круто измѣнить прежній порядокъ управленія, обратилась за свѣдѣніями къ „туземнымъ старожиламъ обитателямъ и знатнѣйшимъ бекамъ, пользовавшимся ханскою довѣренностью"... А послѣдніе, зная „неприкосновенность по русскимъ законамъ собственности, разъ за ними утвержденной, думали воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и показывали одинъ въ пользу другого все, что только хотѣли... [1]). Такимъ образомъ, читаемъ мы въ Актахъ, многія имѣнія, розданныя ханами въ пожизненное или временное пользованіе, неправильно были названы наслѣдственными и даже присвоены въ собственность... [2]). Остальныя населенныя имѣнія превратились въ наслѣдственныя благодаря во-время даннымъ пешкешамъ, ибо „на продолженіе владѣнія деревнею послѣ смерти того, кому это было дано, не испрашивали утвержденія". Такъ, напр., поступили въ число родовыхъ [3]) Шамхала Тарковскаго— деревни Бамматулы и Улусскаго Магала, отнятыя за измѣну у ихъ владѣльцевъ и отданныя въ полное управленіе Мехти-шамхала за вѣрность, собственно его лицомъ оказанную", несмотря даже на то, что въ актѣ Ермолова прямо было указано, что „наслѣдникамъ Вашимъ (т. е. Мехти-шамхала) они могутъ принадлежать не иначе, развѣ Государь-Императоръ соизволитъ дать на то подтвержденіе" [4]). Такимъ образомъ, къ концу 30-хъ годовъ почти всѣ деревни, бывшія въ рукахъ бековъ, были обращены въ наслѣдственное пользованіе [5]). Оставалось обратить ихъ въ право собственности. Послѣднее и было выполнено весьма ловко и искусно беками въ послѣдующее время.

Дѣло въ томъ, что ханы и беки, пользуясь покровительствомъ русской власти и безотвѣтственностью населенія, начали мало-помалу отчуждать полученныя по наслѣдству въ управленіе деревни и населенныя земли. Правда, продажа деревень практиковалась и раньше, но тогда она допускалась только для одного вида насе-

---

[1]) Акты т. IX Ib. № 218 стр. 202—203.

[2]) Акты т. IX. ib. 214, стр. 188—189.

[3]) Шамхалы Тарковскіе ib. 72.

[4]) Шамхалы Тарковскіе ib. 71.

[5]) Акты т. IX № 218 стр. 202—203.

ленныхъ имѣній, такъ называемыхъ джагаръ [1]). Подъ русскимъ же владычествомъ отчужденіе изъ рукъ въ руки деревень становится общимъ правиломъ, отмѣнить которое оказалась безсильною даже могучая власть въ лицѣ русскихъ главнокомандующихъ Кавказскимъ краемъ.

Вслѣдствіе спора за деревни Дургали, Параулъ и Урума, кн. Воронцовъ 14 октября 1847 года за № 25 предписалъ Командующему войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ кн. Бебутову разъяснить Шамхалу, что деревни эти, отданныя Ермоловымъ Мехти-шамхалу въ вознагражденіе услугъ, оказанныхъ послѣднимъ русскому правительству, „не составляютъ его личной собственности, но достояніе шамхальскаго дома и не могутъ быть шамхалами безъ согласія правительства отчуждаемы, такъ точно, какъ и другія части шамхальства", почему шамхалу „предоставляется право пользоваться доходами и повинностями съ жителей по обычаю края, но съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы всѣ взаимныя отношенія жителей и обычаи касательно пастбищъ, воды и проч. отнюдь не измѣнились въ томъ положеніи, какъ это существовало издревле до поступленія деревень къ разнымъ владѣльцамъ"... [2]). Несмотря на этотъ ясно выраженный взглядъ правительства относительно деревень, принадлежащихъ ханамъ и бекамъ, условія пользованія остались неизмѣнными на практикѣ и тѣми же деревнями, по поводу которыхъ послѣдовало вышеприведенное разъясненіе Воронцова, князь Абумуслимъ Тарковскій распоряжался на томъ же правѣ [3]), какъ и своими родовыми, отчуждая ихъ по своему усмотрѣнію, такъ, напр., сел. Параулъ отдано было имъ въ 1853 г. въ пользованіе сыну своему чанкѣ Таймазъ-хану, а нѣкоторые изъ населенныхъ участковъ проданы въ частныя руки, какъ, напр., Аруша-Кутанъ [4]).

Утвердивъ свои права на наслѣдственное владѣніе деревнями и получивъ право отчуждать послѣднія по своему произволу, ханы и беки проводятъ принципъ права собственности: первые — на

---

[1]) Именемъ джагаръ назывались имѣнія, принадлежавшія бекамъ на правахъ частной собственности, какъ занятыя пустопорожними и потомъ заселенныя рабами или чагарами. Акты, 7. IX № 214 стр. 187.

[2]) Шамхалы Тарковскіе ib. 75.

[3]) Шамхалы Тарковскіе ib. 75—76.

[4]) Шамхалы Тарковскіе ib. 76.

домены, а вторые—на находящіяся въ ихъ обладаніи деревни. Дѣлается это такъ.

Основываясь или на данныхъ хановъ или фирманахъ персидскихъ шаховъ, часто подложныхъ, или наконецъ даже на различныхъ преданіяхъ [1]), въ родѣ того, что земля была или завоевана у сосѣдей [2]) или занята пустопорожней, а потомъ заселена переселенцами [3]) и. т. п., ханы и беки показываютъ земли государственныя (domaines) и земли деревень своею собственностью передъ русскимъ мѣстнымъ начальствомъ, а послѣднее, вслѣдствіе незнанія поземельнаго строя Дагестана, а также часто за пешкеши, не возражаетъ противъ этого и такъ заноситъ въ различныя камеральныя описанія, явившіяся въ глазахъ высшаго начальства за непоколебимое доказательство принадлежности земли высшему мусульманскому со-

---

1) Что преданіе часто являлось доказательствомъ въ рукахъ бековъ для утвержденія права собственности на землю—это можно видѣть изъ статьи П. А. Гаврилова: Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа („Сборникъ свѣдѣній о кавк. горц. вып. II), откуда мы узнаемъ, что во 2 четверти XIX столѣтія этимъ способомъ была пріобрѣтена земля кн. Бековичами. Черкасскими въ количествѣ 98000 десятинъ въ малой Кабардѣ и Тугановыми—19000 дес.—въ плоскостной Дигоріи ib. стр. 6.

2) Любопытна въ этомъ отношеніи судьба селеній самурскаго округа—Ялагъ, Кака и Лудкунъ, а также агульскаго сел. Борkиханъ. Первыя три селенія, принадлежа къ Рутульскому обществу и притѣсняемыя поборами жителей главнаго селенія, обратились къ казикумухскому владѣтелю Сурхай-хану II Кунъ-Буттаю съ просьбой о защитѣ; онъ принялъ ихъ сперва подъ свое покровительство, потомъ присоединилъ къ своему ханству и наконецъ поселилъ въ Какѣ своихъ братьевъ Шуаибъ-бека и Иса-бека, которымъ приказалъ управлять деревнями и собирать съ нихъ за это извѣстный доходъ. Отсюда мы видимъ, что зависимость всѣхъ этихъ селеній отъ хановъ и управлявшихъ ими бековъ была чисто административная, почему о какой бы то ни было поземельной зависимости отъ бековъ не можетъ быть и рѣчи, между тѣмъ въ оффиціальной статьѣ „Сборника свѣд. о кавк. горц. (вып. I стр. 47) „Освобожденіе бесправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ" мы читаемъ, что населеніе Лудкунъ и Ялагъ несетъ бекамъ своимъ повинности натуральными произведеніями и издѣльную, вытекающія изъ поземельной зависимости. Повинности эти отбываются не извѣстному лицу, а цѣлому роду и первая изъ нихъ составляетъ 75 руб. ($1^1/_2$ пуда сост. = 1 руба) пшеницы на населеніе, а вторая 3-хъ дневную работу въ годъ на каждый дымъ, съ опредѣленными ограниченіями характера и періода работъ. Такова же судьба была и сел. Борkиханъ, завоеваннаго тѣмъ же Сурхаемъ и отданнаго его брату Сеидъ-беку. Комаровъ А. В. Казикум. и Кюрин. ханы ib I, стр. 16.

3) Козубскій, Памятн. Книжка, ib. 307, 309, 311, 313.

словію. Такимъ образомъ, возникаетъ право собственности хановъ и бековъ на обширныя пространства земли въ Шамхальствѣ, ханствѣ Мехтулинскомъ, Кайтагѣ, Табасарани, Кюрѣ, Казикумухѣ и нынѣшнемъ Самурскомъ округѣ.

Параллельно съ пріобрѣтеніемъ права собственности на земли Дагестана, происходитъ процессъ поземельнаго закрѣпощенія за беками и ханами вольныхъ доселѣ узденей-крестьянъ.

Большее или меньшее развитіе этого процесса совершается въ зависимости отъ слѣдующихъ факторовъ: извѣстности русскому правительству сословно-поземельныхъ отношеній въ данной мѣстности въ до-русскій періодъ, величины власти хановъ, степени удаленности отъ центра Темиръ-Ханъ-Шуры, характера мѣстности и живущаго на ней народа и различныхъ случайныхъ причинъ, какъ-то: немногочисленность ханской фамиліи, болѣе раннее уничтоженіе власти хановъ, введеніе русской администраціи и проч.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ мѣстность—суровая и бѣдная, а жители споконъ вѣковъ пользовались широкой свободой,—процессъ закрѣпощенія вовсе не имѣлъ мѣста. Не развился онъ также и въ горныхъ ханствахъ — Аваріи, Казикумухѣ и зависѣвшихъ отъ послѣдняго земляхъ нынѣшняго Самурскаго округа, въ первой—благодаря тому, что здѣсь ханская власть никогда не пользовалась, какъ мы видѣли, большою силой, а также тому, что вся фамилія аварскихъ хановъ была уничтожена въ 1831 году Гамзатъ-бекомъ,—а во-второмъ и зависѣвшихъ отъ него земляхъ Самурскаго округа по той причинѣ, что природа здѣсь бѣдна, жители зарабатывали всегда хлѣбъ отхожими промыслами на сторонѣ, и русская администрація, особенно въ Самурскомъ округѣ, была введена рано.

Большее развитіе онъ получаетъ въ прикаспійской части Дагестана, заселенной мирными, трудолюбивыми племенами... Здѣсь онъ развился наименѣе—въ Шамхальствѣ, а наиболѣе—въ Кайтакѣ, Табасарани, Улусскомъ магалѣ и Кюрѣ, среднее мѣсто по развитію его заняла Мехтула.

Что касается самаго процесса закрѣпощенія, то послѣдній въ Дагестанѣ, какъ и вездѣ, начался съ того, что подати, которыя вносили раньше бекамъ и ханамъ, какъ правителямъ, были обращены въ арендную плату за землю и стали взиматься на этомъ основаніи беками въ бо́льшемъ сравнительно размѣрѣ. Поэтому

во всѣхъ ханствахъ, кромѣ Аваріи и Казикумуха, гдѣ все осталось по прежнему, мы наблюдаемъ страшный ростъ податей и повинностей въ этотъ періодъ сравнительно съ предыдущимъ.

Въ Тарковскомъ владѣніи, гдѣ подати вносились шамхаламъ, какъ правителямъ, величина податей и барщины не измѣнилась... Русскія власти были близко, и нельзя было брать съ жителей больше, чѣмъ слѣдовало, а барщины нельзя было увеличить уже потому, что жители и такъ разорялись отъ непосильныхъ натуральныхъ повинностей въ пользу русскаго правительства, которыя были настолько обременительны, что шамхалъ, по мнѣнію Муравьева-Карскаго, „долженъ былъ бы возмутиться противъ насъ, если бы онъ не боялся своего народа“ [1]). Иначе было въ другомъ владѣніи шамхала—Улусскомъ магалѣ, которымъ онъ управлялъ съ 1806 года на правахъ землевладѣльца. Здѣсь увеличеніе платежей и барщины было весьма значительно, особенно если принять во вниманіе, что барщина была переложена въ оброчные платежи по весьма высокой цѣнѣ. Вмѣсто $^1/_{10}$ земныхъ произведеній и 3-рублевой подати, платимой прежде, какъ мы знаемъ Дербентскимъ ханамъ [2]), жители Улусскаго магала въ это время обязаны были давать шамхалу по-прежнему десятину съ урожая всякаго хлѣба и, кромѣ того, платить: 1) съ пуда сухой марены 40 коп. сер., 2) взамѣнъ паханія земли для владѣльческихъ посѣвовъ, отъ каждой пары имѣющагося у поселянъ рабочаго скота капанъ (3 пуда) пшеницы и капанъ (2 п. 15 ф.) ячменя, 3) взамѣнъ уборки съ полей владѣльческаго хлѣба капанъ пшеницы и капанъ ячменя со двора, 4) за освобожденье отъ посѣва въ пользу владѣльца сарачинскаго пшена по 1 р. 50 к. с. съ двора, 5) вмѣсто дачи подводъ для перевозки податного хлѣба по 1 р. 50 к. с. со двора [3]).

Въ Мехтулинскомъ ханствѣ, гдѣ принципъ собственности на землю былъ проведенъ болѣе полно, чѣмъ въ шамхальствѣ, платежи въ пользу хана и бековъ были увеличены въ этотъ періодъ, во 1-хъ, введеніемъ одного новаго прямого налога — куугъ — сборъ

---

[1]) Записки ib. 327.

[2]) Прибавленія и поясненія, сдѣланныя Дагестанскимъ Военнымъ губернаторомъ Миниквицемъ къ ст. Берже „Прикаспійскій край“. Кавказ. ком. 1858 г. стр. 333.

[3]) Свѣдѣнія эти собраны мною лично въ Кюринскомъ округѣ 1896—1897 г.

самана или мякины для прокормленія скота и лошадей хана по 1 корзинѣ съ двора, такъ чтобы съ 3-хъ или 4-хъ дворовъ составилась арба, и одного косвеннаго—откупъ спиртныхъ напитковъ и красныхъ товаровъ въ селеніяхъ Большой и Малый Дженгутай, а во-вторыхъ, требованіемъ исполненія новыхъ повинностей: 1) выставки арбъ для надобностей хана, 2) выставки рабочихъ для строительныхъ работъ хана и обработки садовъ и 3) выставки конныхъ чапаровъ для посылокъ по дѣламъ ханскаго дома. Кромѣ того, были увеличены Арба-огачъ съ 1 арбы дровъ до 2 и барщина (Бильчомъ-бильха и уракъ-бильха) съ 2 дней до 4.

Въ Кайтагѣ и Табасарани, гдѣ обезземеліе проведено было полнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, подати и повинности увеличились весьма значительно [1]).

Въ Кайтагѣ въ это время, вмѣсто прежнихъ общественныхъ помочей (англійскіе love bones) и 25 сабъ пшеницы и ячменя, вводится барщина въ неопредѣленномъ размѣрѣ для распашки и уборки бекскихъ полей и аробная повинность съ доставкою дровъ часто въ Дербентъ и увеличивается сборъ ячменемъ и пшеницей до 30 сабъ [2]).

Въ Табасарани платежи въ этотъ періодъ заключались въ повинностяхъ:

1) Натуральными произведеніями по 6 сабъ пшеницы, 1 арбѣ сѣна и въ опредѣленномъ размѣрѣ (1%) отъ стадъ барановъ, урожая фруктовъ, орѣховъ, марены и проч.

2) Издѣльной—до 8 дней въ годъ полевыхъ работъ.

3) Подводной — перевозка хлѣба на мельницу, доставленіе дровъ, хворосту.

4) Личной—отбываніе конной службы при бекѣ и предоставленіе ему пользоваться услугами сиротъ до ихъ совершеннолѣтія [3]).

Въ Кюринскомъ ханствѣ, гдѣ до 1812 года не было никакихъ налоговъ и повинностей, къ 1860 году жители платили хану налогъ съ дыма по 2 руба (3 пуда) пшеницы, по 3 руба (3 п. 30 ф.) ячменя, по 2 фунта шерсти и масла и 1 фунтъ меду и

---

1) Мехтулинскіе ханы ib. II, 9—13.

2) Освобожденіе ib. I, 48, Дубровинъ. Исторія войны ib. т. I, кн. I стр. 605. Саба—туземная мѣра вѣса, равная для пшеницы 30 фунт., ячменя 25, овса 20 ф.

3) Освобожденіе ib. I, 48, Дубровинъ, Исторія войны т. I, кн. I, стр. 605.

несли издѣльную повинность въ видѣ расчистки земли и полей марены для хана [1]).

Превративъ вышеописаннымъ способомъ административную зависимость подчиненныхъ ихъ управленію жителей деревень въ поземельную, ханы и беки на этомъ не останавливаются и, стѣсняя переходы, стараются прикрѣпить вольныхъ доселѣ узденей къ землѣ.

Самый процессъ закрѣпощенія, получившій особенное развитіе въ Южномъ Дагестанѣ, хотя не чуждый и Мехтулѣ, проводится беками такъ.

Желая всячески препятствовать и мѣшать передвиженіямъ жителей съ мѣста на мѣсто, беки сначала стѣсняютъ мобилизацію недвижимой собственности предѣлами данной общины, почему требуютъ у переселенцевъ продажи недвижимости только ихъ односельцамъ, затѣмъ они лишаютъ узденей права переселяться изъ селенія въ другое безъ ихъ позволенія, которое даютъ лишь въ томъ случаѣ, если переселяющійся оставляетъ въ ихъ пользу все свое недвижимое имущество [2]).

Выбравъ сказанный путь къ закрѣпощенію крестьянъ, беки дѣйствовали навѣрняка: они знали, какъ трудно горцу продать недвижимое имущество, въ большинствѣ случаевъ, въ малыхъ селеніяхъ и какъ еще труднѣе — разстаться съ тохумомъ. Мало того, беки были увѣрены, что при той привязанности горцевъ къ мѣсту поселенія и той трудности сооруженія домовъ [3]), какія существуютъ въ Дагестанѣ, немногіе рѣшатся покинуть вѣками насиженное мѣсто и идти на свободу, которая сулитъ страшный трудъ и лишенія, а при существованіи кровниковъ—и весьма значительный рискъ.

Когда вольные доселѣ жители были такимъ образомъ фактически прикрѣплены къ землѣ, беки стали, вмѣстѣ съ увеличеніемъ арендной, такъ сказать, платы и барщины, вводить разныя нововведенія. Прежде всего они распространили практиковавшееся раньше весьма рѣдко право ханскаго наслѣдованія на выморочное имущество, оставшееся послѣ смерти крестьянъ, не оставившихъ дѣ-

---

[1]) Берже. Прикасп. край ib. 327.

[2]) Освобожденіе ib. I, 47—48.

[3]) Милютинъ. Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ. СПБ. 1850 г.

тей мужескаго пола, на всѣ свои селенія, при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ оставшихся вдовъ и дѣтей стали брать къ себѣ въ домъ для домашнихъ услугъ. Затѣмъ они устанавливаютъ особую плату (maritagia) за право вступать въ бракъ и т. п. Наконецъ требуютъ, сверхъ обязательной 8-мидневной барщины, еще особой выставки рабочихъ—для поправки заборовъ, канавъ, дома и проч., аробъ, для надобностей бека и конныхъ чапаровъ—для посылокъ и проч. [1]) Когда всѣ эти домогательства, благодаря настойчивости бековъ и всюду и вездѣ оказываемой имъ помощи, увѣнчались успѣхомъ, беки, стремясь обратить поземельную зависимость вмѣстѣ съ тѣмъ и въ личную, начинаютъ требовать съ крестьянъ внесенія податей даже въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ не пользуется землею бека, а иногда даже не живетъ въ данномъ селеніи. Установилось правило, по которому крестьяне бека, ушедшіе на заработки, обязаны по возвращеніи въ селеніе уплачивать въ пользу своего владѣльца одну треть заработанной суммы [2]). Такимъ образомъ къ началу 60-хъ годовъ въ Дагестанѣ

[1]) Освобожденіе ib. I, стр. 48, Мехтул. ханы ib. II, 18.

[2]) Подробную исторію превращенія вольныхъ узденей въ крѣпостныхъ разсказываетъ Линевичъ въ ст. „Бывшее Елисуйское султанство“. Въ качествѣ иллюстраціи къ нами описанному мы считаемъ нужнымъ привести вкратцѣ исторію съ сел. Фистигло. Селеніе это построено на землѣ, купленной у сел. Амирджайло и раздѣленной на 50 участковъ, находящихся въ частной собственности жителей. Вначалѣ крестьяне не платили никакихъ податей. При Даніель-бекѣ, управлявшемъ съ 1831 г., подъ властью русскихъ, положеніе жителей ухудшилось. Онъ обложилъ ихъ податью шелкомъ по $1\frac{1}{2}$ стиля ($\frac{3}{4}$ фунта) со двора и задумалъ совсѣмъ присвоить себѣ селеніе, уничтоживъ купчую жителей на землю. Когда жители ему не дали купчей, онъ разрѣшилъ амирджайлинскимъ лезгинамъ, получившимъ бекскія права, брать земли Фестигло въ свое пользованіе. Беки стали ихъ тѣснить, занимая лучшія земли. На жалобы жителей султанъ отвѣчалъ требованіемъ купчей и для большаго стѣсненія послалъ туда своихъ нукеровъ въ видѣ надсмотрщиковъ надъ доходами и поведеніемъ жителей. Нукеры совершенно ихъ разорили, налагая штрафы безъ всякаго суда и большею частью безъ всякой вины. Вслѣдствіе этого жители впали въ такіе неоплатные долги, что назначенному отъ русскаго правительства, послѣ бѣгства Даніеля (1843 г.), приставу Гаджи-агѣ удалось воспользоваться ихъ бѣдственнымъ положеніемъ и все селеніе закрѣпить за собою. Для этого онъ, скупивши на выгодныхъ условіяхъ бо́льшую часть долговъ, объявилъ: жители Фестигло принадлежатъ ему со всѣмъ ихъ имуществомъ и, какъ бы въ подтвержденіе своихъ правъ, при выдачѣ своей дочери замужъ за сына нухинскаго хана записалъ за нею все Фистигло. Такъ въ послѣднемъ водворилось крѣпостное право. Линевичъ ib. VII, 22—23 стр.

прежняя полицейско-административная зависимость жителей отъ бековъ превратилась въ лично-поземельную или, вѣрнѣе, крѣпостную.

Рядомъ съ вышеописанною зависимостью крестьянъ отъ высшаго сословія въ Дагестанѣ въ это время существовала еще и чисто личная зависимость въ видѣ домашнихъ рабовъ—кулы и каравашп, и сельскихъ—чагаръ.

Что касается ихъ положенія, то здѣсь, благодаря русскому вліянію, замѣтно значительное улучшеніе въ сравненіи съ предыдущимъ періодомъ, во-первыхъ, въ томъ, что со времени Ермолова у владѣльцевъ было отнято jus vitae ac necis надъ рабами [1]), а, во-вторыхъ, въ томъ, что господа, пользуясь по-прежнему издѣльной работой чагаръ, находятъ для себя болѣе выгоднымъ получать съ послѣднихъ опредѣленныя повинности, заключающіяся въ 1 арбѣ дровъ, 1 мѣрѣ пшеницы и 1% со стада барановъ, а все остальное, заработанное, предоставлять въ собственность поселянина [2]).

Итакъ, въ половинѣ 60-хъ годовъ мы встрѣчаемся въ Дагестанѣ съ слѣдующими сословіями: во-первыхъ, съ привилегированнымъ сословіемъ, къ которому надо отнести а) хановъ и б) бековъ коренныхъ и заслуженныхъ, а, во-вторыхъ, съ подчиненнымъ сословіемъ крестьянъ въ обширномъ смыслѣ, зависимость которыхъ отъ хановъ и бековъ, по оффиціальнымъ документамъ, выражалась въ трехъ формахъ: а) административной, въ какой стояли всѣ подданные хана къ своимъ владѣтелямъ, напр., жители Кюры—относительно Юсуфъ-хана, Кайтагцы — полковника Джамовъ-бека и проч., б) поземельной или крѣпостной,—каковая существовала въ наиболѣе тяжелой формѣ въ Кайтагѣ и Табасарани по отношенію къ такъ называемымъ раятамъ, а въ легкой—въ Мехтулѣ, Казикумухѣ, Кюрѣ и Самурскомъ округѣ, и в) чисто личной зависимости—куловъ, каравашей и чагаръ.

Прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этихъ сословій послѣ объявленія въ Дагестанѣ Манифеста 19 февраля 1861 года.

---

1) Прокламація Ермолова владѣльцамъ и узденямъ отъ 26 іюня 1822 г.

2) Освобожденіе ib. 48.

Глава III.

Реформа 1861 г. въ Дагестанѣ. Паденіе ханствъ и уничтоженіе административной зависимости населенія отъ владѣльцевъ. Введеніе русскаго управленія, освобожденіе рабовъ и уничтоженіе чисто личной зависимости. Раяты остаются внѣ дѣйствія манифеста. Судьба ихъ поручается сословно-поземельной коммиссіи. Безплодность и медленность работы послѣдней. Реформа 19 февраля для раятъ прошла безслѣдно и положеніе ихъ осталось неизмѣннымъ. Параллель съ Терской областью.

Съ наступленіемъ шестидесятыхъ годовъ и въ далекомъ Дагестанѣ повѣяло новымъ духомъ. Несмотря на то, что положеніе объ управленіи Дагестанской областью предоставило ханства полной власти хановъ, русская мѣстная власть болѣе зорко слѣдитъ за дѣйствіями хановъ и вмѣшивается въ ихъ управленіе, когда жалобы жителей раздаются слишкомъ громко.

Эти вмѣшательства русской власти во внутреннія дѣла хановъ, постоянныя жалобы и частыя народныя демонстраціи, наконецъ увеличеніе дѣлъ судебныхъ и административныхъ до того обезкуражили правителей ханствъ, что послѣднія начинаютъ вскорѣ одно за другимъ падать [1]).

Началось все съ Аварскаго Ханства.

Послѣднее приказомъ по штабу отъ 25/27 марта 1863 г. было преобразовано въ округъ, а назначенный кн. Барятинскимъ Ибрагимъ-Ханъ тѣмъ же приказомъ отрѣшался отъ управленія ханствомъ вслѣдствіе умственнаго растройства [2]).

Почти одновременно съ нимъ окончило свое существованіе и другое ханство—Кюринское.

Сильное озлобленіе народа и враждебныя демонстраціи, вызвавшія за собою разслѣдованіе со стороны русскихъ властей, заставили послѣдняго Кюринскаго хана Юсуфъ-хана просить о сложеніи съ него ханскаго званія. Ходатайство его объ этомъ было принято и Кюринское ханство съ 1865 г. преобразовано въ Кюринскій округъ [3]).

Той же участи въ слѣдующемъ 1866 г. подверглось туземное управленіе Кайтага и Табасарани, владѣтели которыхъ сами про-

---

[1]) Козубскій. Памятн. кн. ib. 31—32, 40.

[2]) Козубскій. ib. 31—32.

[3]) Козубскій. ib. 32—35.

сили о сложенія съ нихъ обязанностей по управленію владѣніями, „сознавая несвоевременность туземнаго управленія народомъ" [1])...

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ судьба жителей-подданныхъ и самихъ хановъ была одинаковая...

Съ преобразованіемъ ханствъ въ окружныя управленія, жители освобождались отъ всѣхъ налоговъ и повинностей, которыя они раньше отбывали хану, какъ правителю, и облагались тѣмъ или инымъ денежнымъ сборомъ, смотря по благосостоянію и платежной способности. Что же касается участи самихъ правителей, то послѣднимъ, обыкновенно, кромѣ раньше получаемаго по званію хана жалованія, назначалась особая пенсія, распространявшаяся послѣ его смерти на дѣтей и вдовъ, и, кромѣ того, имъ выдѣлялся изъ земель ханства въ ихъ собственность большій или меньшій участокъ земли, такъ, напр., Юсуфъ-хану Кюринскому, кромѣ получаемаго раньше жалованія по чину генералъ-майора, съ 1 января 1864 г. назначалась пенсія въ 5000 руб., съ переходомъ полученія ея на его вдовъ и дѣтей, и выдѣлялся участокъ земли въ 4000 десятинъ [2]), правителю Кайтага, Ахмедъ-ханъ беку Мемедъ бекъ оглы—пенсія въ размѣрѣ 500 руб. въ годъ и участокъ въ 1622 дес. 1460 кв. саж. и т. д. [3]).

Съ паденіемъ перечисленныхъ ханствъ ханское управленіе осталось лишь во владѣніи Тарковскомъ и Мехтулѣ. Но наконецъ, въ 1867 г., очередь дошла и до нихъ... Тѣ же причины, которыя заставили рушиться предыдущія ханства, съ неменьшею силою дѣйствовали и здѣсь. И вотъ въ началѣ 1867 г. Шамхалъ Тарковскій кн. Шамсудинъ-ханъ, а за нимъ и Решидъ-ханъ Мехтулинскій обратились къ начальнику области съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ обязанностей правителей ханствъ. Просьба ихъ была принята, и вотъ 20 апрѣля 1867 г. было Высочайше повелѣно: 1) сложить съ кн. Шамсудина Тарковскаго и хана Мехтулинскаго, согласно заявленному ими желанію, обязанности и права, предоставленныя имъ по управленію ихъ владѣніями, которыя преобразовать съ присоединеніемъ присулакскаго наибства въ

[1]) Козубскій ib. 38—39.
[2]) Козубскій ib. 33—34.
[3]) Козубскій ib. 39.

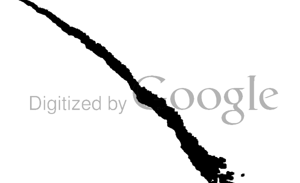
Темиръ-ханъ-Шурскій округъ, и 2), оставить всѣ права ихъ по владѣнію и пользованію наслѣдованными ими отъ отца недвижимыми имѣніями и по отправленію имъ жителями всѣхъ повинностей, какія они отбывали ему раньше по званію правителей и по праву землевладѣльца впредь до опредѣленія поземельныхъ правъ ихъ особою временною коммиссіею [1]).

Упраздненныя на такихъ условіяхъ, владѣнія эти представили бы страшныя затрудненія въ смыслѣ сословно-поземельнаго вопроса, если бы не случилось нѣкоторыхъ событій, значительно измѣнившихъ положеніе вещей.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ объявленія Высочайшей воли объ открытіи Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа Кн. Шамсудинъ Тарковскій, извѣщенный уже о Высочайшемъ соизволеніи по его просьбѣ, подалъ Начальнику Дагестанской области кн. Меликову письмо слѣдующаго содержанія:

„Имѣя въ виду, что Ваше Сіятельство предположили объявить завтрашняго дня населенію вновь образуемаго Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа о сложеніи съ меня обязанностей и правъ ближайшаго правителя надъ шамхальцами, я обдумывалъ то, въ какія отношенія къ жителямъ я буду поставленъ новымъ моимъ положеніемъ, и пришелъ къ тому заключенію, что оставленіе обязательныхъ отношеній ко мнѣ жителей, послѣ того, какъ я отказался отъ управленія ими, можетъ повлечь за собою разныя неудобства и затрудненія. Желая предупредить эти затрудненія и руководимый мыслью, что въ Шамхальствѣ Тарковскомъ, по долгу званія и сана моего, на мнѣ лежитъ обязанность подать примѣръ всемѣрнаго стремленія къ ускоренію и облегченію приведенія въ исполненіе видовъ правительства—установить свободныя отношенія между всѣми туземцами Дагестана,—я рѣшился освободить деревни — Тарки, большія Казанищи, Халимъ-бекъ-аулъ, Буглень, Урму, принадлежащую мнѣ четвертую часть сел. Гелги съ живущими въ Таркахъ моими чагарами, а равно и шамхальскихъ ногайцевъ отъ всѣхъ повинностей и налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, которые они несли мнѣ до сего времени по званію Шамхала и землевладѣльца и которые оставлены за мною по ны-

[1]) Шамхалы Тарковскіе ib. 67; Козубскій ib. 39—40.

нѣ объявленному мнѣ Высочайшему повелѣнію. Представляя объ этомъ Вашему Сіятельству, я прошу Васъ объявить народу завтра же о таковомъ моемъ рѣшеніи, дабы со днемъ преобразованія управленія шамхальцами связать и освобожденіе ихъ отъ всякихъ обязательныхъ отношеній ко мнѣ. Такимъ образомъ, добровольно и навсегда отказываясь отъ вѣковыхъ правъ моего дома, утвержденныхъ Всемилостивѣйшими грамотами Русскихъ Императоровъ, отъ правъ, которыя, какъ Вамъ близко извѣстно, давали мнѣ не мало выгодъ, я надѣюсь, что Ваше Сіятельство не оставите повергнуть на милостивое воззрѣніе Государя Великаго князя мое посильное пожертвованіе въ пользу ускоренія дѣла устройства свободныхъ отношеній въ здѣшнемъ населеніи и не откажете въ начальнической заботливости объ обезпеченіи дальнѣйшей участи моей и моего дома при наступающемъ съ завтрашняго дня новомъ положеніи нашемъ" [1]).

Подобное же заявленіе объ отказѣ отъ податей и повинностей съ населенія было сдѣлано и Решидъ-ханомъ Мехтулинскимъ, а также и чанками ханскаго мехтулинскаго дома [2]).

Послѣ отказа Шамхала Тарковскаго и хана Мехтулинскаго отъ полученія податей и повинностей, жители этихъ владѣній были освобождены правительствомъ отъ всякихъ обязательственныхъ отношеній къ бывшимъ своимъ владѣтелямъ и чанкамъ Мехтулинскаго дома, взамѣнъ чего они были обложены особой дополнительной податью въ казну [3]). Что касается до Шамхала и хана Мехтулинскаго, то участь ихъ и ихъ фамилій была вполнѣ обезпечена правительствомъ. Какъ тому, такъ и другому была Высочайше пожалована пенсія—Шамхалу въ размѣрѣ 7000 руб., а хану Мехтулинскому—не менѣе 5000 руб., и, кромѣ того, за ними были утверждены на правахъ собственности всѣ недвижимыя имѣнія, составлявшія безспорную частную собственность ханскаго дома. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство обезпечило участь чанковъ мехтулинскаго дома и родственниковъ Шамхала: первымъ было выдано единовременное денежное пособіе въ суммѣ десятилѣтней

[1]) Шамхалы Тарковскіе ib. 67—68; Козубскій, Пам. кн., 41—42.
[2]) Козубскій ib. 42.
[3]) Козубскій, Памятная книжка ib. 42, 44—45.

сложности доходовъ, которые они получали до прекращенія къ нимъ обязательныхъ отношеній жителей, а также за ними были утверждены земли, которыя находились въ личномъ безспорномъ владѣніи и пользованіи ихъ въ прежнее время,—обезпеченіе же вторыхъ было возложено правительствомъ на Шамхала, который обязанъ былъ нарѣзать въ ихъ пользу изъ принадлежащихъ ему безспорныхъ земель участки, приносящіе не менѣе опредѣленной суммы ежегоднаго дохода [1]).

Такъ, 1 августа 1867 года въ Дагестанѣ окончилась послѣдняя административная зависимость жителей—подданныхъ хановъ отъ владѣтелей ханствъ.

Въ тотъ же день, 1 августа 1867 года, пала и личная зависимость рабовъ—куловъ и каравашей, а также чагаръ.

Освобожденіе ихъ совершилось черезъ объявленіе Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 года, дѣйствіе котораго только теперь было распространено на Дагестанъ, хотя подготовительныя работы начались съ ноября мѣсяца 1866 года, когда, какъ передаетъ официальная статья въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, стали собирать свѣдѣнія о числѣ рабовъ въ Дагестанѣ и подготовлять рабовладѣльцевъ къ совершенію этого акта [2]). Къ веснѣ 1867 года вѣсть о всеобщемъ освобожденіи рабовъ распространилась по всему Дагестану и была встрѣчена радостно даже многими рабовладѣльцами, которые поспѣшили освободить своихъ рабовъ даромъ „для спасенія души". Въ то же время были собраны данныя для окончательнаго рѣшенія участи рабовъ, число которыхъ простиралось до 598 душъ обоего пола [3])... Всеобщее освобожденіе было объявлено 1 августа и въ этотъ день 35 рабовладѣльцевъ освободили безвозмездно 104 души „въ угоду Богу и Великому Государю нашему". Къ началу 1868 года рабовъ не было въ Дагестанѣ. Они были освобождены или даромъ—340 душъ, или по добровольному соглашенію за выкупъ сравнительно умѣренный (мужчины отъ 100—180 руб., женщины 100 и несовершеннолѣтніе 50—100 руб.)—239 человѣкъ; или, наконецъ, за

[1]) Козубскій ib. 42—44.

[2]) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ ib. I, 47, 49.

[3]) Освобожденіе ib. 49.

выкупъ, съ обязательствомъ прослужить своимъ владѣльцамъ извѣстный срокъ,—17 человѣкъ [1]).

Что касается чагаръ, то личнообязательныя отношенія, вытекавшія изъ рабства, были прекращены и имъ было предоставлено право свободнаго ухода съ занимаемыхъ ими земель и приписки къ другимъ сельскимъ обществамъ на общихъ основаніяхъ [2]) Воспользовавшись предоставленными имъ правами, они въ короткое время слились съ окружающимъ ихъ населеніемъ и нынѣ въ Дагестанѣ, какъ отдѣльное сословіе, нигдѣ не существуютъ.

Иная участь выпала на долю раятъ, т.-е. крестьянъ, находившихся въ лично-поземельной зависимости бековъ. Исторія ихъ такова.

Распространяя дѣйствіе Высочайшаго манифеста 19 февраля на Дагестанъ, мѣстная русская власть чрезвычайно сузила предѣлы его, примѣняя его только къ сословіямъ со строго личнымъ характеромъ зависимости, каковыми были кулы и караваши. Благодаря такому узкому толкованію, всѣ остальныя сословія со смѣшаннымъ характеромъ зависимости—личнымъ и поземельнымъ—напримѣръ: раяты Кайтага, Табасарани, Кюры, жители Лудкуна и Елага и проч., остались внѣ дѣйствія манифеста на томъ основаніи, что зависимость ихъ будто бы чисто поземельная.

Но, видя все же ненормальное положеніе раятъ и прочихъ представителей поземельно-зависимаго сословія, Дагестанское начальство, не умѣя само рѣшить этотъ вопросъ, поручило выполнить эту задачу различнымъ временнымъ сословно-поземельнымъ комиссіямъ для опредѣленія личныхъ и поземельныхъ правъ туземцевъ. Послѣднія же, изслѣдуя на мѣстѣ вопросъ, на первыхъ же шагахъ встрѣтились съ роковымъ для раятъ недоразумѣніемъ...

Дѣло въ томъ, что беки, а за ними и мѣстное дагестанское начальство считали земли, на которыхъ жили раяты, собственностью высшаго сословія, а подати и повинности—за арендную плату, между тѣмъ какъ сами раяты, а также нѣкоторые старые

---

[1]) Освобожденіе ib. 50—53.

[2]) Освобожденіе ib. 53. Ко дню освобожденія всѣхъ чагаръ насчитывалось 180 дымовъ.

акты, напр., доклады сенатора Гана, цитированный нами „Взглядъ на состояніе финансоваго управленія въ мусульманскихъ провинціяхъ“ и другіе [1]), говорили иное, а именно, что раятскія земли, на которыя претендуютъ беки, всегда составляли собственность правительства—сначала ханскаго [2]), а по завоеваніи—русскаго, а подати и повинности бекамъ вытекали не изъ ренты за землю, а изъ исполненія беками въ прежнее время полицейско-административныхъ обязанностей.

Обнаруживъ сказанныя противорѣчія, не зная, какъ ихъ примирить, а главное—боясь освобожденіемъ раятъ нарушить права бековъ, мѣстныя сословно-поземельныя коммиссіи оставили все въ прежнемъ положеніи [3]) и ограничились только тѣмъ, что выдали обществамъ раятъ, съ цѣлью оградить ихъ отъ дальнѣйшаго грабительства и насилія со стороны бековъ, особыя инструкціи, по которымъ должны были быть производимы сборы податей и отбываніе повинностей.

Позволимъ себѣ привести одну или двѣ инструкціи, выданныя жителямъ Кюры и Южной Табасарани.

Инструкція деревнямъ Дерелинскаго магала Южной Табасарани. Препровождая при семъ инструкцію повинностямъ, которыя вы обязаны отбывать въ пользу своего бека юнкера Мустафа-бека, утвержденную Военнымъ Начальникомъ Южнаго Дагестана, предписываю вамъ исполнить въ точности слѣдующія повинности подъ опасеніемъ за противное строгаго взысканія:

1. Душалыкъ по 1 сабу пшеницы и 1 ячменя въ годъ съ каждаго дома, имѣющаго достаточный посѣвъ; за орѣхи же бекъ получаетъ съ покупателей пошлину по 10 коп. съ капана [4]).

---

[1]) Акты, т. IX, №№ 214, 218; т. XII, ч. I, стр. 667 и пр.

[2]) Земли эти, какъ мы раньше видѣли, въ ханское время относились къ государственнымъ доменамъ.

[3]) Благодаря этому, въ Кюринскомъ ханствѣ получились довольно куріозныя вещи, а именно: деревни, принадлежащія послѣднему хану Кюринскому Юсуфъ-хану, были отъ него отобраны и всякія обязательства жителей къ нему прекратились; наоборотъ, деревни, или же отданныя другимъ лицамъ или дальнимъ родственникамъ, признаются въ настоящее время собственностью послѣднихъ, и жители до сихъ поръ несутъ имъ, какъ своимъ бекамъ, извѣстные сборы и повинности.

[4]) Сабу пшеницы = 30 фунт. 1 саба ячменя = 25 фунт. Капанъ = 3 пудамъ.

2. Для жатвы вообще бекскихъ хлѣбовъ давать съ каждаго дыма по 1 человѣку на 1 день.

3. Для кошенія и сбора сѣна давать съ каждаго дыма по 1 человѣку на 1 день.

4. Перевозить сѣно на 1 арбѣ съ дыма, имѣющаго скотъ.

5. Перевозить снопы на гумно по 1 арбѣ съ 2-хъ дымовъ, имѣющихъ скотъ.

6. Перевозить снопы съ гумна на домъ бека съ 2-хъ дымовъ, имѣющихъ скотъ, по 1 арбѣ.

7. Доставлять по 1 полной арбѣ дровъ и по 1 арбѣ хворосту съ дыма, имѣющаго скотъ.

При работахъ, въ пунктахъ 4, 5, 6 и 7 указанныхъ, съ дымовъ, не имѣющихъ скота, должны выходить по 1 человѣку съ дыма для необходимыхъ при перевозкѣ работъ.

8. Для возки хлѣба на мельницу, для молотьбы и перевозки обратно назначать съ 2-хъ дымовъ, имѣющихъ скотъ, по 1 арбѣ, а для присмотра въ мельницѣ посылать отдѣльно съ дыма не имѣющаго скота, по 1 человѣку.

9. Для очистки бекской канавы назначать по 1 человѣку съ дыма на 1 день.

10. Назначать на гумно для работъ по 1 человѣку съ дыма, не имѣющаго скота, на два дня.

11. Отдавать въ домъ бека для службы сиротъ, не имѣющихъ отца, матери, братьевъ и дядей со стороны отца; сиротамъ этимъ оставаться въ домѣ бека по 14 лѣтъ, но бекъ не имѣетъ права продавать сироту женскаго пола въ замужество.

12. Уплачивать беку съ провинившихся штрафъ по приговору Окружного суда.

13. Лица, имѣющія барановъ, платятъ по 1 барану съ каждой сотни барановъ.

14. Принимать въ кунаки только лицъ, пріѣзжающихъ къ беку по службѣ изъ окружныхъ управленій или отъ наибовъ; прибывающимъ же по частнымъ надобностямъ бека давать только

квартиру, а пріемъ сихъ послѣднихъ кунаками зависитъ отъ согласія жителей.

15. Исправлять карму, загонъ—по надобности, а домъ бека только при незначительныхъ передѣлкахъ; вновь же строить таковые бекъ можетъ только по добровольному эврезу.

16. Исправлять плетень кругомъ пяти садовъ, расчищать канаву вокругъ оныхъ, доставлять колья для садовъ и производить работы въ нихъ—по надобности отъ всѣхъ деревень, для чего ежегодно будетъ составляться расчетъ наибомъ Дерелинскаго магала.

17. Для очистки пшеницы, посылаемой на мельницу, высылать по надобности жителей отъ еврейскаго Общества Карчагъ.

18. При выдачѣ замужъ дѣвушекъ и вдовъ платить въ пользу бека при замужествѣ дѣвицы—10 руб., а вдовы—5 руб.

Всѣ работы выполняются по бегеру (приказу) старшины; муллы, нукеры освобождаются отъ исполненія сихъ повинностей. 14 іювя 1866 г. (Подписи).

А вотъ другая инструкція, данная ранѣе Начальникомъ округа вдовѣ бека Фатьма-бике на Койсунское и Магерамкентское сельскія общества Кюринскаго округа и оставленная безъ измѣненія сословно-поземельной коммиссіей.

„Въ виду того, что Койсунское и Магерамкентское общества замедляютъ исполненіе вашихъ требованій, назначаю между вами и ними границу и инструкцію, которая также дана этимъ деревнямъ, съ объясненіемъ ихъ обязанностей относительно вашихъ требованій, а также разъясняю и вамъ обязанность къ свѣдѣнію и руководству.

Пусть изъ каждаго дыма 1 человѣкъ одинъ день, съ утра до вечера, коситъ вамъ сѣно, 1 день собираетъ и 1 день его свозитъ.

Жнутъ 2 дня, свозятъ снопы 1 день; назначать 2-хъ человѣкъ отъ общества, чтобы работали на харманѣ (гумно) во время молотьбы хлѣбовъ 15 дней, повезутъ зерно съ хармана въ вашъ домъ, запрягая по 1 арбѣ отъ каждой пары дымовъ одинъ разъ. Посѣютъ чалтыку 2 бела [1]), чтобы вы дали работникамъ каждаго

[1]) Белъ=$^2/_3$ десятины.

бела 2 рубля деньгами, 1 рубу [1]) пшеницы и 1 барана. Дигьеку дадутъ по 1 рубѣ пшеницы и 1 ячменя. Если кто будетъ сѣять на низменности, то даетъ 3 рубы того, что посѣялъ, 1 барана съ каждой сотни. Тѣ, кто имѣетъ барановъ и скотъ,—2 истила масла, у кого пчелы—1 истилъ меду. Привезутъ дровъ по 1 арбѣ со двора осенью.

Только мулла, старшина, чоушъ, воинскіе чины, сироты, вдовы и бѣдняки освобождаются отъ сказанныхъ налоговъ. Подпись. 28 зилькайды 1278 г. [2]).

Выдавъ такія инструкціи, при чемъ въ нѣкоторыхъ не опредѣливъ даже барщины количествомъ дней, какъ въ вышеприведенныхъ, и собравъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, временныя сословно-поземельныя коммиссіи сочли дѣло освобожденія и опредѣленія поземельныхъ правъ туземцевъ со своей стороны исполненнымъ и представили весь собранный матеріалъ въ Тифлисъ, въ Центральную комиссію для опредѣленія сословныхъ и поземельныхъ правъ кавказскихъ горцевъ, которая должна была закончить дѣло выясненіемъ вопроса, кому должны принадлежать земли и какъ жители должны ими пользоваться.

На этомъ дѣло освобожденія и опредѣленія поземельныхъ правъ остановилось и до настоящаго времени не подвинулось ни на шагъ.

Между тѣмъ, положеніе раатъ на мѣстѣ, въ Дагестанѣ, не только не улучшилось, но ухудшилось...

Инструкціи, выданныя комиссіями, вскорѣ совершенно исчезли изъ рукъ населенія, будучи въ однихъ мѣстахъ потеряны, въ другихъ же отобраны у населенія не въ мѣру предупредительными къ бекамъ мѣстными начальниками или наибами, назначавшимися, преимущественно изъ бековъ и всегда поддерживающими бекское сословіе. Такъ населеніе деревень всецѣло было вновь предоставлено корыстолюбію бековъ и ихъ приказчиковъ—нукеровъ.

Жалобы населенія на насилія со стороны бековъ не доходили до высшаго начальства, а болѣе близкое, состоявшее изъ бековъ, какъ наибы, или расположенные къ бекскимъ интересамъ при по-

---

[1]) 1 руба пшеницы = 1 пуду 20 фун., 1 руба ячменя = 1 пуд. 10 фун., 1 истилъ = $^3/_4$ фунта.

[2]) Свѣдѣнія эти собраны мною на мѣстѣ въ Дагестанѣ.

мощи „пешкешей", хотя и знало всю тяжесть податей и повинностей и было освѣдомлено насчетъ бѣдственнаго положенія жителей, не принимало никакихъ мѣръ для огражденія интересовъ послѣднихъ, успокаивая постоянно ихъ надеждой на скорый исходъ дѣла освобожденія.

Уставши, въ ожиданіи желаннаго освобожденія, переносить несправедливости и притѣсненія бековъ, жители начинаютъ искать защиты у болѣе высокаго начальства—губернскаго, которому постоянно пишутъ прошенія, жалуясь на свое положеніе; но и это не принесло для раятъ никакой пользы, такъ какъ Губернское Начальство, въ надеждѣ на работу комиссіи, не принимало общихъ мѣръ, а ограничивалось только устраненіемъ зла въ отдѣльныхъ случаяхъ. Не лучше бывало и тогда, когда жители обращались къ помощи городского окружного или народнаго суда. Будучи сами по себѣ безсильны вслѣдствіе подчиненія административной власти, суды эти насколько могли, старались уладить дѣло, или приведя его къ маслагату (примиренію сторонъ), или постановляя въ крайнемъ случаѣ то или другое рѣшеніе, часто клонившееся на пользу раятъ вслѣдствіе того, что сами суды не знали истинныхъ повинностей и платежей въ пользу бековъ.

Такое неопредѣленное положеніе длилось до 1897—1898 года, когда массовыя волненія раятъ, постоянные отказы отъ работъ на бековъ, жалобы и депутаціи вынудили мѣстную власть принять болѣе рѣшительныя мѣры и выяснить отношенія, хотя до нѣкоторой степени. Тогда вспомнили объ инструкціяхъ 60-хъ годовъ и, вытребовавъ копіи ихъ изъ Центральной сословно-поземельной комиссіи, раздали ихъ обществамъ обязанныхъ крестьянъ.

На этомъ дѣло остановилось и въ этомъ положеніи стоитъ и въ настоящій моментъ.

Здѣсь невольно является въ умѣ параллель съ сосѣднею Терской областью, гдѣ, несмотря на такую же запутанность сословно-поземельныхъ отношеній, какъ въ Дагестанѣ, и на массу крѣпостныхъ, все было улажено еще въ половинѣ 60-хъ годовъ, благодаря дѣятельности графа М. Т. Лорисъ-Меликова [1]).

[1]) С..... въ, Е., Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе. Сб. свѣд. о Кавк. горцахъ, вып. I. Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области. Сб. свѣд. о Кавк. горц., вып. I.

Хотя цифра зависимыхъ отъ господъ людей въ Терской области простиралась до 26000 человѣкъ и видовъ зависимости было значительно больше, чѣмъ въ Дагестанѣ, однако освобожденіе совершилось здѣсь въ теченіе какихъ-нибудь восьми мѣсяцевъ и результаты его были весьма успѣшны. „Всѣ зависимые, читаемъ мы въ офиціальномъ" Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ" [1]), были освобождены одни безплатно (дѣти до 15 лѣтъ и взрослые послѣ 45 лѣтъ), другіе за выкупъ значительно меньшій, чѣмъ высшая норма выкупа, назначенная правительствомъ (200 р. за взрослыхъ отъ 15 до 45 лѣтъ); сохранились добрыя отношенія между владѣльцами и ихъ бывшими рабами; хозяйство ни одной изъ заинтересованныхъ сторонъ не потерпѣло ощутильнаго ущерба: осталась на время и столь важная въ домашнемъ быту владѣльческаго класса горцевъ прислуга, хотя и временно обязанная, но въ тоже время дающая возможность владѣльцамъ приступить къ устройству на совершенно новыхъ основахъ своего экономическаго быта; съ другой же стороны и зависимые получили всѣ тѣ гражданскія права, которыхъ они не только были лишены, но о которыхъ, можно сказать, и думать не смѣли—получили права личныя и имущественныя", такъ какъ правительство, даровавъ имъ льготы отъ государственныхъ податей и повинностей, озаботилось о поземельномъ ихъ обезпеченіи. Послѣднее совершилось благодаря остроумно выполненной поземельной реформѣ въ Кабардѣ, послужившей основаніемъ при рѣшеніи земельнаго вопроса во всей Терской области.

Графу М. Т. Лорисъ-Меликову, при участіи его ближайшаго помощника полковника Коджокова, удалось склонить Кабардинскихъ князей къ скрѣпленію своею подписью слѣдующаго заявленія: Земли Кабарды составляютъ достояніе всего народа и должны находиться въ общемъ его владѣніи. Отправляясь отъ этого заявленія, сдѣланнаго въ Нальчикѣ уполномоченными отъ всѣхъ сословій Кабарды 20 августа 1863 года, Терская сословно-поземельная коммиссія выработала слѣдующій планъ реформы: тридцати ауламъ большой Кабарды опредѣлить участокъ земли въ 248000 десятинъ; участокъ этотъ долженъ быть раздѣленъ, по числу всѣхъ дворовъ, между аулами такъ, чтобы на каждый дворъ при-

[1]) Освобожденіе зависимыхъ сословій ib. стр. 43.

ходилось счетомъ по 36 десятинъ; 83000 десятинъ раздать въ частную собственность княжескимъ и дворянскимъ семьямъ; отвести участокъ въ 8000 десятинъ для поселенія на немъ тѣхъ изъ горцевъ, которые пожелаютъ выселиться на плоскость. Остальную затѣмъ землю въ количествѣ 226000 десятинъ пастбища и 60000 десятинъ лѣса оставить въ запасѣ, предоставивъ намѣстнику Кавказа опредѣлить порядокъ пользованія ими какъ для кабардинцевъ, такъ и для горцевъ.

Въ существеннѣйшихъ чертахъ этотъ проектъ былъ приведенъ въ исполненіе; кабардинскіе князья, которымъ прежде принадлежали необъятныя пространства земли, получили свои въ общемъ не особенно значительные надѣлы, а за прежними жителями ауловъ и вновь освобожденными въ 1866 году было признано право общиннаго владѣнія.

П. Гидулановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Армянскіе бошà (цыгане).

(Этнографическій очеркъ).

ВСТУПЛЕНІЕ.

Общій обзоръ цыганъ.

Едва ли въ исторіи жизни народовъ вы встрѣтите другой примѣръ племени, которое съ давнихъ поръ безпрерывно, не зная покоя, скиталось бы толпами, съ одного конца земного шара до другого, считало бы его своей землей, родиной и, что важнѣе всего, могло сохранить при этомъ свою самобытность, лишь отчасти подвергаясь сильному, всепоглащающему вліянію среды. И тѣмъ не менѣе существуетъ такой народъ, народъ, который въ продолженіе столѣтій исходилъ всю Азію, Европу, Америку и даже Австралію. Въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара вы встрѣтите ихъ кучки; на нихъ не вліяютъ никакія условія, они выносятъ и холодъ, и жару, всѣ климаты, всѣ обстоятельства, они какъ бы принаравливаются, подчиняются имъ. Вотъ они попадаются вамъ на дорогахъ, въ пыли, верхами на ослахъ, или пѣшкомъ, съ навьюченнымъ на себя или сложеннымъ на арбахъ имуществомъ; съ ними полунагія, босыя дѣти и женщины; проходятъ они и черезъ льдины, проходятъ и подъ палящимъ климатомъ экватора; останавливаются отдохнуть гдѣ придется; быстро, на скорую руку раскидываютъ шатры, живутъ, сколько захочется, и опять въ какой-нибудь часъ собираются и снова исчезаютъ изъ страны.

Всѣ знаютъ этотъ странный народъ. Одинаково знакомъ и ему Европеецъ, Африканецъ и Австраліецъ. Всюду они носятъ различныя имена: въ Англіи называютъ ихъ „*Джипси*“ [1]), въ Турціи

1) Предполагаютъ, что слово джипси есть сокращенное „еджипси“—египтяне.

„чингинэ, боша, манфіорія (*ситодњлы*), Арменіи *„ѳнчу“*, Россіи *„цыганами“*, Персіи *„мутруб-карачи“*, во Франціи же они получили названіе *„богемцы“* (Bohémiens), въ Венгріи—pharaon-nepek (народъ Фараона), въ Туркестанѣ—*белуджи*. Это цыгане—народъ, съ гипотетическимъ происхожденіемъ, средняго роста, съ курчавыми черными волосами, овальнымъ лицомъ индійскаго типа, съ правильнымъ и даже часто красивымъ сложеніемъ. Однимъ словомъ, соединеніе нѣжнаго съ грубымъ, дикаго съ красивымъ. Естественно, что такой оригинальный народъ привлекъ интересъ ученыхъ изслѣдователей. Давно уже ученые, путешественники, историки, соціологи, филологи изслѣдуютъ, изучаютъ ихъ: цѣлая литература существуетъ о нихъ, и тѣмъ не менѣе цыгане остаются еще полузагадочнымъ народомъ и ускользаютъ отъ полнаго и всесторонняго изученія.

Историки и филологи были первыми ихъ изслѣдователями. Полное молчаніе или же отрывочные, поверхностные намеки на нихъ древнихъ писателей, съ одной стороны, существованіе тайныхъ наукъ среди цыганъ, съ другой, создали довольно странное представленіе о нихъ въ умахъ послѣдующихъ поколѣній. Едва ли не всюду ихъ считали если не вполнѣ, то на половину чародѣями, предсказателями,—и какія только предположенія не являлись объ ихъ происхожденіи. Напримѣръ, историкъ Предори [1]) (1841 г.) считаетъ ихъ остатками народа миѳической Атлантиды, а Батальяръ [2]) старается доказать, что цыгане въ доисторическій, бронзовый періодъ жили въ южной Европѣ, Малой Азіи и въ сѣверной Африкѣ. Но эти, хотя и имѣющія своихъ послѣдователей, гипотезы далеки отъ дѣйствительности. Болѣе заслуживаютъ довѣрія предположенія, относящія происхожденіе цыганъ къ историческимъ эпохамъ.

Геродотъ и Страбонъ, упоминая о „сигиннахъ“, считаютъ родиной ихъ Кавказъ и Малую Азію; такой выводъ, по крайней мѣрѣ, можно сдѣлать изъ ихъ словъ. Византійскія лѣтописи VII и XII вѣковъ упоминаютъ о нихъ, называя ихъ „цыганами“, и, наконецъ, филологическія изслѣдованія стараются прійти къ такимъ предположеніямъ, которыя кажутся болѣе всего вѣроятными.

---

[1]) Francesco Predori. Origine e vicende degli Zingari. 1841 г.

[2]) Paul Bataillard. Les Tsiganes de l'âge de bronze. 1876.

Приступивъ къ изученію вполнѣ оригинальнаго цыганскаго языка, лингвисты нашли, что онъ есть смѣсь семи индійскихъ языковъ: *гинди*, *маграти*, *пенджаби*, *синди*, *гузерати*, *бенгали и ориджа* [1]. Самъ по себѣ языкъ цыганскій не похожъ ни на одинъ изъ этихъ языковъ, въ особенности теперь; подверженные вліянію языковъ тѣхъ странъ, гдѣ они жили или провели достаточное время, они потеряли грамматику, много словъ, остальныя же слова или исковеркали, или же подвергли новымъ измѣненіямъ.

Извѣстный лингвистъ Миклошичъ находитъ, что языкъ цыганъ очень близокъ ново-индійскому языку страны Синдъ, которая находится около границы Белуджистана во владѣніяхъ бомбейскаго Раджи; цыгане сами себя часто называютъ *синди*. Эти данныя лингвистики привели къ выводу, что родиной цыганъ была Индія, и что они произошли отъ племени „*джатъ*" индійской области „*Синдъ*". Теорія эта встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ, а послѣдующія изслѣдованія еще больше подтвердили ея достовѣрность.

Отыскавъ родину цыганъ, уже не трудно было найти путь, по которому они разсѣялись повсюду. Цыгане покинули родину свою Индію предположительно въ 1000 году. Но это число окажется не вѣрнымъ, если принять, что „*сигины*" Геродота были предками теперешнихъ цыганъ. Тогда выходъ ихъ изъ Индіи относился бы чуть ли не къ первымъ періодамъ исторіи, что мало вѣроятно. Вступленіе же ихъ въ Европу и Азію считается не позже 1000 г. Эта эмиграція цыганъ совершилась двумя большими группами: первая направилась по морскому берегу вглубь материка. Спустившись внизъ по теченію рѣки Инда, эта группа по белуджистанскому берегу Персидскаго залива прошла до самой Аравіи и Краснаго моря; отсюда она проникла въ Сирію и разсѣялась по Криту, Кипру и по островамъ Архиполага. Изъ нихъ одна часть, отдѣлившись, направилась далѣе на западъ въ Египетъ и даже въ самый Алжиръ, другая же разсѣялась по Малой Азіи.

Вторая партія эмигрантовъ проникла изъ сѣверныхъ частей Индіи въ Персію, Месопотамію и Малую Азію, на берега Чернаго и Каспійскаго морей, гдѣ и встрѣтилась съ первой группой.

---

[1] Одинъ авторъ, писавшій о цыганахъ, предполагалъ, что языкъ русскихъ цыганъ очень похожъ на индійскій яз. *мултан*, который онъ слышалъ въ Астрахани.

Этой встрѣчей двухъ группъ объясняется нахожденіе довольно большого числа цыганскихъ поселеній на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, а также существованіе въ Турціи двухъ различныхъ типовъ цыганъ, замѣтно отличающихся другъ отъ друга какъ по языкамъ, такъ и по нравамъ. Представителей этихъ-то типовъ въ Турціи называютъ: 1) „*чингинэ*", и 2) *гай боша* (армянскіе боша). Теперь я считаю нужнымъ привести въ сжатомъ видѣ результаты изслѣдованій, совершенныхъ европейскими учеными, историками, народовѣдами, изслѣдованій, касающихся, конечно, главнымъ образомъ, европейскихъ цыганъ и менѣе всего азіатскихъ.

Предполагаютъ, что вступленіе цыганъ въ Европу совершалось съ 1417 г. по берегу Чернаго моря въ Молдавію и Валахію различными группами въ 70—200 человѣкъ [1]). Каждый отрядъ (*лай*) имѣлъ своего начальника (*полгаръ*), своихъ судей (*аhилъ*), *князей* (*джамадаръ*), которыхъ, по вступленіи ихъ въ Европу, европейскіе историки называли герцогами, князьями, королями, графами, баронами. Въ 1417 году, на берегахъ Дуная появился первый большой отрядъ цыганъ подъ предводительствомъ „короля" Синделя, „герцоговъ" Михаля, Андраша и Фануэля, „графа" Іони и „барона" Петрона. Они ѣхали впереди отряда верхами, толпа же слѣдовала за ними пѣшкомъ, босая, безъ шапокъ, въ лохмотьяхъ, въ то же время съ золотыми поясами и въ различныхъ украшеніяхъ; женщины, съ привязанными на спинахъ дѣтьми, мужчины несли оружіе; имущество же было навьючено на лошадяхъ. У отряда были также свои сторожевыя собаки.

Часть этихъ странныхъ пришельцевъ расположилась на берегахъ Дуная, другая же часть продолжала свой путь двумя группами. Первая, подъ предводительствомъ короля Синделя, продолжала двигаться къ западу; вторая же, съ герцогомъ Фануэлемъ, направилась къ сѣверу, проникла въ Богемію, Саксонію и остановилась въ Даніи на берегахъ Балтійскаго моря.

Послѣ 20 лѣтнихъ скитаній, отряды эти, разсѣявшись, обосновались въ различныхъ странахъ средней Европы: въ Венгріи, Саксоніи, Швейцаріи, Эльзасѣ, а въ 1422 г. въ Италіи, въ 1424

---

[1]) Предполагаютъ, что они покинули родину во время нашествія Тамерлана на Индію 1400 г.

въ Баваріи и въ 1427 во Францін, откуда они въ 1430 г. проникли въ Англію. Въ 1500 г. цыгане, постепенно наполнившіе Европу, проникли въ Польшу, Россію; черезъ 10—20 лѣтъ они появились во всѣхъ странахъ Европы. Такимъ образомъ, спустя 100 лѣтъ цыгане достигли уже Америки.

Вначалѣ эти гости изъ Индіи встрѣтили со стороны мѣстныхъ жителей очень радушный пріемъ. Суевѣрные, полные жалкихъ предразсудковъ, невѣжественные народы тогдашней Европы толпами окружили шатры цыганъ, желая воспользоваться ихъ медицинскими средствами и предсказаніями. Цыганамъ было знакомо много цѣлебныхъ травъ, искусство плавленія металловъ, такъ что, начиная съ самыхъ бѣдныхъ слоевъ общества и кончая высшимъ дворянствомъ и духовенствомъ, всѣ обогащали цыганъ и покровительствовали имъ. Цыгане разбогатѣли, стали пользоваться довольствомъ и почетомъ и, ослѣпляемые успѣхомъ, скоро пустились въ сомнительныя операціи: воровство и обманы. Ихъ шатры стали убѣжищемъ преступниковъ, разбойниковъ, поджигателей. Съ тѣхъ поръ цыгане стали ненавистны правительству, которому они принесли много хлопотъ, и духовенству, которое начало видѣть въ нихъ народъ, водящійся съ нечистыми духами. Началось ихъ преслѣдованіе. Мало-по-малу ихъ безчинства, съ одной стороны, и преслѣдованія, съ другой, до того усилились, что цыгане были поставлены внѣ законовъ, и рѣшено было перебить ихъ всѣхъ. И вотъ запылали костры, воздвиглись висѣлицы, темницы, гдѣ ихъ мучили. Первый къ этому шагъ сдѣлала Испанія; примѣру ея послѣдовали: Италія, Франція, Германія и остальныя европейскія государства. Въ нѣкоторыхъ странахъ изданы были такіе строгіе законы, что цыгане принуждены были бѣжать. Только Венгрія оказалась сравнительно болѣе гуманной. Здѣсь цыгане пользовались равными правами, и только иногда, когда слишкомъ сильно возбуждали народную ненависть, проливалась ихъ кровь. Такое же гуманное отношеніе нашли цыгане въ Россіи, гдѣ они, скрываясь отъ преслѣдованій, жили спокойно и свободно. Даже изданы были законы съ цѣлью облегченія ихъ участи.

Въ продолженіе 300 лѣтъ во всей Европѣ преслѣдовали ихъ, убивали, вѣшали, сжигали съ такой жестокостью, что казалось бы, больше не осталось цыганъ. Но едва только прекращалась эта варварская травля, какъ снова являлись цыгане и вновь начина-

лась рѣзня, костры, висѣлицы. Наконецъ, правительства поняли, что невозможно подобнымъ путемъ положить конецъ злу, а потому начали смягчать преслѣдованія, а въ 1773 году австро-венгерская императрица Марія Терезія обнародовала для цыганъ новые, гуманные законы. Тяжелое положеніе преслѣдуемыхъ до сихъ поръ цыганъ начинало улучшаться; имъ было дано право жить, хотя и на положеніи рабовъ. Преемникъ Маріи Терезіи Іосифъ II смягчилъ рабство цыганъ, которые могли теперь селиться въ городахъ, селахъ, и даже заниматься земледѣліемъ. Благодаря всему этому, вскорѣ въ Австріи цыгане стали спокойно жить.

Этотъ удачный опытъ послужилъ примѣромъ и для другихъ европейскихъ государствъ. Гоненіе на цыганъ постепенно прекратилось и, наконецъ, въ 1856 году всѣ цыгане Европы были освобождены отъ рабства и преслѣдованій, получивъ право жить наравнѣ съ другими націями.

По прекращеніи преслѣдованій, цыгане начали новое движеніе и постепенно разселились въ странахъ Европы, болѣе всего на полуостровѣ Балканскомъ и въ Россіи. Слѣдующія статистическія цифры показываютъ приблизительное ихъ распредѣленіе. Что касается Турціи, то здѣсь, вслѣдствіе отсутствія точныхъ статистическихъ свѣдѣній, трудно было установить ихъ численность:

Венгрія—150000, Турція—67000, Румынія—250000, Россія—63000, Болгарія и Восточная Румелія—50000, Сербія—34000, Испанія—40000, Италія—32000, Боснія и Герцоговина—18000, Греція—10000, Австрія—15000, Швеція и Норвегія—1500, Данія и Нидерланды—6000, Германія—2000, Франція—2000, Англія—12000, Черногорія—500, остальныя страны Европы—15000: итого—779000. По словамъ Паспати, въ Турціи надо считать цыганъ не 67000, а 107000, въ Румыніи—300000, а по даннымъ Миклошича въ Россіи живутъ до 150000 цыганъ, что, конечно, мало вѣроятно. Число же цыганъ, живущихъ въ другихъ частяхъ свѣта, не поддается точному опредѣленію, благодаря постояннымъ передвиженіямъ ихъ. Вотъ какими приблизительно цифрами можно представить тамъ ихъ численность: на Кавказѣ—3000, въ Малой Азіи—67000, (50000 армянскихъ цыганъ), въ Персіи до 1856 года считалось—13000; Андр. Колоччи говоритъ, что въ Сибири и Западной Индіи—20000, въ Африкѣ, Америкѣ и Австраліи—166000 цыганъ.

По даннымъ различныхъ авторовъ, общее число цыганъ колеблется между 1 и 5 милліонами; принимая среднее, цыфру эту можно считать не болѣе 3-хъ милліоновъ.

Такимъ образомъ, цыгане не только разсѣяны по всему земному шару, но вѣчно передвигаются изъ одной страны въ другую; только ничтожная часть ихъ привыкаетъ къ осѣдлой жизни; большая часть скитается, считая весь земной шаръ, всѣ страны своей родиной, собственностью, не подчиняясь никакимъ законамъ, никакой власти.

Цыганъ средняго роста, иногда ниже средняго, съ черными опаленными волосами, овальнымъ лицомъ, строенъ, иногда граціозенъ. Коперницкій, изслѣдовавшій около 20 цыганскихъ череповъ въ Бухарестской больницѣ, находитъ, что они очень напоминаютъ черепа низшихъ племенъ Индіи [1]). Нѣкоторые другіе писатели утверждаютъ, что въ цыганскомъ племени существуетъ 2 типа: съ тонкой и грубой организаціей, и что, соединившись вмѣстѣ, они образовали новый, смѣшанный типъ—соединеніе тонкаго съ грубымъ [2]).

Цыганъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ пріучается къ скитальческому образу жизни, привязанный къ спинѣ матери или же тащась за ней, и лишь сало, намазанное на него съ головы до ногъ матерью, одно защищаетъ его отъ холода. Все онъ переноситъ, ко всему пріучается, лишь бы только быть свободнымъ и независимымъ—вотъ главное стремленіе цыгана на землѣ: безъ свободы онъ не прожилъ бы дня; богатство и слава не въ состояніи ему замѣнить ея. У цыгана нѣтъ религіи; это подтверждаютъ всѣ писатели; и если онъ въ Турціи магометанинъ, въ Арменіи христіанинъ, то дѣлаетъ это лишь или по принужденію, или же изъ какихъ-либо корыстныхъ цѣлей [3]).

---

[1]) Въ результатѣ своихъ изслѣдованій онъ приходитъ къ заключенію, что характерныя особенности индусовъ (именно низшихъ классовъ) и цыганъ, отличающія ихъ отъ прочихъ арійцевъ, суть слѣдующія: малый объемъ и признаки слабости умств. способностей въ черепѣ, впадающая затылочная кость, не сходное съ другими положеніе затылочной дыры. (Mémoires de la Société d'Anthropologie 1878 года).

[2]) Hovelaque: Anthropologie.

[3]) Смотр.: Paspati—Etudes sur les Tchinghianès, стр. 13, 26, 27; подобное же мнѣніе высказываетъ А. Руэ и Пекэвійлъ.

Извѣстный италіанскій цыганологъ Гвидо Кора разсказываетъ, что онъ зналъ одного цыгана, семь разъ перемѣнявшаго свою вѣру, смотря потому, гдѣ онъ жилъ и какая религія была преобладающей. Цыганъ не имѣетъ никакого представленія о Богѣ, о загробномъ мірѣ, безсмертіи души и т. д. Въ укладѣ его жизни нельзя найти какого-либо намека на существованіе религіи, даже въ его пѣсняхъ нѣтъ какихъ-либо намековъ на религіозныя вѣрованія, и, какъ видно, и предки его не имѣли вѣры и религіи. Напротивъ, ихъ колдовство и волшебство даютъ право предполагать, что, свободные отъ вѣры во что-либо, они ловко умѣютъ эксплуатировать суевѣріе и подобныя слабости другихъ народовъ.

Съ отсутствіемъ религіозныхъ представленій, у нихъ нѣтъ также какого-либо представленія о родинѣ или о прошлой, пережитой исторіи: своимъ Богомъ они считаютъ Бога всѣхъ тѣхъ народовъ, дружбой которыхъ они болѣе всего пользуются, родиной— ту землю, на которой они временно живутъ или думаютъ жить. Несмотря на это, цыганъ не легко ассимилируется съ другими національностями: онъ не беретъ женъ изъ среды другихъ народовъ и не отдаетъ имъ своихъ дѣвушекъ въ замужество; въ сношеніяхъ съ ними онъ крайне осторожень и всѣхъ „нецыганъ“ называетъ „*Гаhно*“ или же „*бусно*“, турокъ—„*псу*“ (беззаконный, невѣрный), армянъ—„*кларов*“ (земледѣлецъ).

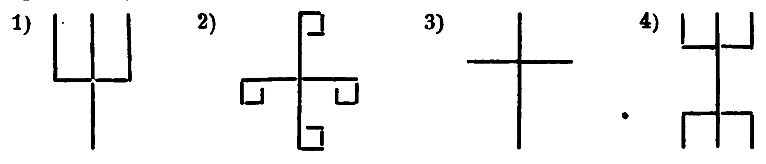
Причина, благодаря которой они не выродились подъ вліяніемъ среды, заключается въ ихъ кочевомъ духѣ. Но уже въ западной части Европы—въ Испаніи, Италіи и Англіи—они болѣе или менѣе подчинились условіямъ жизни и наполовину потеряли національныя черты, языкъ, обычаи. То же случилось съ ними и въ Арменіи, что я и намѣренъ показать въ своемъ трудѣ. Въ восточной же Европѣ и различныхъ мѣстахъ Арменіи и Балканскаго полуострова они не только не любятъ переходить къ осѣдлости и отставать отъ своей самобытности, но даже относятся презрительно и враждебно къ тѣмъ соплеменникамъ, которые, подолгу оставаясь на одномъ и томъ же мѣстѣ, начинаютъ утрачивать самобытность. Цыганъ—говорятъ они—долженъ вѣчно кочевать, жить въ палаткахъ и быть всегда готовымъ къ перекочевкѣ. Истинный цыганскій языкъ и нравъ можно изучить только у этихъ кочевниковъ.

Способность цыганъ оріентироваться поистинѣ поразительна.

Не зная мѣстныхъ языковъ, дорогъ, географіи, они безъ всякаго труда и безошибочно пересѣкаютъ страну по всѣмъ направленіямъ, не теряя никогда дороги и прямо идучи къ намѣченному пункту, угадывая, гдѣ можно пройти, гдѣ нѣтъ; они знаютъ, гдѣ удобно разбивать палатки для отдыха, въ какой деревнѣ или харчевнѣ найдутъ пріемъ или будутъ прогнаны. Адріано Колоччи [1]), извѣстный италіанскій цыгановѣдъ, повстрѣчалъ однажды въ Апеннинскихъ горахъ группу цыганъ, которые настолько хорошо знали страну и ея дороги, какъ будто были аборигенами. Въ другой разъ онъ же въ Гады Кёй, части Константинополя, видѣлъ италіанскихъ цыганъ, которые черезъ Измитъ (Никомидію) направлялись въ Смирну, причемъ они совершали это путешествіе съ такой легкостью, какъ будто уже разъ двадцать проѣзжали по этой дорогѣ, между тѣмъ какъ они всего только въ первый разъ проходили по этой странѣ.

Итакъ, въ чемъ секретъ: какимъ это образомъ цыгане, съ перваго же разу безъ всякихъ разспросовъ и не теряя дороги, узнаютъ свой путь, направленіе намѣченной мѣстности, мѣста для отдыховъ, дружественныя или враждебныя деревни и стоянки?

Послѣ долгихъ разслѣдованій сдѣлалось извѣстнымъ, что цыгане имѣютъ между собою условные знаки, при помощи которыхъ даютъ другъ другу *свѣдѣнія* о путяхъ и пр. Всякая группа цыганъ, проходя по какой-либо мѣстности, дѣлаетъ на стѣнахъ, въ дуплахъ деревьевъ различные знаки, понятные только цыганамъ, и послѣдующая группа, видя эти знаки, понимаетъ ихъ. Самые обыкновенные знаки, которые издревне находятся у нихъ въ употребленіи, слѣдующіе:

Первый и четвертый, трезубецъ, самый употребительный; рукоятка указываетъ направленіе дороги впередъ. Второй, который является древнимъ буддійскимъ значкомъ (цыгане называютъ его „*свастика*“), употребляется для обозначенія непроходимости или опасности дороги. Въ третьемъ, крестообразномъ значкѣ, длинный

[1]) Adriano Collocci. „Gli Zingari. Storia d'uno popolo errante“. Turino 1880.

конецъ также указываетъ направленіе пути [1]). Не эти только знаки существуютъ, а есть еще много такихъ, значеніе которыхъ пока извѣстно только цыганамъ и благодаря которымъ они скитаются по незнакомымъ странамъ и дорогамъ. Другой италіанскій цыгановѣдъ, проф. Гвидо Кора, разсказывалъ [2]), что на деревьяхъ у его дома онъ безпрестанно, почти каждый день, находилъ все новые и новые значки, и что каждый проходящій цыганъ, заходилъ къ нему, т. к. онъ, съ цѣлью изученія, оказывалъ имъ хорошій пріемъ. Чаще при этомъ онъ встрѣчалъ трезубецъ—знакъ дружественнаго пріема.

Кромѣ этого, цыгане проявляютъ большую способность къ скорому изученію языковъ, и это также имъ оказываетъ большую помощь при перекочевкѣ и при отысканіи дорогъ. Какъ дѣти теплаго климата, они предпочитаютъ всегда острыя (пряныя) вещи: перецъ, чеснокъ; курятъ и также основательно пьютъ водку, при чемъ это дѣлаютъ не только мужчины, но женщины и дѣти.

Въ одеждѣ у нихъ тѣ же особенности: любятъ блестящія вещи, яркіе, живые цвѣта, болѣе всего—красныя и зеленыя матеріи. Ходятъ они почти босыми и съ непокрытыми головами; дѣти, если не совсѣмъ, то на половину голы, черны, грязны, несмотря на то, что въ Европѣ полиція строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы цыгане не ходили голыми. Осѣдлые живутъ въ жалкихъ хижинахъ, грязно и безпечно. Въ хижинѣ самую большую и почетную часть занимаетъ печь, которую они почитаютъ; на ней они занимаются выдѣлкой подковъ. Цыгане имѣютъ большую способность къ кузнечному дѣлу и вообще къ работѣ съ металлами; кромѣ этого, они занимаются еще лѣченіемъ скота и въ этомъ дѣлѣ они—мастера. Они также хорошіе музыканты и хорошіе дрессировщики животныхъ—медвѣдей, козъ. На востокѣ они являются разсказчиками, гадальщиками. Въ качествѣ хорошихъ музыкантовъ, цыгане извѣстны всему міру; изъ нихъ вышли такіе артисты, какъ извѣстная Вѣнская музыкантша Панна Анна и „король скрипачей“ Бихари въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Другія отрасли

---

[1]) Изображеніе этихъ и многихъ другихъ знаковъ можно найти въ журналѣ: „Globus“ 1897

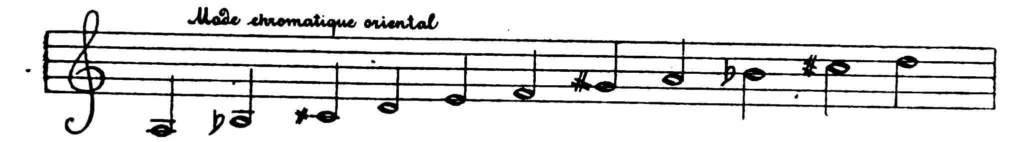
[2]) Этотъ цыгановѣдъ прочелъ въ 1892 г. въ Женевскомъ географическомъ обществѣ лекцію о цыганахъ, начертилъ передъ нами, присутствующими, нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ значковъ и подтвердилъ ихъ.

искусства также дали не менѣе извѣстныхъ артистовъ изъ цыганъ, напримѣръ, въ началѣ XV вѣка славился художникъ Антоніо Солари, а въ XVII вѣкѣ народный писатель и англійскій проповѣдникъ Джонъ Бенніенъ (род. 1628, умеръ 1688) былъ также цыганъ. Но больше артистовъ они дали въ музыкѣ. Почти каждый цыганъ музыкантъ; на сельскихъ свадьбахъ и торжествахъ играютъ всегда они. Ихъ мотивы имѣютъ спеціальный характеръ: это меланхолическіе, иногда шумные и часто сильно дѣйствующіе на нервы страстные мотивы, живые танцы и изящныя мелодіи. Рапсодіи Листа, особенно 2-ая рапсодія, которая буквально, безъ искаженій, состоитъ изъ цыганскихъ мотивовъ, заключаютъ въ себѣ всю музыку этого своеобразнаго народа, печальную и живую, меланхолическую и рѣзвую. Танцы Брамса также цыганскіе. Даже Шопенъ и Шубертъ во многихъ своихъ композиціяхъ оказались подъ вліяніемъ цыганскихъ мотивовъ.

Типическая цыганская гамма такова:

ГАММА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЦЫГАНЪ.

Этотъ мотивъ похожъ на персидскій меланхолическій мотивъ, называемый „hidjaz“, и на извѣстный въ армянскомъ церковномъ пѣніи мотивъ подъ названіемъ „третій“ (минорный мотивъ), а съ другой стороны, на малороссійскіе и на шотландскіе мотивы.

Въ музыкѣ счетъ въ $^3/_4$ почти не встрѣчается, а въ $^2/_4$ и $^4/_4$, напротивъ, часто.

Сохранилась ли у цыганъ вмѣстѣ съ этимъ и поэзія, создаютъ ли они ее, имѣли ли когда-нибудь,— почти не извѣстно и не изучено.

Цыгане извѣстны въ танцахъ, и это болѣе замѣтно въ Турціи. Танцы оригинальны. Они были оцѣнены даже во Франціи въ XVII вѣкѣ; также извѣстны въ Персіи (танцы *мтрибы*), въ Испаніи (танецъ *corondo*) и на востокѣ (танецъ *ромайка*); танцы эти сильно

напоминаютъ индійскіе и египетскіе извѣстные танцы *байядерокъ* и *гавази*.

Намъ остается добавить еще нѣсколько словъ къ этому вступленію, а именно, сказать о цыганской свадьбѣ, похоронахъ и еще кой-о-чемъ, имѣя, конечно, въ виду европейскихъ цыганъ. Въ главной части моего труда, который будетъ обширнѣе, я съ возможной подробностью займусь только армянскими боша, ихъ нравами, обычаями и пр. Заимствуя изъ трудовъ европейскихъ цыгановѣдовъ и этнографовъ, я привелъ въ началѣ своего очерка краткое резюмэ этихъ свѣдѣній объ европейскихъ цыганахъ, дабы провести сравнительное описаніе.

Бракъ у европейскихъ цыганъ совершается очень рано: 14—15 лѣтъ мальчикъ женится на 12—13 лѣтней дѣвочкѣ. Свадьба продолжается 3 дня, сопровождаясь большими попойками. Жена дѣлается рабой своего мужа и слѣпо повинуется ему, хотя власть жениныхъ родителей не прекращается. Цыгане плодовиты; родители любятъ дѣтей, хотя съ малыхъ лѣтъ пріучаютъ ихъ къ суровой жизни.

Похороны совершаются безъ всякихъ церемоній и обрядовъ. Цыгане не вѣрятъ въ будущую жизнь, и, чувствуя какой-то страхъ предъ мертвецомъ, спѣшатъ тотчасъ же похоронить трупъ. Ближайшіе родственники никогда не плачутъ, а молча, лишь жестами выражаютъ свое горе.

Что касается языка, то европейскіе цыгане имѣли около 14 нарѣчій, но происходящія изъ общаго корня и въ сильной степени искаженныя. Въ болѣе интересномъ и самобытномъ видѣ, мало искаженными являются нарѣчія восточныхъ цыганъ, въ которыхъ ясно обозначается, что этотъ языкъ если не истинно санскритскій, то является одной изъ близкихъ ему вѣтвей.

Значительный отпрыскъ именно этого народа перешелъ въ Малую Азію, разсѣялся среди армянскаго населенія, на половину подвергся вліянію среды и образовалъ странное племя, такъ называемыхъ, „армянскихъ боша", о которыхъ единственнымъ авторитетнымъ европейскимъ писателемъ является Паспатинъ, назвавшій ихъ „Цыганами Турціи".

Эти-то „армянскіе боша" и явятся предметомъ моего этнографическаго изслѣдованія въ предлагаемомъ трудѣ.

Матеріалы и обработку составилъ я лично, обходя и живя среди

армянскихъ боша въ Турецкой Арменіи, а также на Кавказѣ—у Карса и Александрополя, гдѣ они въ большомъ числѣ ведутъ полу-осѣдлый образъ жизни.

Для этого введенія я пользовался появившимися по сіе время книгами и газетными и журнальными статьями. Въ числѣ ихъ укажу: *Paspati*, „Etudes sur les Tchingbianés 1870"; *Dixon*, „La Russie libre" (Tour du monde, журналъ 1872 г.); *F. Liszt*, „Des bohémiens et de leur musique", 1895; *Патхановъ*, „Цыганы"; *Lespinasse*, „Les bohémiens du pays Basque"; *Francesco Predori*, „Origine e vicende degli Zingari", 1841; *Adriano Colocci*, „Gli Zingari. Storia d'uno popolo errante", 1880; *Bataillard*, „Compte-rendu du Congrès d. Anthropologie de Budapest". 1876); *Pott* „Die Zigeuner in Europa und Asien", 1844—45, 2 т.; *Miklositsch*, „Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner". Wien, 1873; *Bataillard et Obédénare*, „Bulletin de la société d'Antropologie de Paris", 1873 et 1875; *Bataillard et Kopernicki*, „Mémoires de la société d'Anthropologie", 1878.

I.

Историческія и географическія свѣдѣнія объ армянскихъ боша (цыганахъ).

А. Происхожденіе.

Хотя по языку и обычаямъ армянскіе цыгане отличаются отъ цыганъ, кочующихъ среди европейскихъ и азіатскихъ народовъ, но, при болѣе внимательномъ наблюденіи, легко найти много сходныхъ чертъ между ними въ нравахъ, антропологическихъ признакахъ и даже языкѣ. Черты различія надлежитъ отнести на счетъ вліянія окружающихъ народностей, въ средѣ которыхъ армянскіе цыгане жили испоконъ вѣковъ, приняли религію одной изъ нихъ, усвоили новые обычаи и съ теченіемъ времени извратили свой національный языкъ.

Какъ мы уже сказали во введеніи, лингвистическія и антропологическія изслѣдованія привели европейскихъ историковъ къ выводу, что отечествомъ цыганъ была Индія и что они происходятъ отъ низшаго индійскаго племени джатъ.

Подвергаясь нападеніямъ, а, съ другой стороны, привыкши къ бродячей жизни [1]), цыгане, какъ указано выше, въ 1000-омъ году двумя большими группами, но разными дорогами, направляются къ передней Азіи [2]); здѣсь эти группы сошлись и разселились, но, въ силу различныхъ условій среды, восприняли различные нравы. Изъ нихъ два племени въ Малой Азіи получили названіе *чингене* и *армянскіе боша*. Чингене приняли магометанство [3]), а армянскіе боша, поселившись среди армянъ, приняли христіанство и постепенно подчинились вліянію армянскихъ нравовъ.

Но какъ армянскіе боша, такъ и многія изъ другихъ цыганскихъ племенъ жили до этого долго въ Персіи. Это видно изъ вліянія, оказаннаго персидскимъ языкомъ на языкъ цыганъ вообще и европейскихъ и армянскихъ въ особенности; языкъ европейскихъ цыганъ обнаруживаетъ въ той же мѣрѣ вліяніе персидскаго языка, какъ и языкъ армянскихъ боша; кромѣ того, европейскіе историки долго не могли опредѣлить отечества цыганъ, ища его то въ Египтѣ, то въ Персіи [4]). Эти колебанія истекали изъ того, что сами цыгане называли своимъ отечествомъ Египетъ, тогда какъ языкъ ихъ ясно говорилъ въ пользу Персіи [5]).

Во всякомъ случаѣ, среди армянскихъ цыганъ живетъ еще преданіе, что они пришли изъ Персіи,—старики ихъ разсказываютъ объ этомъ, какъ о переданномъ отъ дѣдовъ; хотя, съ другой стороны, они утверждаютъ, что Персія не была ихъ отечествомъ [6]).

---

[1]) Одинъ европейскій писатель, лично убѣдившись, утверждаетъ, что и теперь индійское племя джатъ ведетъ бродячій образъ жизни, живетъ въ палаткахъ, и что нравы его совершенно сходны съ нравами цыганъ (см. Lespinasse: Les bohémiens du pays Basque. Стр. 16).

[2]) Годъ предположительный, хотя это предположеніе высказывается многими историками; лишь немногіе утверждаютъ, что переселеніе цыганъ совершилось до Рождества Христова.

[3]) Чингене, прежде чѣмъ попали въ Малую Азію, приняли въ Египтѣ магометанство. Они, въ свою очередь, дѣлятся на племена, замѣтно различающіяся другъ отъ друга.

[4]) Lespinasse; „Les bohémiens du pays Basque, стр. 15—16.

[5]) Тамъ же.

[6]) Паспати (Etudes sur des Tchinghanés стр. 17) говоритъ, что турецкія чингене считаютъ своимъ отечествомъ Египетъ; архимандритъ Н. Саргсянъ (Этнографія Великой и Малой Арменіи, стр. 81—82) считаетъ чингене египетскимъ народомъ, происшедшимъ вслѣдствіе смѣшенія различныхъ національностей, и говоритъ, что армянскіе боша очень похожи на нихъ.

Персія, дѣйствительно, никогда не была отечествомъ цыганъ. Еще Фирдуси, въ своей поэмѣ „Шахнамэ", разсказываетъ легенду, указывающую, что цыгане не аборигены, а пришельцы изъ Индіи. „Богатъ и счастливъ", разсказываетъ онъ, „былъ царь Бахрамъ и захотѣлось ему имѣть хорошихъ музыкантовъ. Обратился онъ для этого къ индійскому царю Канаджу, и тотъ прислалъ въ Персію 10,000 музыкантовъ. Бахрамъ назначилъ имъ мѣста жительства, далъ имъ земли, дома, но, привыкшіе къ бродячей жизни, пришельцы и года не могли прожить на мѣстѣ и разсѣялись во всѣ стороны. Чтобы не лишиться ихъ, царь разрѣшилъ имъ такой образъ жизни. И съ тѣхъ поръ они кочуютъ, нигдѣ не оставаясь долго, день и ночь занимаясь воровствомъ". Народъ этотъ Фирдуси называетъ Лури. Въ Персіи цыганъ зовутъ лури [1]), мытрыбъ [2]), карачи и sia hindu (черный индусъ). Не только эта легенда, но и лингвистическія и антропологическія изслѣдованія— все подтверждаетъ, что отечествомъ цыганъ, а съ ними и армянскихъ боша, была не Персія и не Египетъ, а Индія. Армянскій боша отличается отъ другихъ цыганъ—чингене, мытрыбъ и др., постольку, поскольку время и среда отразились на ихъ языкѣ и нравахъ.

Сходныхъ же чертъ гораздо больше, чѣмъ чертъ различія.

„Боша" ихъ называютъ только армяне. Несомнѣнно, это презрительная кличка, происшедшая отъ слова *бош* (праздношатающійся, бродяга). Названіе это новое, созданное въ настоящемъ столѣтіи; въ армянской литературѣ боша всегда назывались *ıнчу*. Въ Европѣ они раньше назывались вообще *цинıян, зинıан, цııан*. Лишь впослѣдствіи, смотря по тому, чѣмъ въ какой странѣ они занимались, имъ дали названіе по ихъ ремеслу. Въ Шотландіи ихъ называли Tinkler *или* Tinker, что означаетъ лудильщикъ, греки называютъ *кацибелор* (мелкій оружейный мастеръ и торговецъ, отъ греч. слова—βέλος копье), персы, по Нюбольду, раньше называли ихъ *зинıер* (дѣлатель сѣделъ), такъ какъ они раньше занимались выдѣлкой сѣделъ, а теперь ихъ называютъ хирбал—

---

1) Персидскій словарь Геворка Тер-Ованнесяна 1826-го года такъ объясняетъ слово лури: „Молодцы изъ толпы такъ-называемыхъ карачи (цыганъ) въ минуты радости и веселія издаютъ звукъ лулу, почему и названы лури или лули, множественное число—луліанъ.

2) Мытрыбъ—арабское слово и означаетъ радующій (см. тотъ же словарь).

бенд (дѣлатели ситъ); въ Персіи и теперь есть цыганскія племена, занимающіяся, подобно армянскимъ боша, выдѣлкой ситъ.

Точно также и въ Арменіи—сперва ихъ называли *ѳнчу*, затѣмъ дѣлатели ситъ маг'агорц. Сами боша называютъ себя дѣлателями ситъ, также ихъ называютъ и въ новой армянской литературѣ.

Лишь простой народъ, который всегда сторонился боша, относясь къ нимъ съ насмѣшкой и презрѣніемъ, заклеймилъ ихъ разными эпитетами—боша, безстыжій, бродяга, нищій и т. п.

Сами боша называютъ себя *лом* (свободный), европейскіе цыгане—*ром* и персидскіе—*дом*. Иногда они себя называютъ *манус* (человѣкъ). Европейскіе авторы утверждаютъ, что европейскіе цыгане также называли себя часто *мануш*, но теперь болѣе употребляютъ *ром*—относительно мужчины цыгана, *ромни*—женщины, *рома*—множество число, *ромамо*—прилагательное—цыганскій и *ромнишель*—цыганскій народъ. Армянскіе боша утратили грамматику своего языка и, когда они хотятъ сказать—*цыганскій народъ*, говорятъ *ломавтикh* [1]) (окончаніе *икh* взято изъ армянскаго яз).

О боша армяне разсказываютъ, что они изъ рода Каина; это мнѣніе сложилось, несомнѣнно, благодаря бродячему образу жизни цыганъ. Богъ осудилъ Каина на вѣчное скитаніе, также вѣчно скитается и боша [2]). Сами армянскіе боша разсказываютъ о своемъ происхожденіи слѣдующую легенду:

Жилъ нѣкогда какой-то епископъ Григорій Акракантскій. Его задумали осрамить священникъ Сапіосъ и діаконъ Килискинтосъ съ 12 сообщниками: приводятъ къ нему ночью женщину, прячутъ ее подъ его кроватью, а утромъ приходятъ и вытаскиваютъ ее изъ-подъ кровати епископа. Опозоренный епископъ проклинаетъ заговорщиковъ. Лица 12 заговорщиковъ дѣлаются черными, во рту женщины заводятся черви, ротъ искривляется. Почернѣвшіе заговорщики скрываются и поселяются въ лѣсахъ. Изъ всѣхъ

---

[1]) Паспати предполагаетъ, что они въ своемъ отечествѣ принадлежали къ сектѣ Рâма; отсюда ихъ званіе „ром" (Paspati, стр. 20).

[2]) Европейскіе цыгане разсказываютъ, что они осуждены на вѣчное скитаніе за грѣхи ихъ предковъ, именно, что предки ихъ отказались дать пріютъ Іосифу, Маріи и младенцу Іисусу, когда тѣ скрывались отъ Ирода (Паткановъ, „Цыгане", стр. 2).

домашнихъ животныхъ пошелъ за ними одинъ осёлъ, который по своей глупости не понимаетъ, что такое проклятіе, и послѣдовалъ за ними: послѣ этого оселъ сдѣлался ихъ неразлучнымъ любимымъ животнымъ. Проклятые жили всегда послѣ этого вдали отъ городовъ и жилыхъ мѣстъ, начали изготовлять плетеныя корзины и сита, и такъ какъ они сами стыдились итти продавать, то посылали торговать женщинъ. Нѣсколько времени спустя, епископъ, видя раскаяніе проклятыхъ имъ, прощаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы христіанская церковь не рукополагала ихъ духовныхъ лицъ. Послѣ этого боша мало-по-малу начинаютъ получать доступъ въ жилыя мѣста.

Эта легенда взята изъ „Житія Святыхъ" и примѣнена къ сказанію объ упомянутыхъ тамъ „прòклятыхъ чернолицыхъ". Перебирая Четьи-Минеи, мы нашли тамъ источникъ этого сказанія. Григорій Акракантскій былъ пастыремъ сицилійскаго города Акраканта (Агригента). Главари двухъ партій въ городѣ—священникъ Сабіосъ и діаконъ Крескиндосъ, захотѣвшіе оба сдѣлаться главой городского духовенства, составляютъ, какъ и въ разсказѣ боша, заговоръ дискредитировать епископа. Обвинители, числомъ 100 человѣкъ, подъ предводительствомъ священника и діакона, привлекаютъ его къ суду, назначенному по приказанію папы; но на судѣ епископъ проклинаетъ обвинителей, и лица ихъ послѣ этого наполовину чернѣютъ.

Папа тогда прибавляетъ свое проклятіе и говоритъ: „отнынѣ повелѣваемъ изъ рода въ родъ вамъ и дѣтямъ вашимъ, что будутъ съ этимъ знакомы, чтобы не было изъ васъ священниковъ, діаконовъ и прочихъ церковныхъ служителей; а если кто изъ васъ осмѣлится, то да будетъ проклятъ во Христѣ". Разсказывая эту исторію, Четьи Минеи прибавляютъ: „Знакъ на лицѣ этихъ злорѣчивыхъ людей остался въ ихъ роду и понынѣ" (Четьи Минеи, ноябрь мѣсяцъ, 15 глава).

Вѣроятно, эта легенда послужила основаніемъ того, что армянская церковь считаетъ боша проклятымъ народомъ и никогда не соглашается рукополагать въ священники, несмотря на ихъ религіозное усердіе [1]).

---

[1]) Епископъ Г. Срванцтянъ: „Дядя Торосъ", томъ I, стр. 26—27, и архим. Н. Саргсянъ: „Этнографія Вел. и Мал. Арменіи", стр. 81—82, Paspati стр. 2.

Другая легенда, сообщаемая К. Паткановымъ, объясняетъ, почему цыганъ назвали ситодѣлателями: „Одинъ изъ апостоловъ, во время обѣда съ І. Христомъ, предлагаетъ ему кусокъ хлѣба, но Христосъ, замѣтивъ на хлѣбѣ грязь, разсерженный этимъ, вырываетъ клокъ волосъ изъ головы и протягиваетъ апостолу. Тотъ смотритъ, удивленный, на учителя; тогда Христосъ осѣняетъ крестомъ волоса, ученикъ тотчасъ научается плести сито и дѣлаетъ сито (очевидно,для того, чтобы въ другой разъ подать чистый хлѣбъ).— Вотъ отъ этого-то ученика и пошли боша" [1]). Но, по Паспати, армянскіе боша разсказываютъ, что Іовъ научилъ ихъ предковъ плести корзины и сита и промышлять этимъ [2]).

Считаю не лишнимъ упомянуть, что венеціанскій мхитаристъ архим. Н. Саргсянъ, въ своемъ изслѣдованіи о *Тондракцахъ* [3]) (Полигисторъ Базмавепъ, 1893, № 1, 3 и т. д.), предполагаетъ, что боша—это остатки тондракцевъ. Но какъ это предположеніе, такъ точно и мысль, высказанная другимъ армянскимъ авторомъ Г. Ванцяномъ, что они потомки упоминаемыхъ въ армянской исторіи *сыновъ Востока (аревордu)*,—мнѣнія эти лишены основанія, и въ защиту ихъ не приводится ни одного убѣдительнаго факта.

Всестороннее изученіе армянскихъ боша приводитъ къ убѣжденію, что они вполнѣ сходны съ кочующими въ Европѣ и другихъ странахъ цыганами; что они родичи ихъ, которые отдѣлились отъ нихъ и поселились въ Арменіи. Слѣдовательно, и боша индійскаго происхожденія и, вѣроятно, потомки племени Джатъ.

В. Численность.

Почти повсюду въ Арменіи можно встрѣтить „боша". Они разсѣяли свои поселенія, ставя центръ ихъ въ областяхъ съ преобладающимъ армянскимъ населеніемъ. Исключеніе составляетъ одинъ Васпураканъ [4]), гдѣ почти нѣтъ боша. Большая часть ихъ живетъ въ Сивасскомъ вилайетѣ, гдѣ они, разселившись отъ Везиръ-Кёпру до Кастамуни, избрали центромъ Буйбатъ. Въ этомъ селѣ

[1]) Паткановъ: „Цыганы", стр. 69—76. Е. Лалаянъ разсказываетъ ту же легенду въ своемъ „Этнографич. Обозрѣніи" (кн. 1, стр. 179).

[2]) Paspati „Etudes sur les Tchinghanés". стр. 17.

[3]) Армянскіе сектанты 12-го вѣка.

[4]) Нынѣ Ванскій вилайетъ (Турецкая Арменія).

больше 6000 боша, не считая окружныхъ деревень. Въ Марзванѣ считается 481 домъ; считая въ домѣ по 6—7 чел., окажется 3000 боша. Въ Везиръ-Кёпру 280 домовъ, Зиле 93 д., Бафра 290 д., затѣмъ въ Эрзерумскомъ вил., въ Эрзерумѣ и въ деревняхъ Басена [1]) до 300 д. (Алджакракъ, Тортанъ, Гасангhале, Гертевъ и т. д.) Боша живутъ также въ Акнѣ (сивасск. вилайетѣ) и другихъ частяхъ Малой Азіи.

На Кавказѣ боша поселились въ 1828 г. и раньше; есть также и издавна живущіе; слѣды боша мы находимъ въ Карсѣ, Эривани, Александрополѣ, Ахалкалакѣ (Тифл. губ.), Ольты (Карс. обл.), Лори (Борчалинск. у. Тифл. губ.), Шемахѣ (Бакин. губ.) и даже въ Тифлисѣ. Въ Эривани, по Шопену, въ кварталѣ Кондъ, есть 46 домовъ. Подчинившись вліянію окружающихъ народовъ, они перестали кочевать, стали осѣдлыми и занимаются выдѣлкой ситъ; имѣютъ собственные дома и сады. Есть среди нихъ и богатые; какъ мнѣ говорили, предокъ извѣстной фамиліи Меликъ-Агамалянцевъ, Меликъ-Саакъ былъ княземъ боша (аhиль).

Въ Карсѣ ихъ считается 20 домовъ, въ деревнѣ Заимъ (Боша-Заимъ, Карс. обл.) 20 д., Ахалкалакѣ 31 д., Ахалцыхѣ—16, Ольты съ окрестностями—17, Борчалинскомъ уѣздѣ (Тифл. губ.) Цалка—20 д. и Лори—5 д. и въ Александрополѣ съ окрестностями—50 д. [2]).

C. Кочевой бытъ.

Точныхъ статистическихъ свѣдѣній невозможно имѣть; боша не остается на мѣстѣ; сегодня или эту зиму онъ здѣсь, завтра или слѣдующую зиму онъ въ другой деревнѣ или другомъ округѣ. Лишь на зиму онъ водворяется въ опредѣленномъ мѣстѣ и ждетъ весны, уплачивая за хижину крестьянину или горожанину. Всю зиму они дѣлаютъ сита, разныя корзины, плетеные лотки, щетки и т. под.; и когда приходитъ весна, открываются дороги, женщина-боша навьючиваетъ на себя свой товаръ и отправляется въ города и окружныя деревни торговать, нищенствовать, собирать съѣстные припасы всякаго рода. Торговую часть у боша вѣдаетъ женщина. Переброситъ она за спину кожаный мѣшокъ, прикрѣпляетъ къ ней

[1]) Баязетскій пошалыкъ.

[2]) Цифры эти взяты у Патканова—„Цыгане“, изъ Этногр. обозр. Лалаяна (кн. 1), „Дядя Торос“, еп. Срванцтяна, и др.

двѣ корзины, въ правую руку беретъ нѣсколько ситъ, засовываетъ за поясъ веретено или носокъ и, взявъ въ руки толстый длинный посохъ, ходитъ по домамъ продавать сита или обмѣниваетъ ихъ на съѣстное и назойливо выпрашиваетъ милостыню. Входя въ домъ, она старается ударами и быстрыми размахами посоха держать на почтительномъ разстояніи нападающихъ собакъ, затѣмъ предлагаетъ хозяйкѣ купить что-нибудь, начинаетъ расхваливать свой товаръ, превозноситъ красоту хозяйки, ея доброту, глаза, брови... Удастся ей сбыть что-нибудь или нѣтъ, она, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, начнетъ выпрашивать кусокъ хлѣба, затѣмъ хламъ, старое платье и т. д. Она говоритъ съ такой быстротой, ловкостью и любезностью, съ такимъ чутьемъ угадываетъ, чѣмъ можно прельстить покупателя, такъ остроумна и умѣетъ понравиться, что не выйдетъ изъ дому, чего-либо не продавъ. Проводя цѣлые дни, недѣли внѣ дома, она не остается безъ дѣла и даже на ходу вяжетъ носки, прядетъ шерсть. Быстрыми шагами возвращается она домой и отдаетъ мужу весь заработокъ. Выходятъ изъ дому женщины обыкновенно 15 мая, къ іюню возвращаются; отправляются вторично за пшеницей, лоби (фасоль), полбой, достаточно наберетъ, вернется и идетъ въ третій разъ за сушеными фруктами (чири), тутой (шелковица) и т. д. Она ничѣмъ не пренебрегаетъ, все беретъ, на все обмѣниваетъ свои корзины, сита и всегда съ выгодой для себя. Если ея поселеніе далеко или она въ деревнѣ, а въ любой деревнѣ у всякой боша есть всегда пріятель,—знакомый армянинъ, у него она складываетъ собранное за извѣстное, конечно, вознагражденіе. Собравъ достаточно, она даетъ знать мужу или кому-либо изъ мужчинъ въ своемъ домѣ; тѣ приходятъ въ деревни съ ослами и забираютъ собранное къ себѣ домой.

Къ концу октября перестаютъ кочевать. Домъ боша полонъ теперь пшеницей, мукой, масломъ и всякими припасами. Наступаетъ теперь очередь мужчинъ; они отправляются съ ослами въ окрестности, иногда и дальше, за ивовыми прутьями и волосомъ для ситъ; собравъ, сядутъ гдѣ-нибудь, сообща очищаютъ прутья и дѣлятъ между собой. Послѣ этого начинается зимняя работа—изготовляютъ всякія издѣлія изъ собраннаго матеріала для слѣдующей весны. Не всѣ женщины боша отправляются бродить по деревнямъ; молодыя жены 5 лѣтъ остаются дома, смотрятъ за

ребятишками, готовятъ кушанья; а другія, кромѣ дряхлыхъ старухъ, отправляются парами въ разныя стороны и, когда имъ удастся собрать достаточно и сбыть свой товаръ, возвращаются, чтобы затѣмъ опять уйти.

Ходятъ онѣ по домамъ, деревнямъ, неутомимо, подъ палящимъ солнцемъ, часто съ грудными дѣтьми; ихъ онѣ кладутъ въ сумки, повѣшенныя на ословъ, а иногда даже привязываютъ къ спинѣ, если только одинъ ребенокъ; ночуютъ въ деревняхъ у знакомыхъ. Въ городахъ и деревняхъ армянскіе мальчишки по улицамъ пристаютъ къ нимъ, щиплютъ ихъ, чтобы ихъ ножи сдѣлались острѣе [1]), острятъ надъ ними; но женщина-боша невозмутима, на остроты она отвѣчаетъ еще болѣе остроумными и грязными шутками; а когда приходится пускать въ ходъ посохъ, она такъ смѣло и ловко управляетъ размахами его, что пристающіе скрываются; и, со всѣмъ тѣмъ, трудно найти женщину, нравственнѣе боша. Она бойка на сальныя остроты, грязную ругань, но горе тому, кто покусится на ея честь. Она превращается во льва и умретъ, но не позволитъ коснутся чести ея домашняго очага и супружеской вѣрности. Это свидѣтельствуютъ не только армяне, но и европейскіе изслѣдователи [2]).

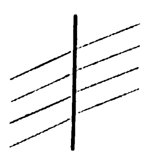
Изъ всего этого явствуетъ, что большая часть боша ведетъ полуосѣдлый образъ жизни и только 6—8 мѣс. въ году кочуетъ. Но есть боша, ведущіе въ полномъ смыслѣ бродячій образъ жизни; они никогда не живутъ нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Ихъ можно часто встрѣтить въ Малой Азіи на большихъ дорогахъ, подлѣ рѣки или родника; въ палаткахъ, подъ тѣнью деревъ. Они исколесятъ всю страну; гдѣ есть чѣмъ поживиться, остаются; затѣмъ собираютъ все, навьючиваютъ ословъ и идутъ эксплуатировать другой районъ. Въ этихъ боша сохранилась самобытность, несмотря на то, что они христіане и уже давно не занимаются, подобно чингене, гаданіемъ и танцами. Они также дѣлаютъ сита, корзины и т. под. Среди нихъ есть музыканты на деревенскихъ свадьбахъ, ковальщики, коновалы и иногда кузнецы. У такихъ боша есть свой характерный костюмъ—старая широкая одежда.

1) Таково повѣрье у армянъ.

2) Европейскіе историки Борроу и Циппель признаютъ, что нѣтъ женщины чище и вѣрнѣе цыганки (см. Паткановъ „Цыганы“).

Такой боша не любитъ новаго платья и шьющіе для нихъ одежду принуждены бываютъ часто износить ее, и затѣмъ продаютъ. Эта одежда состоитъ изъ широкаго и короткаго кафтана, широкихъ короткихъ шароваръ, краснаго кушака, плоской обуви. На Кавказѣ боша одѣваются такъ же, какъ мѣстные крестьяне—на головѣ носятъ папаху (баранья шапка) или картузъ, а въ Малой Азіи носятъ старую феску, обвязавъ голову старымъ платкомъ.

Кочуя, боша, кромѣ того, что при знаніи другихъ языковъ можетъ спрашивать дорогу, пользуется еще знаками, указывающими ему, куда лучше итти, гдѣ его примутъ и гдѣ нѣтъ. Нѣкоторые изъ этихъ знаковъ указаны во вступленіи. Знаковъ такихъ много, ихъ вырѣзываютъ на корѣ деревьевъ и на скалахъ. Недавно мнѣ сообщили еще объ одномъ знакѣ, значеніе котораго мнѣ не удалось узнать. Боша такъ тщательно хранитъ тайну этихъ знаковъ, что даже часто отрицаетъ ихъ существованіе. Этотъ новый знакъ таковъ:

Кромѣ того, боша, подобно другимъ цыганамъ, имѣютъ большія топографическія способности. Они уже не забываютъ разъ пройденной дороги. Память у нихъ замѣчательная.

Если въ дорогѣ у женщины боша родится ребенокъ, то его моютъ въ первой попавшейся водѣ, заворачиваютъ въ платье и несутъ на спинѣ или кладутъ въ переметную сумку, повѣшенную на осла. Затѣмъ продолжаютъ дорогу и въ первой же деревнѣ крестятъ. Если кто-нибудь умираетъ и до деревни близко, то трупъ привязываютъ къ ослу и везуть въ деревню; въ противномъ случаѣ, просто хоронятъ безъ обрядовъ.

Въ дорогѣ и вообще вездѣ единственнымъ товарищемъ бошъ изъ животныхъ служитъ оселъ. Онъ любитъ своего осла и заботливо смотритъ за нимъ. Теплый уголъ въ его хижинѣ принадлежитъ ослу; онъ никогда не бьетъ и не утомляетъ его. Видя, что слово „оселъ“ армяне употребляютъ въ бранномъ смыслѣ, онъ, говоря по-армянски объ ослѣ, не называетъ его осломъ; а говоритъ

„нашъ скотъ, наше животное“. Осла боша такъ любятъ, что болѣзнь или смерть кого-либо изъ домашнихъ ихъ не такъ огорчаетъ, какъ болѣзнь или смерть осла. Мнѣ приходилось даже слышать пѣсни объ ослѣ, изъ которыхъ возможно привести лишь двѣ строки, такъ какъ другія строчки полны неприличныхъ словъ:

„Навьючить бы на тебя уру гаснахъ (рамы для ситъ) аманъ эй (восклицаніе),
Подняться съ тобой изъ Партизской долины аманъ эй“...

Они разсказываютъ, что однажды самецъ-оселъ—они ихъ называютъ „леле“—заболѣваетъ и его никакъ не могутъ вылѣчить; какъ послѣднее средство, зовутъ армянскаго священника, чтобъ онъ читалъ надъ нимъ евангеліе. Священникъ, конечно, этого не сдѣлалъ бы; такъ они укладываютъ осла, покрываютъ его одеждой и священникъ, принимая его за человѣка, читаетъ [1]).

Когда хотятъ употребить сильное проклятіе, говорятъ: „Пусть станетъ тебѣ знакомъ скрипъ телѣги и не услышишь ослинаго рева; будешь кричать хо-хо, а не чу-чу (т. е. сдѣлаешься пастухомъ коровъ, а не ословъ).

D. Отношенія къ сосѣднимъ народамъ.

Кочевой образъ жизни, назойливость, остроуміе и другія черты боша послужили поводомъ къ ихъ кличкамъ, которыя имъ дали сосѣди. Армяне считаютъ боша безстыднымъ лгуномъ, а то и воромъ; хотя женщина-боша никогда не воруетъ, но мужчина не пропуститъ случая. Создались различныя поговорки, рисующія характеръ боша:

„Растрепанъ, какъ боша“; „безстыжій, какъ боша“; „какъ боша, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ“; „сдѣлался царемъ боша“ (намекъ на ихъ обычай, что женихи садятся въ печь для хлѣба; см. „бракъ“); „боша пашей не сдѣлается“; „изъ боша не выйдетъ попа“ (см. легенду ихъ происхожденія). Этими и другими бранными словами и пословицами армяне характеризуютъ боша и издѣваются надъ ними.

Самъ боша старается ладить съ армянами, чтобы ихъ лучше эксплуатировать; у него есть въ деревняхъ и городахъ пріятели,

---

[1]) Этотъ разсказъ я слышалъ отъ боша. Упоминаетъ объ немъ также Е. Лалаянъ („Этногр. обозр.“, кн. 1).

онъ старается породниться съ ними, но дальше „кума" не идетъ. Онъ и теперь избѣгаетъ брать въ жены армянку и дочерей за армянъ не выдаетъ. Другіе народы онъ заклеймилъ разными прозвищами: армянъ зоветъ „гачутъ" (крестьянинъ или купецъ [1]), иногда „клараьъ" (земледѣлецъ), турокъ и татаръ зоветъ „псу" (беззаконный), русскихъ „сисоровъ" (большеголовый). Хотя они держатъ себя такъ далеко отъ армянъ, но промышляютъ только среди армянскаго населенія; зимой живутъ у нихъ въ деревняхъ и въ городахъ въ армянскихъ кварталахъ. Кромѣ того, они заимствовали у армянъ ихъ религію и усвоили многіе изъ ихъ обычаевъ.

II.

Антропологическія свѣдѣнія.

Боша съ дѣтства ведетъ трудовую жизнь и потому отличается здоровымъ организмомъ. Среди нихъ почти не встрѣчается физическихъ недостатковъ—глухоты, слѣпоты, нѣмоты; даже у ихъ дряхлыхъ стариковъ острое зрѣніе, тонкій слухъ и крѣпкое сложеніе, поступь ровная. Хотя о чистотѣ никогда не заботятся, напр., не имѣютъ привычки регулярно умываться, но болѣзни среди нихъ рѣдки. Дѣти съ ранняго возраста привыкаютъ къ холоду, зною, полуобнаженности, дыму и ко всякимъ лишеніямъ; при такихъ жизненныхъ условіяхъ слабые умираютъ, а сильные выживаютъ; происходитъ своего рода естественный отборъ, и народъ боша состоитъ изъ здоровыхъ, сильныхъ, выносливыхъ людей. Многіе родители закаляютъ дѣтей физически, катая ихъ зимой полуголыми по снѣгу, а лѣтомъ пуская гулять подъ палящимъ солнцемъ, привычка купать въ холодной водѣ у нихъ сильно развита; дѣтей не одѣваютъ и ноги оставляютъ босыми. Мальчикъ-боша почти всегда босъ и безъ шапки—и зимой и лѣтомъ.

Вслѣдствіе такой жизни, кожа боша получила желтовато-черный цвѣтъ. Волосы ихъ черны и какъ бы сожжены солнцемъ; члены жилисты и крѣпки.

Боша, вообще, средняго роста, встрѣчаются и низкорослые.

---

[1]) Европ. цыгане зовутъ другихъ гадво, множ. *гадзо*, что означаетъ крестьянинъ или купецъ; слово это очень близко подходитъ къ гачутъ.

Лицо его овально, лобъ узокъ и вдается назадъ, лицо большое, выступающее впередъ, глаза черные, иногда свѣтлокаріе и голубые; разстояніе между вѣками узкое. Вообще, черты лица не грубы. Волосъ не отпускаютъ; носятъ короткую кругло-остриженную бородку.

Очертаніе лица женщины, вообще, симпатично. Молодыя красивы; у нихъ иногда встрѣчаются такія жгучія, выразительныя глаза, пухлыя щеки, что можно смѣло назвать ихъ рѣдкими красавицами. И старухи не особенно безобразны; взглядъ ихъ глазъ иногда бываетъ острый и выразительный.

По формѣ черепа боша вообще брахицефалъ; индексъ, ширины 77,40, такъ что ихъ можно назвать мезацефалами.

Слухъ и зрѣніе боша, вообще, очень остры; голосъ мужчинъ мягокъ, пріятенъ; голосъ же кочующихъ женщинъ рѣзкій, крикливый. Мужчины говорятъ спокойно, негромко и не торопясь. Женщины, напротивъ, быстро, перебивая, никогда не задумываясь и не останавливаясь. Они не умѣютъ колебаться; „за словомъ въ карманъ не полѣзетъ,“ говорятъ о нихъ окружающіе.

Женщина въ жизни боша играетъ большую роль; и дома и внѣ дома она ведетъ дѣла, мужчина же лишь рабочая сила, занимается съ утра до вечера только приготовленіемъ ситъ и т. п. или куритъ, болтаетъ; поэтому онъ гораздо медлительнѣе, неповоротливѣе, даже лѣнивѣе. А жена непрестанно движется, работаетъ; ни на минуту не умолкаетъ ея голосъ, ни минуту не отдохнетъ. Всегда быстра, проворна, говорлива, остроумна, бодра женщина-боша дома и внѣ его. И сложеніемъ женщина замѣтно выше, лучше, красивѣе, чѣмъ мужчины — сутулые, боязливые, осторожные. Въ дорогѣ, впереди толпы боша, всегда идетъ женщина съ посохомъ въ рукѣ, удаляетъ съ дороги препятствія, а когда приходится, дерется, какъ львица, своей громадной дубиной. Физически женщина гораздо сильнѣе; также и въ умственномъ отношеніи. Мужчина-боша медленно соображаетъ, особенно въ преклонномъ возрастѣ. А женщины-боша, даже дряхлыя, остроумны и способны. Онѣ быстро схватываютъ, чутко понимаютъ и умѣютъ съ рѣшительностью пользоваться обстоятельствами, даватъ ловкіе отвѣты, умѣя смутить собесѣдника, съ замѣчательной точностью запоминать всѣ мелочи въ домашнихъ дѣлахъ и въ дѣлахъ съ чужими. Онѣ ничего не боятся, не стѣсняются, ни передъ чѣмъ не останавливаются. У

нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій, предразсудковъ; но въ то же время онѣ дальновидны, осторожны, когда дѣло касается ихъ интересовъ[1]).

Женщина-боша со своей гордой смѣлостью, безукоризненно-нравственной чистотой и героизмомъ, съ которымъ она хранитъ честь своего домашняго очага, напоминаетъ римскихъ матронъ. Ея ростъ, хорошее сложеніе и красота составляютъ контрастъ съ внѣшностью мужчины-боша. И по антропологическимъ признакамъ, женщина-боша отличается отъ мужчинъ. Индексъ ширины ея черепа 80. Лицо ея менѣе овально, лобъ болѣе прямой и челюсти не такъ выдаются. Она суббрахицефальна.

III.

Внѣшній бытъ.

А. Жилище.

Съ наступленіемъ зимы боша являются въ ближайшія деревни или зимуютъ въ какомъ-нибудь городѣ, гдѣ они живутъ всѣ въ одномъ кварталѣ, занявъ хижины другъ подлѣ друга. Обыкновенно, это—жалкая хижина безъ окна, въ которую свѣтъ проникаетъ черезъ дымовое отверстіе. Въ единственной комнатѣ собранъ весь скарбъ. Въ одномъ углу кизякъ, дрова и мѣшки съ припасами, въ другомъ, на подобіе постели, тряпье, старые, истрепанные ковры-паласы, по разнымъ угламъ лежатъ принадлежности для печенія хлѣба, посуда, а затѣмъ маленькій деревянный инструментъ для выдѣлки ситъ. Все въ хижинѣ разбросано, въ грязи и въ безпорядкѣ. Какъ разъ подъ дымовымъ отверстіемъ сдѣлана небольшая печь для хлѣба, вырытая въ землѣ (какъ вообще печи для хлѣба на Кавказѣ), гдѣ пекутъ хлѣбъ и готовятъ кушанья. Каждый день въ этой печи зажигаютъ огонь, наполняютъ хижину дымомъ и, протирая глаза въ этомъ дыму, ходятъ вокругъ печи и съ жадностью ѣдятъ, полуголые, грязные, немытые, растрепанные, босые

[1]) Однажды, когда мнѣ пришлось снимать съ боша фотографическіе снимки, мужчина убѣжалъ, между тѣмъ женщина позволяла безбоязненно ее снять, особенно слыша о вознагражденіи. Я готовился спать, и она уже стояла, какъ вдругъ испуганный мужъ съ крикомъ выбѣжалъ, позвалъ жену и заперъ за нами дверь.

мальчики, въ лохмотьяхъ или, если и есть какая-нибудь одежда, то въ безпорядкѣ, на выворотъ надѣтая; чаще они совершенно голы. Даже 11—12 лѣтнія дѣвочки, которыхъ черезъ годъ выдаютъ замужъ, нечесанныя, грязныя, помогаютъ хозяйкѣ или бѣгаютъ повсюду.

Въ хижинѣ интересенъ очагъ (сантһо), который продѣланъ въ стѣнѣ. Тамъ разводятъ огонь не каждый день, а только разъ въ недѣлю, и то не для надобностей, а въ честь умершихъ членовъ семейства. Зимой согрѣваетъ хижину только эта хлѣбная печь да хлѣвъ, гдѣ стоятъ ослы. Когда печь потухаетъ, всѣ свѣшиваютъ въ нее ноги, натягиваютъ на колѣна одѣяло и такъ грѣются.

В. Одежда и украшенія.

Одежда армянскаго боша представляетъ удивительное разнообразіе. Кто что найдетъ, то и надѣваетъ; надѣваетъ и все старое, въ заплатахъ, разодранное и изношенное. На Кавказѣ армянскій боша надѣваетъ то, что достанетъ отъ армянъ своего округа: архалухъ (полукафтанье, надѣваемое подъ черкеской), гуху (черкеска), папаху, засаленный картузъ, на ногахъ чувяки, лапти и все, чего только не надѣваютъ. Грудь всегда открыта. Поясъ всегда кожаный, и на ногахъ—голенища. Въ Турціи одежда мужчинъ-боша почти лохмотья; то, что армянскій крестьянинъ износитъ и собирается бросить, боша покупаетъ и носитъ годами. Тамъ въ каждой области армянскій боша надѣваетъ то же, что окружающіе. Но у кочевниковъ одежда почти вполнѣ національная: широкій кафтанъ (кмѣтпештъ), широкія и короткія шаровары, а зимой плащъ. Одежда боша зимой и лѣтомъ одна и та же.

Замѣтно лишь, что у боша старики и дѣти одѣваются неопрятнѣе, въ лохмотья, а молодые, особенно новобрачные, одѣваются сравнительно чище. Архалухъ (полукафтанье) и кафтанъ молодыхъ мужчинъ и новобрачныхъ боша обыкновенно новый, обувь приличная, шапка чище и поясъ обвязанъ или новой шалью или нѣсколькими серебряными украшеніями. Новобрачная одѣвается опрятнѣе всѣхъ и въ ярко-красные цвѣта. Старуха-боша тоже неопрятно одѣвается; у нея всегда старыя платья, а украшеній совсѣмъ почти нѣтъ, въ то время какъ новобрачная носитъ обыкновенно пару серебряныхъ браслетъ, а на многихъ пальцахъ

рукъ серебряныя или бронзовыя грубыя кольца. Золотыхъ украшеній боша не употребляютъ, даже богатые. Молодые носятъ иногда серебряныя большія старыя кольца. Кромѣ браслетовъ и колецъ, у женщины боша больше нѣтъ украшеній; одежда ея очень проста и скромна. Въ то время какъ у многихъ изъ окружающихъ народовъ встрѣчаются разныя украшенія и связанныя съ ними привычки, женщины боша не насурьмливаютъ глазъ, какъ это дѣлаютъ женщины чимгене, не надѣваютъ ни серегъ, ни украшеній на носъ, подобно курдскимъ женщинамъ; не мажутъ хиной рукъ и ногъ, какъ это часто дѣлаютъ даже армянки. Боша не употребляетъ хины даже въ качествѣ лѣкарства; не краситъ ею волосъ, какъ это дѣлаютъ многіе изъ окружающихъ народовъ.

С. Пища и питье.

Боша ѣстъ много, ѣстъ непрерывно, у него нѣтъ положенныхъ часовъ ѣды. Какъ только онъ проголодался или приготовлено кушанье, онъ садится и ѣстъ. Онъ ѣстъ все, предпочитая пряное, острое, ѣдкое. Въ пищѣ онъ употребляетъ много чесноку, перцу, уксусу и т. п. Впрочемъ, мяса онъ мало ѣстъ; предпочитаетъ масляное и мучное. Любимыя его кушанья—пловъ (пиловъ) и малезъ. Малезъ это—національное кушанье, приготовляемое изъ тѣста и масла, похоже на васпураканскій (ван) хавицъ (пшеничная каша). Тѣсто кладутъ въ теплую воду и мѣшаютъ ложкой до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается твердымъ, какъ халва, и поджариваютъ; тогда его рѣжутъ, поливаютъ масломъ и ѣдятъ: Любятъ пловъ съ сушеными фруктами и яичницу, которая на пирушкахъ считается самымъ почетнымъ блюдомъ.

Мужчины всегда, какъ дома, такъ и на пирушкахъ, обѣдаютъ отдѣльно, женщины и дѣти отдѣльно. Вилокъ и т. п. никогда не употребляютъ, ѣдятъ въ высшей степени грязно, руками, какъ дикари.

Изъ напитковъ употребляютъ одну водку въ громадномъ количествѣ: и въ обыкновенное время, и въ праздникъ, и на пирушкахъ, кромѣ водки, они ничего не пьютъ: ни пива, ни вина.

Обязанность готовить кушанья лежитъ или на старшей женщинѣ въ домѣ, а если ея нѣтъ, то на невѣсткѣ, или на дочери. Для кушаній у нихъ всегда все наготовѣ; домъ полонъ запасами; все,

что угодно, есть, начиная съ сушеныхъ овощей, фасоли (лоба) и кончая масломъ, сыромъ и др. Ни въ одномъ армянскомъ домѣ нельзя найти такого обилія запасовъ, какъ у боша.

Боша курятъ; мужчины курятъ много табаку, а изъ женщинъ-боша на Кавказѣ курятъ только старухи, но чаще онѣ нюхаютъ табакъ; а въ Турецкой Арменіи женщина-боша никогда не куритъ— это считается неприличнымъ. Въ этомъ именно отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, женщина-боша отличается отъ чингене и европейскихъ цыганокъ. Послѣднія сильно курятъ.

IV.

Образъ жизни.

А. Занятія.

Боша ведетъ, если не вполнѣ, то преимущественно бродячій образъ жизни. О послѣднемъ мы уже разсказывали. Единственный товарищъ его скитаній—оселъ, о которомъ онъ много заботится и котораго никогда не бьетъ. Живя испоконъ вѣковъ среди земледѣльческихъ народовъ, онъ никогда не подумалъ взяться за плугъ. Его единственное занятіе—дѣлать сита, корзины, плетеные лотки и т. д., поправлять старыя сита и корзины, иногда онъ исполняетъ обязанности пѣвца, кузнеца или коновала.

Инструменты для приготовленія сита—это квадратная рама, величиною въ аршинъ; верхній его край кладется на воткнутую въ землю палку, а нижній кладутъ на колѣни. Затѣмъ, взявъ по четыре волоса изъ конскаго хвоста, вмѣстѣ протягиваютъ ихъ отъ одного конца рамы до другого, на подобіе ткани, а затѣмъ маленькимъ желѣзнымъ крючкомъ продѣваютъ въ промежутки по два волоса въ ширину и укрѣпляютъ, смотря по тому, насколько хотятъ сдѣлать рѣшето частымъ или рѣдкимъ. Такъ получается рѣшето иногда черное, а то разноцвѣтное [1]). Когда рѣшето опредѣленной величины готово, то натягиваютъ его на круглую раму

[1]) Сита бываютъ разныхъ сортовъ: сито, плетеное изъ кожаныхъ нитокъ, сито волосяное или сита изъ тонкихъ мѣдныхъ проволокъ; послѣднія покупаютъ уже готовыми плетеными.

(гуаснах), концы прикрѣпляютъ затѣмъ на эти углы и на край рѣшета накладываютъ очищенную вымоченную кожу и внѣшними краями прикрѣпляютъ деревянными шпильками къ рамѣ. Сито теперь готово для продажи. Боша можетъ въ день изготовить 6—8 большихъ ситъ и зарабатываетъ, считая продажную стоимость сита минимумъ 20 коп., въ день немало: 1 р. 20—1 р. 60 к. Но часто сита не продаютъ, а несетъ женщина-боша въ деревни и сбываетъ въ обмѣнъ на съѣстное—это бываетъ гораздо выгоднѣе. На что угодно обмѣняетъ боша свое сито и корзину, свой лотокъ и щетку.

Приготовленіе корзинъ извѣстно. Соединяются нѣсколько мужчинъ боша, идутъ за ивовыми прутьями, сообща очищаютъ отъ листьевъ, затѣмъ поровну дѣлятъ и каждый зимой, сидя дома, готовитъ изъ нихъ на весну разныя издѣлія.

Когда кочевка прекращается и наступаетъ зима, со всѣхъ сторонъ собираются въ хижины разбредшіеся боша, и начинается потребленіе продуктовъ лѣтняго труда, а съ другой стороны—приготовленіе товара на весну. Тутъ только женщина входитъ въ роль хозяйки и показываетъ, что ей принадлежитъ столько же голоса и власти въ домашнихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, какъ и во внѣшнихъ торговыхъ вопросахъ. Мужчина же лишь сидитъ да, когда вздумается, начинаетъ плести сито или корзину. Въ зимніе вечера мужчины собираются у того, у кого хлѣвъ побольше, и тамъ разговариваютъ о разныхъ вещахъ; каждый разсказываетъ свои лѣтнія приключенія, впечатлѣнія. Затѣмъ пьютъ водку, поютъ, начинаютъ драться, что иногда переходитъ въ побоище, и только вмѣшательство старосты прекращаетъ послѣднее. Женщины тоже собираются, и ихъ разговоры гораздо интереснѣе—это болѣе свѣжія впечатлѣнія своихъ скитаній.

В. Характеръ боша.

Армянскій боша обнаруживаетъ, вообще, большія способности живо устраивать себѣ жизнь.

Ни передъ какими препятствіями онъ не унываетъ, никогда не теряетъ своей самобытности, даже усвоивъ мѣстную религію и нравы. Онъ въ совершенствѣ изучитъ мѣстный языкъ, знакомится съ людьми, ихъ свычаями-обычаями, внѣшне подчиняется

всѣмъ мѣстнымъ законамъ, но все это—съ цѣлью извлекать выгоду. Принявъ христіанство, онъ для виду исполняетъ обряды, притворяется богомольнымъ, а тайно онъ поступаетъ постоянно совершенно противно основнымъ правиламъ церкви. И если его встрѣтитъ невыносимое гоненіе или препятствіе, вообще, дѣлающее для него невозможной жизнь въ этомъ мѣстѣ, то ему стоитъ только собрать весь несложный скарбъ его полуосѣдлой жизни въ хижинѣ, разложенный по мѣшкамъ, и черезъ часъ онъ готовъ: навьючилъ осла, взвалилъ кое-что себѣ на плечи и покидаетъ страну.

Какой угодно климатъ, страна, равнина, ущелье, гора, лѣсъ можетъ сдѣлаться его отечествомъ; онъ не имѣетъ понятія о собственности. Зимой свернется въ какой-нибудь берлогѣ, дырѣ, а лѣтомъ—на открытомъ воздухѣ, всегда бодръ, беззаботенъ, доволенъ и гордъ своей полуобнаженной убогостью.

Женщина-боша сильно отличается отъ своихъ родичей женщинъ-чингене и цыганокъ одеждой, чистотой, стыдливостью. Она не гадаетъ, не предсказываетъ по картамъ, не занимается танцами какъ промысломъ. Послѣ принятія христіанства она все это оставила. Новобрачная у нихъ закрываетъ лицо и не говоритъ. И если женщина-боша, взявъ въ руки палку, дѣлается смѣлой, умѣетъ отвѣчать на шутки и ругательства, грязными остротами и неприличными словами, зато, какъ уже сказано выше, горе тому, кто попробуетъ обезчестить ее.

Женщина-боша не воруетъ; мужчина,—иногда; соблазнится, напримѣръ, лошадинымъ хвостомъ, если найдетъ волосы его хорошими для сита. Но, вообще, мужчина боша не профессіональный воръ и никогда ничего не стащитъ изъ дому, если даже увидитъ открытую дверь [1]). Но, вѣрно, раньше воровство не считалось у нихъ постыднымъ занятіемъ, потому что армяне считаютъ боша ворами и, когда они входятъ въ домъ, зорко слѣдятъ, чтобы они чего не стащили. Въ сдѣлкахъ займа у боша замѣчательная простота нравовъ; безъ росписки, безъ свидѣтеля беретъ взаймы, возвращаетъ, даетъ самъ и довѣряетъ; брать проценты онъ избѣгаетъ. Боится клятвы и данной клятвы не нарушаетъ, не обманетъ, независимо отъ того, выгодно или нѣтъ это ему.

---

[1]) См. Г. Вавцянъ „Армянскіе боша“—арм. журн. Муртч. 1892., № 7, 8, 9

„Правда", говоритъ проф. Патканьянъ, „у боша много дурныхъ сторонъ, но у него есть и благородныя качества. Боша лжетъ, но процентовъ не беретъ" [1]).

При всѣхъ этихъ чертахъ, нѣтъ бóльшихъ индивидуалистовъ и эгоистовъ, чѣмъ боша, относительно чужестранцевъ; нѣтъ и болѣе сердечныхъ и дружныхъ—по отношенію къ родичамъ; ни одинъ боша никогда не голодаетъ, будь то сирота, вдова, неимущій. Общество заботится о нихъ, снабжаетъ ихъ всѣмъ, беретъ подъ свою защиту, усыновляетъ и т. д. Но для чужестранца боша никогда ничего не сдѣлаетъ, ничего даромъ не отдастъ, никогда не поможетъ, а старается, напротивъ, что-нибудь взять у него, эксплоатировать. „Въ какія бы условія его ни поставить, онъ всегда будетъ въ жизни индивидуалистомъ; кочуя, борясь постоянно съ нуждой, боша, если не счастливъ, то, по крайней мѣрѣ, свободенъ и презираетъ всякія жизненныя невзгоды [2]).

„Боша живетъ изо дня въ день и всегда съ презрѣніемъ относится къ окружающимъ народамъ. У него нѣтъ слова „нужно"; слово „имѣть" (доролъ, европ. цыг.—tèrava) у нихъ раньше было, но утрачено, по крайней мѣрѣ, европейскими цыганами [3]). Таковъ же и армянскій боша; все, что у него есть, принадлежитъ его неимущему родичу; они никогда другъ другу не отказываютъ, не говорятъ: „нѣтъ у меня"; его дверь всегда открыта, все его достояніе предоставляется, когда это нужно, въ разпоряженіе родичей.

Охоты къ ученію у боша нѣтъ—можно по пальцамъ насчитать боша, учившихся въ армянскихъ школахъ; они немедленно отставали отъ своихъ, оставляли всѣ свои привычки и, проникая въ армянскую среду, дѣлались осѣдлыми. Они уже избѣгаютъ, чтобъ ихъ считали боша, вызывая отвращеніе нападками и насмѣшками надъ своими соотечественниками, часто ихъ хорошими качествами, языкомъ и нравами.

Но мы знаемъ случаи, что боша съ интересомъ слушаетъ, когда ему читаютъ понятныя вещи.

---

1) Паткановъ „Цыганы".
2) Adriano Colocci „Gli Zingari".
3) Тамъ же.

V.

Языкъ.

Армянскій боша, подобно всѣмъ цыганамъ, имѣетъ свой національный языкъ, который имѣетъ много сходства съ языкомъ всѣхъ другихъ цыганъ. Съ теченіемъ времени языкъ этотъ обѣднѣлъ; въ немъ осталось едва 500—600 словъ, такъ какъ у боша нѣтъ ни литературы, ни записанныхъ пѣсенъ и преданій.

Если имѣть еще въ виду равнодушіе боша къ своему родному языку, то станетъ понятнымъ, почему этотъ языкъ потерялъ и извратилъ много словъ, потерялъ свою грамматику и пользуется грамматикой того армянскаго діалекта, въ средѣ котораго онъ живетъ. Боша никогда не позаботится исправить слово, произнесенное его сыномъ сокращенно или неправильно. Такъ потерялъ онъ много своихъ словъ, свою грамматику, заимствовалъ много словъ у окружающихъ народовъ, извративъ ихъ въ своемъ сокращеніи. Языкъ боша имѣетъ мало собственныхъ словъ. Половина ихъ—исковерканныя армянскія слова, другая—слова неуклюже-составленныя изъ нѣсколькихъ коренныхъ словъ. Въ рѣчь современнаго боша проникли также многія слова изъ жаргоновъ, распространенныхъ среди разныхъ ремесленниковъ Турецкой Арменіи. Боша считаетъ свой языкъ также искусственнымъ [1]) жаргономъ. Такой искусственный языкъ имѣютъ также ремесленники нѣкоторыхъ народовъ на Кавказѣ. Напр., въ Александрополѣ и Эрзерумѣ лудильщики, пекари, народные пѣвцы и др. имѣютъ искусственный языкъ, состоящій изъ словъ символическихъ или описательныхъ или просто изъ армянскихъ словъ съ переставленными слогами.

Но языкъ боша совершенно непохожъ на эти искусственные языки. Онъ принадлежитъ къ арійской группѣ языковъ, именно индійской вѣтви, вѣроятно, одному изъ низшихъ его нарѣчій, которое, пропутешествовавъ черезъ Персію, Египетъ и Месопотамію, подверглось сильному вліянію туземныхъ языковъ.

---

[1]) Архим. Н. Саргсянъ подверждаетъ то же въ своей книгѣ: Этногр. Вел. и Малой Арменіи.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, что языкъ армянскихъ боша похожъ на языкъ другихъ цыганъ, особенно египетскихъ:

Егип. цыг.		Армян. боша.
анлу	яйцо	anro (также и европ. цыганъ).
анкhор	яблоко	akor, akhor (евр. цыг).
лом	цыганъ	dom, lom (у всѣхъ цыг.).
арав	мука	aro
ланк	носъ	nak (евр. цыг.).
левал	Богъ	debel (евр. цыг.).
пhал	братъ	pral, pal (еврп. цыг. также).
кhелел	танцовать	khelâva.
пáни	вода	pani (у всѣхъ цыг.).
куйлáв	воръ	čor (чолава—воровать).
манус	человѣкъ	manush (у всѣхъ цыг.).
мус	мужъ	murč (англ. цыг. marash).
насвéл	скрыватьćя	načava.
нкалел	обнажиться	nangalo.
нá или мá	нѣтъ	na, ma (всѣхъ цыг.).

Я болѣе не остановлюсь здѣсь на языкѣ армянскихъ боша, т. к. въ концѣ книги приложенъ словарь изъ 300—400 словъ; только укажу, что языкъ боша совершенно потерялъ свои флексіи, принялъ армянскія; спряженіе, склоненіе у него армянское, никакихъ слѣдовъ его собственной грамматики не осталось.

Кромѣ того, этотъ языкъ, обѣднѣвъ въ высшей степени, не имѣетъ ни одного слова духовно-нравственнаго значенія. Странно и то, что боша, несмотря на постоянное общеніе съ природой, не имѣютъ въ своемъ языкѣ названій животныхъ и растеній. Это явленіе обще не только армянскимъ боша, но и прочимъ цыганамъ. Напр. „коза" у нихъ составлена изъ словъ „маленькій" и „нога" (джунаб бав), „ворона"—„черная птица", „попугай"—„говорящая птица", „старикъ"—большой человѣкъ" (воров манус), „море"—„большая вода" (воров пани) и т. д. Равнодушіе, съ которымъ они относятся къ сохраненію словъ и правильнаго произношенія, свойственно всѣмъ цыганамъ. Понятна поэтому трудность составленія словаря цыганскаго языка и языка-боша—одно и то же слово у нихъ имѣетъ различныя значенія и произношенія. Напр. тжанрав, джанрав, джандрав—невѣста, невѣстка; тжлав,

джилав—скоро, быстрый; насуав, насуецав—больной, немощный, заболѣлъ; тһул, тһулин—снѣгъ, земля; лахуз—человѣкъ, мужчина, мужъ, крестьянинъ; павнич, памничи—сто; вгнел, вiйнел—продать.

То же разнообразiе произношенiя нашелъ и проф. Паткановъ еще болѣе выраженнымъ въ языкѣ русскихъ цыганъ. Напр., слово „братъ" русскiй цыганъ произноситъ: пралл, пграл, пгал; „нога"—пунру, гиро, һерой и т. д.

При этомъ замѣтно слѣдующее явленiе: цыганскiй языкъ всюду подчиняется не государственному языку, а непосредственному влiянiю въ произношенiи и грамматикѣ того нарѣчiя, на которомъ говорятъ въ районѣ мѣстожительства цыганъ. То же нужно сказать и объ армянскихъ боша. Въ Турецкой Арменiи произношенiе и даже ударенiе у боша иное и иная грамматика, чѣмъ въ тѣхъ частяхъ Кавказа, гдѣ господствуетъ араратское нарѣчiе.

Армянскiе боша говорятъ теперь на своемъ языкѣ только когда хотятъ, сообщая другъ другу что-нибудь, скрыть отъ другихъ. Они научились армянскому языку, но говорятъ, ставя особенныя ударенiя на армянскихъ словахъ. Грубость и рѣзкость ихъ языка замѣтна, когда они говорятъ по-своему; говоря же по-армянски, они смягчаютъ многiе звуки, напр. һагнел—һайнел, Григор—Гiйор, Гойор и т. д. Букву *р* по-армянски они произносятъ мягко, нѣсколько картаво. Букву дз они произносятъ, подобно туркамъ, близко къ *з*, а раскатистое *рр*, если и произносятъ, то съ трудомъ или, напротивъ, слишкомъ твердо *ррр*. Эти произношенiя можно наблюдать у молодыхъ и у женщинъ; а старики, также женщины, долго жившiя и живущiя среди армянъ или бывавшiя часто въ ихъ деревняхъ, произносятъ довольно чисто, такъ же, какъ армяне; и только внимательно прислушиваясь, можно замѣтить турецко-персидское ударенiе и произношенiе. Боша говоритъ рѣзкимъ голосомъ, иногда крикливымъ, горловымъ. Носовыхъ звуковъ у нихъ нѣтъ, а если и есть, то только въ ихъ армянской рѣчи; звукъ же *н* въ ихъ языкѣ не такой носовой, какъ у армянъ. Въ ихъ языкѣ почти совершенно нѣтъ замѣны звука *а* звукамъ *ӓ*, какъ это замѣтно у армянъ, подвергшихся влiянiю татарскому.

Боша имѣетъ *а* двухъ родовъ: *а*—закрытое и открытое; напр., са́нтһо (*а*—открытое), на (нѣт—*а* закрытое). *Ч*—произносится,

какъ въ санскритскомъ языкѣ, небно; а звукъ *тж* не звучитъ, какъ у армянъ, твердо, а мягче, приближаясь къ *дж*; поэтому составители словарей пишутъ многія слова, употребляя или *дж* или *тж*, т.-е. затрудняясь воспроизвести настоящій звукъ, существующій у боша.

VI.

Обычаи.

А. Религія и вѣрованія.

Изучая жизнь армянскаго боша, мы постоянно будемъ наталкиваться на такія черты чисто-армянскаго быта, которыя, если не исчезли изъ послѣдняго, то, по крайней мѣрѣ, находятся въ пренебреженіи или забыты. Религіозное усердіе, та вѣра, съ которой они относятся къ обрядамъ армяно-григоріанской церкви, и уваженіе къ духовнымъ лицамъ выражены подчасъ у армянскихъ боша гораздо сильнѣе, чѣмъ у армянъ. Тѣмъ не менѣе, среди боша еще сохранились такія переживанія старыхъ обычаевъ, которыя составляютъ уродливое противорѣчіе и идутъ въ разрѣзъ съ предписаніями армянской церкви. Поэтому-то они не рѣшаются открыто исполнять свои старыя обычаи, тайно ихъ придерживаясь. Такимъ образомъ, съ одной стороны, религіозное усердіе и благочестіе, съ другой — тайное уклоненіе къ старымъ обрядамъ сдѣлали боша поневолѣ лицемѣромъ, лгуномъ. Собственно, если взглянуть на вопросъ глубже, у боша, какъ и у всѣхъ цыганъ, нѣтъ никакого истиннаго представленія о религіи [1]. По его мнѣнію, посѣщеніе церкви, зажиганіе свѣчъ, почтеніе къ священнику—это и есть религія. О Богѣ онъ знаетъ, лишь механически повторяя то, что думаютъ и говорятъ окружающіе; онъ не молится внѣ церкви и смысла молитвы не воспринимаетъ. Религія для него не больше, какъ обычай.

Правда, поверхностно изслѣдовавшіе бытъ боша говорятъ, что „они, правда, не забыли своего прежняго закона, но христіанская религія ихъ смягчила, они богомольны и богобоязненны“. То

---

[1]) См. свидѣтельство объ этомъ Е. Лалаяна: Этногр. Обозр. кн. I и Г. Вануяна въ статьѣ „Арм. боша“ Мурч., 92, 1317 стр. Paspati стр. 2.

же повторяетъ Сраанцтянъ въ своей книгѣ „Дядя Торос“ (т. I. стр. 26—27), что „они относятся съ благоговѣніемъ къ церкви, духовнымъ лицамъ и уставамъ церковнымъ“; но, взглянувъ глубже, приходишь къ заключенію, что все это дѣлается лишь для виду, соблюдается одна внѣшность: нѣтъ у нихъ представленія о религіи — они объ этомъ не читаютъ и не любятъ религіозныхъ бесѣдъ или разсказовъ. Священниковъ они слушаютъ, уважаютъ и боятся ихъ проклятія; тѣмъ не менѣе, постоянно поступаютъ наперекоръ самымъ элементарнымъ положеніямъ церкви. И церковнымъ праздникамъ они не придаютъ особаго значенія: они справляютъ ихъ тѣмъ, что много пьютъ, играютъ, танцуютъ, но не поздравляютъ и, вообще, не обнаруживаютъ какихъ-либо благочестивыхъ шаговъ въ этомъ духѣ. Изъ праздниковъ съ особенной торжественностью справляется лишь одинъ — новый годъ. Въ этотъ праздникъ они ходятъ поздравлять другъ друга съ водкой и закуской. Праздникъ начинается рано утромъ; всѣ встаютъ раньше обыкновеннаго, умываются (въ другое время они объ этомъ забываютъ), затѣмъ, всѣ безъ исключенія идутъ въ церковь. Ни одинъ праздникъ не справляется такъ.

Религіозныхъ предразсудковъ у нихъ никакихъ нѣтъ, они никогда ни чему не молятся, болѣзней святымъ не приписываютъ, жертвоприношеній не знаютъ, также и богомолій.[1]) Хотя еп. Сраанцтянъ говоритъ, что самымъ большимъ благочестіемъ у нихъ считается сдѣлаться мухси (мгдси—значитъ—человѣкъ, побывавшій съ благочестивыми цѣлями въ Іерусалимѣ), но я не знаю ни одного „мухси“ среди боша или чтобы кто-нибудь изъ нихъ думалъ о путешествіи въ Іерусалимъ. Хотя они говорятъ, что больше гаданіями и колдовствомъ не занимаются (въ виду боязни передъ проклятіемъ армянской церкви), но мнѣ случалось встрѣтить въ Турецкой Арменіи нѣсколькихъ боша, которые гадали для меня по картамъ, бобами и на водѣ въ чашкѣ. Конечно, они дѣлаютъ это тайно, и говоря объ этомъ, изъ боязни, такъ выражаются: „Грѣхъ, мы больше такими вещами не занимаемся“. Это „больше“ краснорѣчиво указываетъ, что среди нихъ были раньше занимавшіеся гаданіями, колдовствомъ и т. д. —

---

[1]) См. по этому поводу также у Вануяна: Арм. боша. Мурчъ 92, стр. 1318; Паспати, стр. 2.

все это подъ вліяніемъ христіанской церкви исчезаетъ, оставаясь лишь въ скрытыхъ формахъ.

При всемъ томъ, показывая съ внѣшней стороны себя набожными и богобоязненными, боша сохранили еще свои старыя вѣрованія и обряды. [1]) Держась старины, боша не придаютъ значенія церковному браку; незаконное сожительство у нихъ распространено и не считается предосудительнымъ.

В. Бракъ и свадьба.

Родство у боша не служитъ препятствіемъ къ браку. Кромѣ сестеръ и братьевъ, всѣ родственники сочетаются бракомъ и сожительствуютъ: напр., съ племянницей, невѣсткой, двоюродной сестрой и т. д. браки дозволены; чтобы скрыть отъ армянской церкви это родство, они сговариваются всѣ и обманываютъ священника и духовное начальство.

Браки у армянскихъ боша заключаются очень рано: 13-ти лѣтъ дѣвочка-невѣста выходитъ замужъ за 15-ти-лѣтняго, не позже. Съ окружающими народами и даже единовѣрными армянами, какъ уже сказано, не заключаютъ браковъ. Романы у нихъ бываютъ; случается, похищаютъ дѣвушку, но если семейство жениха не желаетъ ссориться съ семействомъ невѣсты, то оно даетъ удовлетвореніе деньгами, или чѣмъ-нибудь другимъ, установивъ предварительно послѣ долгихъ пререканій размѣръ вознагражденія. Сговоръ, обыкновенно, является поводомъ къ безконечнымъ спорамъ и ссорамъ, потому что отецъ жениха долженъ уплатить за дѣвушку, давая выкупъ. Въ Турецкой Арменіи, въ качествѣ выкупа, даютъ, обыкновенно крупныхъ ословъ, муловъ и съѣстные припасы [2]), а на Кавказѣ 100—250 руб. день-

[1]) Одинмъ изъ этихъ древнихъ религіозныхъ обрядовъ является тайный обрядъ т. наз. праздникъ котловъ (Paspati), который боша называютъ какава срв. съ арм. словомъ kakhav — танецъ). Обрядъ этотъ сохранился лишь среди кочевыхъ боша, совершается 23 апрѣля, въ день Св. Георгія. Во время кочевій, они условливаются сойтись гдѣ-ниб. у воды, собираются, каждая семья закалываетъ по барану, цѣлыхъ три дня пьютъ, ѣдятъ и танцуютъ. Во время этого празднества у нихъ совершаются такіе обряды и танцы, и такъ какъ дѣлается это все въ тайнѣ, то это и подало поводъ къ подозрѣнію у окружающихъ, что они собираются для изготовленія волшебныхъ зелій.

[2]) Дядя Торос, I т. стр. 26—27

гами, смотря по тому, какія способности показываетъ дѣвушка въ смыслѣ назойливости, съ которой она будетъ скитаться и нищенствовать. Эти способности, вмѣстѣ съ красотой дѣвушки, составляютъ критерій ея достоинства. Если дѣвушка отличается смѣлостью, живостью, ловкостью, назойливостью,— то это повышаетъ ея стоимость, если даже она и не отличается красотой. Въ выборъ дѣти не вмѣшиваются и слѣпо подчиняются приказаніямъ родителей. Обрученный, пока еще не женился, ведетъ себя по отношенію къ тестю и тещѣ съ скромностью восточной женщины, онъ съ ними не говоритъ и, только женившись, получивъ спеціальный подарокъ, онъ можетъ открыть ротъ.

Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, боша относятся съ величайшимъ почтеніемъ къ старшимъ, при входѣ ихъ встаютъ, съ почтеніемъ цѣлуютъ ихъ руки, слушаются ихъ. Это вліяніе аһил'овъ (стариковъ)—остатокъ стараго быта, когда старики являлись главами племени.

Свадьба начинается съ водки. Сперва пьютъ у жениха, затѣмъ свахи идутъ въ домъ невѣсты, захвативъ съ собой напитки и съѣстное. Вообще, расходы въ домѣ невѣсты въ такихъ случаяхъ несетъ отецъ жениха.

Когда женихъ отправляется къ невѣстѣ, его берутъ и ведутъ тотчасъ къ сосѣдямъ или родственникамъ, а оттуда уже въ церковь. По совершеніи брака, идутъ въ домъ жениха, начинается новый кутежъ: тутъ играютъ, пьютъ, танцуютъ, много поютъ, говорятъ, часто и дерутся.

Особенно слѣдуетъ отмѣтить слѣдующее: когда невѣсту приводятъ изъ церкви домой, то тотчасъ ведутъ ее съ женихомъ къ хлѣбной печкѣ, вырытой въ землѣ (торня), кружатъ ихъ вокругъ нея, затѣмъ благословляютъ передъ очагомъ, послѣ чего невѣсту тотчасъ прячутъ за густую занавѣску. Тамъ остается она до конца свадьбы: никто не можетъ туда войти, кромѣ подружекъ, даже женихъ, чтобы войти, долженъ попросить позволенія.

По всѣмъ видимостямъ у нихъ былъ и даже еще и теперь существуетъ тайно какой-то странный обрядъ, о которомъ всѣ разсказываютъ, начиная съ Патканова и Паспати и кончая поверхностными изслѣдованіями послѣдняго времени. Приведу все это въ подлинныхъ словахъ. „Разсказываютъ,“ говоритъ одинъ

армянскій изслѣдователь [1]), „что послѣ свадьбы, когда приглашенные расходятся и остаются только родственники жениха, то женихъ влѣзаетъ въ хлѣбную печь (торню), а новобрачная стоитъ у края печи и говоритъ: „Иди, иди, выходи". Женихъ изъ печки отвѣчаетъ: „Не выйду". Невѣста повторяетъ: „Иди сюда, выходи, я буду выпрашивать хлѣбъ, повѣшу суму, буду кормить тебя куриной грудиной, бѣлымъ хлѣбомъ". Послѣ этого обѣщанія женихъ выходитъ. Разсказъ объ этомъ обычаѣ такъ популяренъ у армянъ, что они сдѣлали изъ этого пословицу: когда кто-нибудь опаздываетъ или рѣдко выходитъ изъ дому, то про него говорятъ: „что, ты, боша, женихомъ сдѣлался, что не выходишь?" Проф. Паткановъ въ своей книгѣ разсказываетъ, что „во время замужества женщины-боша обѣщаютъ своимъ мужьямъ „нищенствовать, попрошайничать и тѣмъ ихъ содержать" [2]).

Другой армянскій этнографъ, говоря объ Акнскихъ боша, пишетъ: „Слышалъ я, что въ старину былъ у нихъ обычай, что когда боша женится на дѣвушкѣ изъ племени боша, то жениха помѣщаютъ въ волосяной мѣшокъ и невѣста говоритъ ему: „выходи изъ мѣшка, выходи изъ мѣшка, я заплачу подать (спенджъ), заплачу подать (хараджъ), буду скитаться и кормить тебя". Три раза повторяетъ это невѣста, и тогда женихъ выходитъ изъ мѣшка [3]).

Это свидѣтельство о томъ же мы находимъ въ Этнограф. Обозр. Лалаяна кн. 1: „Одна старуха боша разсказывала мнѣ: Въ старину одинъ человѣкъ, по имени Килискинтосъ, не сумѣвъ промыслить для семьи пропитанія, отчаялся и влѣзъ въ хлѣбную печь, чтобы тамъ умереть. Пришла жена, вытащила его изъ печки, ободрила и сказала: „пойду я просить милостыню, соберу и буду кормить тебя куриной грудинкой, бѣлымъ хлѣбомъ, принесу себя въ жертву тебѣ, выйди изъ печки, вылѣзай" [4]). Эта женщина, какъ сообщилъ мнѣ самъ Лалаянъ, была изъ александропольскихъ

---

[1]) Это—отрывокъ изъ напечатаннаго труда Александропольца А. Мхитарянца, подъ названіемъ „Ширакъ" (древне-армянское названіе александроп. района), изъ котораго я воспользовался словаремъ яз. боша, конечно, лично провѣривъ всѣ заимствованныя у него слова.

[2]) Паткановъ „Цыганы" стр. 69—76.

[3]) Чапикли. Древности Акна (въ Сивасск. вил. въ Турецк. Анатоліи) стр. 60.

[4]) „Этногр. Обозр." кн. 1 стр. 178—179.

боша, дряхлая старуха, по имени Антһаръ. Она мнѣ разсказывала то же самое.

Другой боша, изъ Марзвана (Турція, Сивасскій вилаетъ) разсказывалъ мнѣ то же, говоря, что это дѣлалось прежде: женихъ садился въ шкафъ. Самъ онъ этого не видѣлъ.

Вѣроятно, избѣгая насмѣшекъ, боша отрицаютъ существованіе этого обычая. Но все указываетъ, что онъ еще сохранился и исполняется, если не всюду, то кое-гдѣ.

Антһаръ, эта старуха, разсказывала и мнѣ и Лалаяну, что послѣ этого сдѣлалось обычаемъ, чтобы послѣ вѣнчанія, когда женихъ и невѣста возвращаются домой, женихъ влѣзалъ въ печь, а невѣста плясала около печки и пѣла упомянутыя слова, пока женихъ не выйдетъ изъ печки [1]).

На слѣдующій день послѣ свадьбы отецъ жениха приглашаетъ друзей и знакомыхъ, въ домахъ которыхъ онъ былъ на свадьбѣ и дѣлалъ подарки (сачу); не притти считается малодушьемъ и большимъ позоромъ. Послѣ обѣда отецъ жениха ставитъ посреди гостей тарелки и собираетъ подарки.

На слѣдующій день послѣ свадьбы, священникъ беретъ священную книгу, а женихъ и невѣста входятъ въ спальню. Доказательство дѣвственности строго требуется. Въ тотъ же день разбираютъ приданое невѣсты; это дѣлаютъ мужчины со стороны жениха. По одному разбираютъ и оцѣниваютъ они принесенное невѣстой, чтобы убѣдиться, стоитъ ли она уплаченнаго выкупа.

С. Похороны.

Когда боша заболѣваетъ и принятыя мѣры не приносятъ пользы, иначе говоря, когда смерть считается неизбѣжной, тотчасъ же призываютъ священника для причастія. Затѣмъ, молча садятся около больного и ожидаютъ смерти, которой они страшно боятся. Женщины украдкой плачутъ, не рыдая и не возвышая голоса. Такъ онѣ себя ведутъ до самаго конца. Когда больной умираетъ, тотчасъ же его раздѣваютъ, зашиваютъ въ саванъ и спѣшатъ вынести на носилкахъ изъ дому въ церковь или на кладбище.

---

[1]) По этому поводу Г. Вануянъ говоритъ (Мурч. 92 ч. стр. 1310), что пока женихъ не возьметъ у невѣсты этого обѣщанія, до тѣхъ поръ онъ не выйдетъ изъ печки и не пойдетъ вѣнчаться.

Въ этотъ день тушатъ въ домѣ всѣ огни, и въ хижинѣ умершаго не готовится вовсе кушаній. Сосѣдки или родственницы, взамѣнъ этого, приносятъ въ ситахъ яичницу въ домъ умершаго. Вдова и родственники не надѣваютъ чернаго, не соблюдая никакого траура. Всякія обязанности оканчиваются съ погребеніемъ: вдова свободна, и если найдетъ желающаго, выходитъ замужъ хоть черезъ недѣлю. Однако память умершаго чтится въ семействѣ въ недѣлю разъ зажиганіемъ огня. Имущество умершаго супруга безусловно принадлежитъ женѣ, хотя бы она и не имѣла дѣтей, и ни братъ, ни сестра, ни кто другой не получаютъ ничего изъ наслѣдства. Во время кочевья, какъ мы уже сказали, если деревня близка, мертвеца кладутъ на осла и привозятъ въ деревню, чтобы похоронить согласно религіи; въ противномъ случаѣ, тутъ же роютъ яму, хоронятъ безъ молитвъ, покрываютъ листьями или травой и удаляются.

D. Домашнее лѣченіе (медицина.)

По этому вопросу свѣдѣнія наши пока очень ограничены; однако въ высшей степени интересно знать, какія лѣкарственныя средства примѣняютъ боша для лѣченія ранъ, а также для лѣченія скота. Впрочемъ, боша очень рѣдко заболѣваетъ. Изъ болѣзней чаще всего бываетъ у нихъ лихорадка, и противъ нея они употребляютъ молоко ослицы, къ которому прибавляютъ нѣсколько капель сока растенія, называемаго ослиное молоко. Эти чрезвычайно горькія на вкусъ капли дѣйствуютъ подобно хинину, и больной вскорѣ поправляется [1]). Болѣзнь они никогда не приписываютъ какому-нибудь святому, или „дурному глазу“, вообще свободны въ этомъ отношеніи отъ суевѣрій, и поэтому для лѣченія никогда не прибѣгаютъ къ жертвоприношеніямъ, богомольямъ, молитвамъ и пр.

E. Рожденіе.

Роды у женщины-боша происходятъ очень просто: во время беременности, до послѣдняго момента, женщина остается на ногахъ и съ обыкновенной энергіей продолжаетъ работать. Рожаетъ она съ большой легкостью, почти безъ муки, и остается лежать едва

---

[1]) Мнѣ сообщали, что въ Эриванской губ. противъ лихорадки употребляютъ сокъ того же растенія, но только разбавляя въ водѣ (сообщеніе С. Зелинскаго).

только нѣсколько дней; если же она находится въ дорогѣ, то отдыхаетъ не болѣе часа, обмывается, очищается и вновь продолжаетъ путь. Не имѣется никакихъ обрядовъ или суевѣрій, касающихся времени беременности или послѣродового періода.

F. Танцы и музыка.

На свадьбѣ музыкантами являются ашуги изъ боша, которые играютъ или на скрипкѣ, или на пастушеской волынкѣ. Танцы по преимуществу армянскіе; женщины не танцуютъ вмѣстѣ съ мужчинами, а только отдѣльно. Какъ самобытные настоящіе танцы боша Vaillant упоминаетъ *ромайку* и *крестообразный танецъ* [1]) (который будто бы танцуютъ на Пасхѣ). Эти танцы, по его словамъ, походятъ на индѣйскіе танцы баядерокъ или на египетскіе танцы „алма" и „һавази". Если у настоящихъ армянскихъ боша и были когда-нибудь подобные танцы, то изъ нихъ теперь остался только одинъ видъ, который танцуютъ женщины боша. Персидскіе *мтрибы* и турецкіе *чингене* имѣютъ много различныхъ танцевъ; безъ сомнѣнія, ихъ видѣлъ каждый азіатъ; эти танцы напоминаютъ тѣ развратные и дѣйствующіе на чувственность мавританскіе танцы, которые съ большимъ искусствомъ исполняются даже на улицахъ Константинополя женщинами *чингене* и на персидскихъ пирушкахъ мальчиками *мтрибы*. Эти танцы изобилуютъ страстными движеніями, съ размахиваніемъ рукъ и извиваніемъ тѣла. При танцахъ употребляются маленькія деревянныя кастаньеты, надѣваемыя на пальцы. Эти-то танцы называются танцами египетскихъ Алма [2]).

Крестообразный танецъ, безъ сомнѣнія, тотъ танецъ, который исполняется четырьмя женщинами-боша: онѣ приставляютъ другъ къ другу свои головы и, стоя на мѣстѣ, подпрыгиваютъ. Танецъ этотъ исполняется не только въ праздникъ Пасху, но и на пирушкахъ, но только подальше отъ мужчинъ.

О музыкѣ, послѣ изслѣдованій Листа, мало остается сказать. У боша почти нѣтъ теперь самостоятельной музыки; всѣ ихъ пѣсни и мелодіи танцевъ взяты у армянъ или у прежнихъ сосѣдей.

---

[1]) Мнѣ не пришлось видѣть вышеназваннаго танца, но видѣвшіе разсказывали мнѣ, что этотъ танецъ состоитъ въ томъ, что его четверо танцуютъ, приставивъ другъ къ другу головы.

[2]) См. описаніе танцевъ Алма у Елисѣева: „По бѣлому свѣту"; т. 2.

Мнѣ удалось всеже записать нѣсколько вещей, совершенно не похожихъ на армянскіе мотивы, и мнѣ кажется, что это собственные мотивы боша, тѣмъ болѣе, что по духу они очень похожи на мотивы европейскихъ и турецкихъ цыганъ.

Гамма этихъ мотивовъ слѣдующая:

ГАММА АРМЯНСКИХЪ БОША

Гамма эта очень похожа на персидскій мотивъ „гиджас", но отличается отъ него sol'dièse'омъ. Мотивы крикливы; иногда трогательно-нѣжны, то вдругъ пронзительны и трескучи. Кромѣ этой гаммы, въ качествѣ танцевъ, есть у нихъ мажорныя пьесы, совершенно оригинальныя, напоминающія мавританскіе танцы. Для того, чтобы составить понятіе о настоящихъ мотивахъ боша, достаточно познакомиться съ „цыганскими танцами" Іог. Брамса и „2—ой венгерской рапсодіей" Листа.

Оригинальная старая музыка боша, хотя и подверглась армянскому и турецкому вліянію, тѣмъ не менѣе представляетъ много сходства съ самобытными обще-цыганскими мотивами.

VII.

Поэтическое творчество.

Подобно тому какъ утратились музыкальные мотивы, такъ точно нѣтъ у боша поэзіи и пѣсенъ. Приводимыя ниже стихотворенія—созданіе новаго времени—авторъ одного изъ нихъ еще живъ; братъ его состоитъ старостой александропольскихъ боша.

Эти стихи сочинены, повидимому, экспромтомъ, въ состязаніяхъ съ ашугами (нар. пѣвцы). Ихъ собралъ и издалъ Е. Лалаянъ въ Этногр. обозр. Е. Лалаяна (т. I); я снова ихъ провѣрилъ и, будучи достаточно знакомъ съ языкомъ боша, насколько возможно, исправилъ.

1-я ПѢСНЯ. (Переводъ).

Приди ко мнѣ, клянись, что не падешь съ мольбой къ ногамъ.
Какъ протяну къ тебѣ я руку, такъ помутится умъ твой.
Разъ, два раза, три раза, четыре и пять разъ!
Пришли, со мной вы сѣли, что вы хотите отъ меня,
Ну, что жъ, скажите что-нибудь получше, теряю разумъ я!
Разъ, два раза, три раза, четыре и пять разъ!
Ханесъ-оглы сказалъ: боша я, вы помните имя мое!
Если пѣвецъ, выходи, кто кого побѣдитъ, скрипку мою тоже ты бери.
Разъ, два раза, три раза, четыре и пять разъ!

2-я ПѢСНЯ. (Переводъ).

Иди садись со мной, молодецъ!
Боюсь, кто придетъ, скажешь ему мое имя.
О, вѣрь, я мастеръ, ты мнѣ не товарищъ.
Узнаешь меня, такъ ты человѣкъ!
Не сѣсть ли мнѣ тамъ? что тебѣ до меня?
Сита мнѣ дѣлать, плести ихъ?
Смотри, какъ пойду, за мной не поспѣешь!
Узнаешь меня, такъ ты, молодецъ!
Уста-Вано этотъ теджлисъ [1]) самъ сочинялъ.
Если въ дѣлѣ ты не искусенъ, со мной не тягайся:
Въ состязаніи со мной ты узнаешь меня,
А узнаешь меня, такъ ты молодецъ!

Стихотворенія эти новы, авторы ихъ живы, онѣ ничего не выражаютъ, нѣсколько даже загадочны. Эротическихъ, патріотическихъ или какихъ-нибудь другихъ пѣсенъ мнѣ не пришлось слышать, но мнѣ говорили, что есть и такія; въ ближайшемъ будущемъ я постараюсь ихъ достать.

Нѣсколько въ иной редакціи (?) первый изъ этихъ отрывковъ у Ванцяна (Мурч., 92, 1320, 1). Въ пѣснѣ Ганес-оглы повидимому нѣкоторыя строки записаны вѣрнѣе, чѣмъ у Лалаяна. Вотъ эти варіанты.

[1]) Пѣсни, которыя поютъ пѣвцы при состязаніяхъ.

Варіантъ 1-ой пѣсни. (Переводъ).

Ганес—оглы пакрец...

Ганес—оглы сказалъ, я ломъ, вы помните имя мое!
Разъ, 2 раза, 3 раза, 4 и 5 разъ!
Будь здѣсь хоть одинъ боша, понялъ бы меня,
А сидящіе тутъ не знаютъ, что падаетъ скрипка изъ рукъ.
Какъ поютъ они пѣсни, такъ я разумъ теряю.

Варіантъ 2-ой пѣсни. (Переводъ).

Уста (Мастефъ), коль приду къ тебѣ, что тебѣ до меня?
Я сито вяжу, собираю все вмѣстѣ.
Не такъ я великъ, чтобъ со мной состязаться,
А найдешь, такъ ты человѣкъ.
Уста-Вано сказалъ отъ себя „теджлис",
Если ты не искусенъ, не тягайся, не спорь,
Выйду на бой, такъ узнаешь меня,
А узнаешь меня, такъ ты молодецъ!

3-я ПѢСНЯ (Переводъ).

Нанесъ-оглы сказалъ, обдумай все.
Смотри ты, берегись и знай, кто я.
Мнѣ пѣсенъ даръ далъ тотъ, кто семь именъ имѣетъ (Іоаннъ—Креститель, патронъ народныхъ пѣвцовъ).
Слава создателю Богу, я имъ не оставленъ.
Не ходилъ къ нему, не видалъ его, самъ онъ даръ мнѣ ниспослалъ вдругъ.
Какъ встану я, дрогнешь весь ты и больше спорить не будешь со мной.
Зачѣмъ мнѣ земныя богатства, пусть будетъ рай мнѣ жилищемъ!

1-я ПѢСНЯ. (Ориг).

Ave hosel, kmruk χathe akm'al na pares pavis
Athəs kukhvem meravid, dřoti kə χlavid
Ath mə ka͡ien, čdar ka͡ien, lui ka͡ien, ak ka͡ien.
Aver vesər ekh dugahis, ke ku mangekh teraves

Samel kamavtikh phanecekh, sisaves ğe χlavis
Ath mə kaien čdar kaien, lui kaien, ak kaien
Hanes-oγlin pakrec, lom em, učarecekh tlaris
Kam mə zanes, hakven ave, athaves le dmravis
Ath mə kaien, čdar kaien, lui kaien, ak kaien.

2-я ПѢСНЯ. (Оринг).

Ave innav hosel, vese dugahis
Biem manus ave, na les tlaris
Jes buhu kam zanem, na fenas thaiis
Heviv loricir isa, manus es manus:
Avem vesem hotel, ke dares baštas.
Samlikavem čhahrin. banthem ku dastas
Chlav kare, kučem, ma aves baštas
Hevis loricir isa manus es manus.
Usta Vanon pakrec teraven, thağlis
Kam na zanes isa, ma peser mağlis
Čhučhotvim ku baštad, snanes ku zis.
Hevis loricir isa, manus es manus.

Варіантъ 1-ой пѣсни.

Hanes-oγlin pakrec, lom em, učarecekh traris
Ak mə kaien, čdar kaien, ath mə kaien, ak kaien.
Lom me vesach fenar, savə sənkher pakrachs
Vesognerə kam na zanen, athaves le dmravis
Hevav kamavtikh kə phanen, sisaves ğe χlavis.

Варіантъ 2-ой пѣсни.

Usta, avem dugahid, ke dares baštas
Samlikarim čharis, banthem ku dastas.
Phu (buhu), vorov na em, na baris (bares) baštas
Lorecir isa, manus es manus.
Usta Vanon pakrec teraven thağlis
Kam na zanes isa, na peses mağlis
Solavnoc kanem ku snanes ku zis
Lorecir isa manus es manus.

VIII.

Юридическіе обычаи.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ объ общественной жизни армянскихъ боша и объ ихъ юридическихъ обычаяхъ.

Вліяніе и рѣшающее значеніе въ общественныхъ дѣлахъ вліятельнаго голоса стариковъ (аhил'овъ) уже давно утрачено въ армянской жизни и даже въ самыхъ глухихъ углахъ мало-по-малу исчезаетъ. Боша же очень уважаетъ и почитаетъ своихъ стариковъ. Въ ихъ общественной жизни старикамъ до сихъ поръ принадлежитъ рѣшающая роль. Въ ихъ собраніи разбираются судебныя дѣла, слушаются ихъ совѣты и въ серьезныя минуты довѣряютъ имъ, подчиняясь покорно ихъ рѣшенію. Вообще старики въ почетѣ. При ихъ проходѣ боша встаютъ; присутствіе ихъ на попойкахъ умѣряетъ пьянство; по ихъ слову прекращаются драки; вообще старикамъ оказываютъ извѣстное уваженіе. Цѣлуютъ имъ руки, низко кланяются. Изъ стариковъ избирается вождь племени боша, котораго называютъ староста (атhоракалъ) и который въ старину назывался джамадаръ (князь, вождь). Староста и теперь пользуется тѣми же правами, что и раньше. Въ его вѣдѣніи находится судъ; онъ назначаетъ наказаніе, произноситъ послѣднее слово въ важныхъ вопросахъ. Никому изъ боша никогда не придетъ въ голову ослушаться его приказовъ. Но староста не творитъ суда и не разрѣшаетъ вопросовъ единолично; правда, въ незначительныхъ случаяхъ, онъ не обращается къ совѣту; но сколько-нибудь важные вопросы онъ подвергаетъ обсужденію въ собраніи стариковъ, которое онъ для этого и собираетъ. Такія собранія часто бываютъ у боша зимой; староста собираетъ стариковъ у себя дома, и тамъ они занимаются судомъ и разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ. Должность старосты наслѣдственна, пока есть наслѣдникъ. Когда родъ пресѣкается, то наиболѣе уважаемый изъ стариковъ избирается въ старосты и такимъ образомъ должность эта переходитъ къ другому роду. Какъ староста, такъ и члены его семьи, пользуются у боша большимъ уваженіемъ. Все указываетъ на то, что въ старину, когда боша были вполнѣ кочевниками и жили въ шатрахъ, староста игралъ роль предводителя племени. Теперь его неограниченная власть ограничена

правительствами странъ, въ которыхъ живутъ боша. Турецкое правительство, хотя и позволяетъ боша выбирать себѣ старосту, но утверждаетъ и, называя ихъ мюдирами, признаетъ ихъ лишь представителями общины, не давая имъ права подвергать своему суду споры боша. Кромѣ того, правительство, если пожелаетъ, лишаетъ старосту должности. Несмотря на то, боша никогда не обращается къ правительственному суду ни въ Турціи, ни на Кавказѣ. Никогда вы не увидите боша въ правительственныхъ судахъ и никогда ни одинъ правительственный судья или полицейскій чиновникъ не занимался разборомъ дѣла боша. Ни одинъ боша никогда не былъ присужденъ за преступленіе къ тюремному заключенію или высылкѣ. Конечно, это можно приписать и тому, что среди боша никогда не бываетъ убійствъ и не обнаруживается какихъ-либо международныхъ преступленій, тѣ же, которыя бываютъ въ своей средѣ, они ловко скрываютъ, подвергая виновнаго лишь суду старосты. Въ Турціи и на Кавказѣ во всѣхъ кварталахъ городовъ есть полицейскіе сторожа, а въ кварталахъ боша это считается излишнимъ, такъ какъ тамъ никогда не бываетъ безпорядковъ, чтобы потребовалось вмѣшательство полиціи. Боша считалъ бы большимъ позоромъ и безчестіемъ, если бы въ правительственномъ судѣ стали разбираться его дѣла и внутренніе споры. Избраніе старосты утверждается и духовной властью. Когда онъ умираетъ, его сына или, если нѣтъ наслѣдника, избраннаго старика ведутъ толпой къ духовному начальству, заявляютъ, что они избрали новаго старосту, и мѣстный духовный начальникъ благословляетъ и утверждаетъ его въ должности.

На Кавказѣ роль старосты оффиціально незначительна. Правительство смотритъ на него лишь какъ на представителя духовенства боша; въ 80-хъ годахъ была учреждена, въ качествѣ политическаго представителя, должность устабаша.

Русское правительство считаетъ боша частью армянскаго народа, ремесленниками - ситодѣлами, армяногригорьянами и духовно подчиненными армянскому духовенству. А какъ ремесленному цеху, имъ предложено избирать устабаша [1]), въ вѣдѣніи

[1]) Устабашами на Кавказѣ наз. начальники ремесленнаго цеха (татарское слово—глава мастеровъ).

котораго находятся мелкія судебныя дѣла; важные вопросы онъ обязанъ передавать коронному суду. Устабашъ собираетъ подати [1]) и занимается судебными дѣлами. Но никто не обращается къ нему, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно пріобрѣсти право продавать сито и т. п. Судъ и споры, какъ сказано, подвергаютъ рѣшенію старосты и стариковъ, а на устабаша смотрятъ, какъ на лишнее должностное лицо. Боша не любитъ устабаша, повинуется ему лишь по принужденію, считаетъ его самозваннымъ судьей, и устабашъ бываетъ часто принужденъ обращаться къ содѣйствію старосты для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій; такъ, дѣйствуя черезъ старосту, онъ и старается, чтобы правительственныя распоряженія исполнялись. Мнѣ часто приходилось наблюдать открытое выраженіе презрѣнія къ устабашу и даже ругань. Боша толпой шли по улицѣ и насмѣхались надъ устабашемъ, говоря, что онъ большой оселъ (леле) и если бы не староста, они бы ни одному слову его не повиновались; а когда я спрашивалъ о старостѣ, они сдѣлались серьезны и выражались о немъ съ большимъ уваженіемъ и почтеніемъ.

На Кавказѣ староста оффиціально признается только какъ духовное лицо, сборщикъ плодовъ и лицо компетентное лишь въ религіозныхъ дѣлахъ.

За эту должность онъ не получаетъ жалованья. Его считаютъ потомкомъ древняго княжескаго рода боша, но живетъ онъ какъ и другіе боша. Его жена съ другими бродитъ по деревнямъ, а самъ староста, какъ и др. боша, поселяется въ деревняхъ или идетъ за ивовыми прутьями и конскимъ волосомъ, дѣлаетъ съ другими вмѣстѣ сита, корзины и т. д. и во внѣшнемъ ничѣмъ не отличается отъ прочихъ боша.

Власть, вытекающая изъ семейныхъ отношеній, также сильна, какъ и власть стариковъ: сынъ слѣпо подчиняется отцу. Дома въ хозяйственныхъ, супружескихъ и прочихъ вопросахъ, хотя важно значеніе материнской власти, но женщина-боша такъ же слѣпо подчиняется мужу, отдаетъ ему весь свой заработокъ, безропотно терпитъ его бездѣлье и даже его дикіе побои. Это она считаетъ нормальнымъ. Но сохранились еще и кое-какіе слѣды матріархата. Интересно то, что боша часто называютъ

[1]) Каждое семейство боша уплачиваетъ въ годъ 10 р. подати.

себя и другихъ по имени не отца, а матери; напр., не говорятъ сынъ Пhаноса Тhоросъ, а для того, чтобы яснѣе сказать, говорятъ сынъ Вардоры Хачо или сынъ Симики Сегhбосъ [1]). Сынъ безусловно слушается больше матери, чѣмъ отца, больше оказываетъ ей вниманія и уважаетъ, хотя боится отца. Очень боятся они родительскаго проклятія, особенно материнскаго.

Но въ общественной жизни полуосѣдлыхъ боша женщина боша не имѣетъ голоса; она вмѣшивается лишь въ домашнія хозяйственныя дѣла. Несмотря на это, часто къ начальству, когда приходится посылать депутатовъ по какому-нибудь вопросу, боша посылаютъ своихъ женщинъ—и это понятно. Турецкое правительство избѣгаетъ строгихъ мѣръ по отношенію къ женщинамъ и спѣшитъ исполнить ихъ просьбу.

Эти обычаи господствуютъ какъ среди полуосѣдлыхъ боша, такъ и кочевниковъ. Но у кочевниковъ власть старосты, стариковъ и матери ярче обозначена. У нихъ бываютъ общія собранія, въ которыхъ участвуютъ съ правами голоса и женщины, гдѣ рѣшаютъ, какъ и куда отправиться бродить.

У боша нѣтъ земли, боша бездомный скиталецъ. Онъ живетъ, какъ птица, изо-дня въ день. Но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ презираетъ иной образъ жизни и не хочетъ утвердиться. Правда, настоящій кочевой боша сдѣлался даже нарицательнымъ именемъ. „Настоящій боша долженъ кочевать", говорятъ про него, но во многихъ мѣстахъ Арменіи полуосѣдлые боша давно обнаруживаютъ желаніе сдѣлаться хозяевыми земли и заняться земледѣліемъ. Это желаніе боша настолько сильно въ нихъ теперь, что теперь единственная мечта ихъ—имѣть землю.

„Земли, земли"—умоляютъ они и сколько прошеній уже отправлено куда слѣдуетъ. Но имъ всегда давали безплодные, каменистые негодные участки, и боша, еще не умѣлый, никогда не бравшій въ руки плуга, приходитъ въ отчаяніе; у него нѣтъ силъ извлечь своимъ трудомъ что-либо изъ безплодной каменистой почвы.

[1]) Имена собственныя у боша —мужскія.—Сегhбос, Торос, Гійор, Пhануэль; женскія: Шумои, Миро, Вардер, Србун, Антhор, Силик, Майари, Маринос. Въ послѣднее время боша, желая изъ экономическихъ соображеній сблизиться съ армянами, приглашаютъ ихъ быть крестными отцами; кромѣ того, часто арм. священники, изъ квасного патріотизма, стараются давать дѣтямъ армянскія имена.

И этотъ способный, бойкій, живой народъ, несмотря на свое желаніе, не имѣетъ ни земли, ни дома. Этотъ миролюбивый, примѣрно-спокойный и покорный народъ желаетъ вести осѣдлый образъ жизни, желаетъ взяться за плугъ, но ужъ сколько лѣтъ его мольбы безотвѣтны; онъ начинаетъ понимать, какъ въ сущности горекъ удѣлъ вѣчнаго скитальца особенно теперь; онъ хочетъ имѣть родину, имѣть землю, освободиться отъ презрительнаго, насмѣшливаго къ нему отношенія, получить политическія права, и некому помочь ему, никто не обращаетъ на него вниманія.

Напрасно думать, что „изъ боша не выйдетъ паша". Факты доказываютъ, что изъ нихъ вышли знаменитые артисты, публицисты и въ армянской жизни извѣстны изъ нихъ духовныя лица и ученые. Архимандритъ Аламдарянъ, проф. Паткановъ [1]), нѣсколько извѣстныхъ арм. писателей происходятъ отъ боша [2]). Въ Европѣ въ исторіи искусства имъ принадлежитъ почетное мѣсто: скрипачка Паннанъ (Анна), король скрипачей Бихари, знаменитый художникъ Антоніо Солари и др.—всѣ они родомъ боша.

Все это доказываетъ, что народъ боша здоровый, способный элементъ, и когда онъ сдѣлается осѣдлымъ, когда получитъ возможность поставить на твердыя основы свою матеріальную жизнь, когда сроднится съ культурой, тогда онъ сумѣетъ дать человѣчеству полезныхъ людей.

А при настоящихъ условіяхъ—не пройдетъ и 50 лѣтъ и не останется слѣда ни отъ ихъ самобытности, ни даже отъ ихъ языка. Его подавятъ условія жизни, которыя сильнѣе его. Онъ не сольется, нѣтъ; но онъ исчезнетъ, оставивъ за собой лишь слѣдъ въ исторіи, лишь этнографическій терминъ.

В. Папазьянъ.

---

[1]) Арх. Аламандарянъ—сынъ персидскаго боша Іосифа (см. въ арм. Лирѣ Міансаряна, его біографію), а проф. Патканьянъ сынъ родной дочери Аламдаряна.

[2]) Изъ этихъ писателей назовемъ беллетриста Ширванзаде, внука одного боша.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

А. Отрывокъ на языкѣ боша.

Съ пер. на рус. яз. и сопоставленіемъ съ соотвѣтствующими армян. этимолог. формами оконч., для иллюстр. заимств. граммат. формъ.

Raduinis	buhu	kam	kareci	meravis	giraveci,	buhu
			ari		šrǧeci	
Сегодня	много	дѣла	сдѣлалъ	я	бродилъ,	много

malav	mangeci	na	lecin,	ialvar	feca.	Luak	ǧahri
	muraci		tvin,		ieγa		
хлѣба	выпрашивалъ,	не	дали,	умолялъ	(сдѣлалъ).	Три	сита

viineci.	Babis	ǧec	kamavotelu.	Meravin	basta	darer	samel
chaγeci	hairs	gnac	gorchelu			uner	
продалъ.	Отецъ	мой пошелъ	работать.	Съ	собой	имѣлъ	хорошихъ

manusavtikh.	Manusavtikh	babavis	mui	naku	bercnein,
mardik	mardik	hors			čein χnai
людей.	Люди	для	отца	ничего	не пожалѣли бы;

mangein	ku	liein.	Babis	samel	manus	er.	Hevə	manusavi
murum ein			hairs			er		mardi
выпрашивали	и отдавали.		Отецъ мой	хорошій	человѣкъ	былъ.	Онъ	человѣческой

kam	na	ku	phaner.	Raduii	mə	birec	mulecav.
			čer asie	aravot	mi		merav.
вещи	не	сказалъ	бы.	Утро	одно	почилъ	умеръ.

Meravtonkhis	al	χula	na	darenkh.	Manusavis	učaroγe.
Amenkh	ali			čunenkh	mardus	pahoγe
Мы	ужъ	господина	не	имѣемъ.	Человѣка	хранящій

Levaln e.	Meravtonkhs	hevavin	enkh	čhrer.	Hevə	meravtoncəs
astvacn e	menkh	nran	enkh			
Богъ	Мы	ему		ввѣрялись.	Онъ	насъ

anχula	na	ku mele.
anter		
безхозяйными	не	оставитъ.

(Записано со словъ боша).

Другой, не приведенный въ транскрипціи и переводѣ на рус. яз., отрывокъ, представляетъ переводъ, сдѣланный при помощи одного боша, „Сказки о Золотой рыбкѣ" на яз. боша.

B. Словарь языка боша.

цыг.		рус.	цыг.		рус.	цыг.		рус.
a	—	а	th	—		χ	—	х
e	—	е	b	—	б	s	—	с
i	—	и	p	—	п	z	—	з
u	—	у	ph	—		ž	—	ж
o	—	о	c	—	ц	š	—	ш
ə	—	(ы)	j	—	дз	l	—	л
k	—	к	ch	—	тц	r	—	р
g	—	г	č	—	ч	ř	—	рр (раскатистое)
kh	—	придых.	ǧ	—	дж	n	—	н
t	—	т	čh	—	тж	h	—	г'
d	—	д	γ	—	(гк)	v	—	в
						f	—	ф [1])

A.

Ath—рука,
athavi·gair [2])—посохъ,
ath-gali [3])—приказъ, свидѣтельство,
athurba—невѣрный, турокъ,
aχvar—дурной, низкій, враждебный,
aχvar-mail—напитокъ, водка,
aχvarel [4])—ненавидѣть, презирать,
athanel [5])—пріобрѣтать,
anlez—рай,
ath mə—пять
ath mə ak mə [6])—шесть,
althel [7])—сѣдлать, ноша, вьючить,
aχrvel—разрушать, уничтожать,
ak—одинъ (евр. цыг. i͡ek),

---

[1]) Сокращ. въ словарѣ: евр. тоже слово въ яз. европ. цыганъ.
егип. " " " " египетск. "
перс. " " " " персидск. "
рус. " " " " русскихъ "

[2]) Составл. изъ цыг. слова ath (рука) и перс. сл. gir (держать).

[3]) Тотъ же составъ.

[4]) Оконч. el армянское.

[5]) Составл. изъ слова ath (рука) и армян. слова mnel (дѣлать).

[6]) Сост. изъ словъ ath (рука) и ak (одинъ), съ вставл. армян. частицы.

[7]) Надо имѣть въ виду, что глагольныя окончанія всегда армянскія.

aki—семь (евр. цыг. iak)
aklarav—одинъ, также ложь, обманъ,
akli—ложно, невѣрный,
akli karel [1])—обмануть,
ak čnišmə—кусокъ, немного.
aknik—яичница,
aki darel [2])—навѣдываться, обращать вниманіе, влюбляться,
aki khvel—обращать вниманіе, замѣтить, влюбиться,
anel—принести, повернуть (евр. ц. anav),
ane—принеси,
anlu—яйцо, (египц. anro),
ansev—яблоко,
antazič [3])—корзина,
anegavel—показаться,
ankhor—орѣхъ (египц. akhor, akor),
ranthel—печь, лѣпить (иногда—ranthel),
arav—мука (египц. anro, aro),
avel—приходить (евр. anav—привожу),
anlafeli—левъ,
ansnaniš—незнакомый, чужой,
aχlotach—развалина,
aχlotel—разрушить.

B.

Bab, babo—отецъ,
babavi phal—дядя (со стор. отца),
bakhotel—ломать, рушить,
bandel, banthel—вязать, запирать, (евр. ц. bandarav),
bantič—поле, узелъ,
bandri—птица, курица,
barbar—напротивъ,
barbarotlvel—противиться,
bar—дверь,
barah—внѣ, улица,
barah avel—выходить,
barah nglel—выйти,
barenal—проcить, умолять (евр. ц. bangérav—подчиняться),
barə thavel—притворить,
bariš—одежда,
blrach—невѣрный, измѣнникъ,

---

[1]) Слово karel сходно съ перс. kerden—означ. дѣлать.
[2]) Слово darel по-перс. daschten (имѣть); корень dar.
[3]) Отъ турецк. слова endeze, кот. означаетъ мѣра; ič—армян. окончаніе.

ƀlrcnel—проводить, также тушить огонь,
ƀukav—голодный, не ѣвшій,
ƀuhu—много (ег. ƀuhu),
ƀehel—бояться, удивляться (также—pihel).

G.

Galarav—земледѣлецъ (такъ же боша наз. армянъ),
gahen, kaien—время, разъ,
gar—домъ жилище (перс. gar, евр. kér),
gilav, givav—пѣсня, игра (евр. gilvi),
gilav ğrel—пѣть (евр. gilavav,)
gihu—пшеница, хлѣбный злакъ,
glravel—искать, бродить,
gusel, kusel-мести, чистить,
gusič, kusič—метла,
glχikarel—писать, линовать,
gavel—кружить,
gúhvi—холодъ,
garmacu—рисъ.

D.

Darel—имѣть (ег. térava),
darəndav—богатый, состоятельный,
ded, dado—мать (перс. daii),
dedavi-phal—дядя (со стор. матери),
dedavi-phalčhoki—тетка (со стор. матери),
dmbrav, dmrav—лира, скрипка, сазъ,
dugah, dugaiis—вблизи, берегъ,
duguhel, tukel,—коснуться (tukecav—присталъ),
doh ğvel—мыть, чистить.

ə.

əraduhin, əraduin, [1])—утромъ.

Th.

Thari—женщина, жена,
thavel—класть, покрывать, готовить хлѣбъ,
thenav—комната, погребъ, конюшня, посуда (mek thenav mə—вмѣстѣ),
thli—существуетъ, есть,
thulav—кислое молоко, (арм. machun),

---

[1]) Искаженное армянское слово.

thuli—снѣгъ, (земля thulin sisid—бранное выраж.—землю на твою голову, т.-е. да погребу я тебя),
thavar—работникъ, занимающійся, также врачъ.

I.

Innav, idnav—сынъ, парень,
irar bašta [1])—вмѣстѣ.

L.

Laχuz—мужъ, мужчина,
lank—носъ (егип. nak),
lačel—стыдиться, стѣсняться,
lasə—десять,
lasə pavnič—1000,
lavavel—жечь, сжигать,
lavavič—топливо, огонь, кизякъ, свѣтъ,
lakhel—охотиться, хватать,
lel—оставлять, говорить, давать, брать,
lele—оселъ (самецъ),
lelikh—долгъ, обязанность,
leh—деревня (перс. deh),
lehvavci—крестьянинъ,
les—жизнь,
leval—богъ (перс. deval),
lerel—хотѣть, требовать, брать,
lekhel—смотрѣть, видѣть (англ. look),
lekhelikh—зеркало,
lekhišavot [2])—красивый, красный,
lekvacnel—показать,
liel—передать другому свое право,
lom—боша, цыганъ (перс. dom, евр. rom),
lorel—находить, пріобрѣтать,
luth—молоко,
lui—два (егип. duo),
lui lasə—двадцать,
luiak lasə—тридцать.

χ.

χathel—ѣсть, вкушать,
χathelikh—кушанье, съѣдобное,

---

1) Irar—по арм. другъ друга, bašta—турецкое слово.
2) Боша считаетъ красный цвѣтъ самымъ красивымъ.

χalif—мясо, мясное,
χanel—приближаться, совокупляться,
χasavel—упрекать, позорить,
χasavuthen—стыдъ, позоръ,
χasel—смѣяться, радоваться,
χasavot—скромный стыдливый,
χari—оселъ, осленокъ (перс. χer),
χarvav—деньги,
χelmelav глупый, безумный,
χlav——умъ,
χolel—спускаться, спустить,
χula—господинъ,
χarvavtikh [1])—ослы,
χathok—мышь.

Ch.

Chamχəkarič—масса для жеванья изъ камеди (груз. kevi),
chasχəkarel [2])—покрыть, заботиться,

K.

Kam—охота, дѣло,
kam vahel—охотиться,
kamavotel—дѣлать, смотрѣть за дѣломъ,
kamə—дѣло занятіе,
kair, kahr—палка, бревно, дерево,
kašič, khašič—табакъ нюхат. или курит.
kačut, gačut—деревенскій, торговецъ (такъ наз. и армянъ),
katel—гдѣ (перс. katel),
katel—откуда,
karel—дѣлать, смотрѣть за работой (евр. kérav),
karχə—шитье, заплата,
karχə karič—нитка, пряжа,
kait—лѣсъ,
koli—грудь,
končhaχ—ложка,
kavrav—крестный отецъ,
keγtukh—сколько,
ke—что, зачѣмъ,
ke es snker—что узналъ, что новаго,
kesvar—какъ, какимъ образомъ,

---

[1]) Avtikh—оконч. множ. ч., напр. manus (человѣкъ) manusavtikh (люди) teravd (ты) teravtikh (вы) и т. д.

[2]) Оба испорченныя армян. слова.

kevavi—почему,
keti—сколько,
kič—вещица, маленькое,
kičak—ничего совсѣмъ; сатана,
klar—сыръ,
klmpav—сдобный хлѣбъ (gatha, khada по груз. и арм.),
kmruk—клятва,
kuilav—воръ (егип. čolava),
kong̃, gong̃—борода (перс. guč),
klavot [1])—полный, жирный, толстый,
kulel—протянуть къ чему н. руку,
kurel—бить,
ksič—мыло,
kaien—время, годъ,
kar, gar—домъ,
kusič—метла,
kuγav, kurgav—кипяченый виноградный сокъ, медъ (došab).
karavoes—мои сосѣди,
kalvach—халѣва.

H.

Havi—снова, обратно,
hem—далеко, позади,
hemənel—отозвать, вернуть,
hem gahen—другой разъ, потомъ,
hem e—довольно,
hem g̃e—ступай, удались,
hem melel—освободить, выпустить,
hem parel—остаться позади,
hem nene—удали, унеси,
hem lel—дать назадъ,
hevakd } столько, такъ,
hevakə }
hevak na e—неправда, нѣтъ,
hevavtikh—они,
hevə—онъ, этотъ, тотъ, самъ,
hi—да, правда,
honel—тамъ,
hosel—здѣсь,
hotel—тамъ,
hevak—сюда, въ эту сторону,
hakven—впередъ,
hevis—этотъ.

---

[1]) Ванскіе армяне говорятъ klav (полный, жирный).

Čh.

Čhahri—сито (перс. ğehre), неводъ,
čham—баратья кожа, шкура,
čhanli—штаны,
čhantrav, čhanrav—невѣста, невѣстка,
čhe, ğe—близъ, также—ступай,
čhiri—одежда, кровать, ковёръ,
čhiknav—бѣдный, нищій,
čhlav, čhilav—скоро, поспѣшно,
čhumel—цѣловать (евр. ğumav),
čhunak—малый, мало, дешево, малышъ,
čhunak aviχula—любящая дѣтей мать,
chunak bav—ягненокъ, козленокъ, коза,
čhrel—звать, пѣть, (евр. gilavav) также уповать,
čhoki, ğoki—сестра, дѣвушка,
čhavə—нива,
čhif—вошь.

M.

Ma—не, нѣтъ (евр. ma),
malav—хлѣбъ (перс. menav),
mail—питье, вино,
mangel—хотѣть, брать требовать, любить (егип. mangava, перс. mankisda),
manğə—въ,
manus—человѣкъ, также благородный, добрый,
mančav—рыба (егип. mačo),
manğvach—забеременѣвшая,
marahur—приданое, подарокъ,
markarel—убить, вредить, уничтожить,
meravis—мой, мнѣ, я,
meravtikhs—мы,
mulel—умирать (евр. mérav),
muh, muχalen—ротъ, изо рта,
mundah—улица, рынокъ,
moslaχ—быкъ, корова, животныя, скотъ.
mol—цѣна, стоимость,
molel—оцѣнить,
molavot—безцѣнный, дорогой,
manğvel—жить, пребывать въ,
manel—принести,
manχi karel—прясть,
maχtikar—грязный,
mus—мужъ (егип. murs),

mankvach ğokhi—обрученная,
mek thenav—вмѣстѣ, въ одной комнатѣ,
manğuhel—оставаться жить.
mui—для,

N.

Na—нѣтъ, никогда, не (евр. na),
na em—не есмь.
na thli—не есть,
na lekhe—не смотри,
nagav—крыша, дымовое отверстіе въ крышѣ,
nahlav—огонь, также roš (огонь),
naii—золото,
način—не уходить,
nasuvav, nasuhecav—боль, болѣзнь, заболѣлъ, также скрыться, пропасть, (евр. načava),
nusucach—потеря, пропавшій,
nethχəkarič—ружье, оружіе,
nenel—нести, взять, идти,
nol—соль, (евр. lon),
nolel—солить,
neklel—итти,
nzalel—обнажиться (nangalo евр. цыг.), снять,
nglel—встать, двинуться, проснуться,
nuχt—бумага, письмо,
nabarel—падать,
niχul nχul—кровь, рана,
nmor—тѣсто (евр. chomer).

Š.

Šihrivavtikh—корзины.

U.

Uthluel—проснуться, остаться, ждать,
učarel—прятать, заботиться, беречь,
urba—на, верхъ (евр. ubré),
ubra ave—взойди,
ubras—ко мнѣ, на меня,
urbasfecach e [1])—менструирующая,
uklèl—открыть, развязать, разрушить,
učel, učavel, čiel—пойти,
uklav—открыто.

---

[1]) Ubras (на меня) + fecach 5 (было).

V.

Vorov—pul [1])—буйволъ
vorovbul ǵunak—буйволенокъ,
vorov—большой, громадный (евр. ƀaro),
vorov ƀaƀ—дѣдъ,
vorov ded—бабушка,
vorovnal—расти, увеличиться,
vorovin—сельскій староста,
vorov-manus—старикъ,
vorov—sis—царь, vorovsisavi—царя,
valatu͡iin, valatuhinə,—утро, завтра, день, ночь,
vališ, valis—волосъ,
vahel, va͡iel—бить, охотиться, ударять,
va͡iič—пшеничная каша,
var—камень, скала; зубъ (евр. ƀar),
vesel—сидѣть, верхомъ сѣсть, перестать,
vgnel, v͡iinel—продать (перс. vyǵynys),
včarel, včalel—посылать.
va͡iel—играть.

Č [2]).

Čdar—четыре,
čdar lasə—сорокъ,
činel, čnel—рѣзать, заколоть (евр. ц. činav),
čniš—половина, кусокъ, часть,
čnišavi čniš—четверть $^1/_4$,
čuri—ножъ, мечъ, бритва,
čolel—лить, тратить, уничтожать,
čolvel—сбирать, соединяться,
čučel, ǵuǵel—бороться, драться.

P.

Pakrel—говорить,
pani—вода (евр. pani),
parel—падать, скатить,
pav, ƀav—нога, коза, баранъ (перс. paf),
pavavi thenav—обувь, лапоть,
pavavingle—встань,
pavkaš—лапоть, носокъ,

---

[1]) Vorov (большой) + ƀul или pul (задъ).

[2]) Всѣ č похожи на передне-небный санскритскій звукъ č; чтобы получить его, надо дольше и сильнѣе прижимать языкъ къ нёбу.

pavnel—казаться, считаться,
pavnič, pamniš—сто,
pehri—посуда,
pesel—войти,
per—животъ, утроба,
perə—сердце,
piel—пить,
perntvel—любить, влюбляться,
porkuiel—лить, наполнить; porkuivach—наполненный,
psu—беззаконный, невѣрный; такъ же наз. турокъ,
por или pol—полный,
pangri—курица,
piázav—лукъ,
polofel—молчать, polofecir—молчи,
pehiškh—табакъ.

Ǧ.

Ǧanel, zanel—знать (евр. ǧanav),
ǧari—непотребная женщина, также служанка,
ǧarivavnoc—домъ терпимости,
ǧav, čav—ячмень,
ǧal, ǧiel—идти (рус. ǧavav—идутъ, евр. ǧivav),
ǧuǧotvach—сердитый, угрожающій,
ǧuǧotvel—сердиться, ссориться, драться,
ǧuǧ—ссора, драка,
ǧuǧǧie—дерясь.

S.

Samel—хорошій, добрый, благородный, бѣлый,
samli karel—дѣлать, готовить,
santho—очагъ (домашній), хлѣбная печь,
savə—весь, цѣлый,
sohl—вѣсть, слово, разсказъ, сказка,
sohl lel—ругать,
sohl čhrel—пѣть, распѣвать,
sənkh mathaver—не слушай, не обращай вниманія,
sənkhel—слушать, понимать,
səvel—дремать спать,
svelu čheri—постель,
sis—голова,
sisχol—шапка,
sisorov—главный, князь,
snaniš—знакомый, пріятель,
snarkh—подушка,

sus, susavtikh—игла, иглы,
sudav—сонъ, дремота,
solav—собака,
sarsi—женщина, госпожа, кормилица,
sanχikarel—сѣять,
siuksiun—шея.

T.

Tel—масло (постное),
teravəd—ты, твой,
tlar—имя, голосъ, звукъ,
tresul—церковь, также священникъ (евр. trusul),
tmrav, dmrav—скрипка, сазъ,
třotel—рвать,
teravin, его.

R [1]).

Raduini—сегодня, утромъ,
r..ndel—печь хлѣбъ, готовить кушанье,
randič—пекарь, поваръ,
rakhič—постъ,
rov—боль, грусть,
rovel—плакать, болѣть, жалѣть, умолять,
roš -огонь, свѣтъ.

Ph.

Phal—братъ (егип. pral, pal),
phal čhoki, phalis—сестра,
phanel—говорить, поручить,
phanγri, phangi—курица, птица,
pharel—сѣсть верхомъ, сѣсть на,
phus—солома, трава (перс. gas).

Kh.

Khas—зелень, зеленый цвѣтъ, трава,
khadi—женщина (также sarsi)
khaγelel—жениться, выйти замужъ,
khelel—танцовать (егип. khélava),
kherav—городъ,
kheravi—горожанинъ,
khəl—масло, сало, (перс. thehl),
khori—лошадь,

---

[1]) Передъ r слегка звучитъ звукъ ə.

khvel—смотрѣть, бросать, отпускать,
khviš—пловъ (вареный рисъ),
khorvavtikh - табунъ лошадей.

O.

Ororsak—полдень, день,
or—такъ какъ.

F.

Fenal—быть, дѣлать,
fena—пусть будетъ,
fecav—было, случилось произошло.

C. Грамматическія замѣчанія о языкѣ боша.

Числительныя.

1—ak — (перс. i͡ak)	6—ath mə akm'	lui lasə—20
2—lui — („ doi)	7—ath mə lui	ath mə ak mə lasə—60
3—luiak—(„ tryn)	8—ath mə luiak	pavnič—100
4—čdar—(„ isthar)	9—ath mə čdar	lui pavnič — 200
5—ath mə („ pan'g)	10—lasə (перс. dah)	lasə pavnič — 1000

Мѣстоименія.

Meravis — я (перс. ma) (рус. me)	Meravtonkhs — мы (перс. ame)
Teravit — ты („ tu, toi) („ tu)	Teravtonkhs — вы (перс. dime)
Hevə — онъ (перс. hy, hu)	Hevavtonkhs—они (перс. hue, hye)

Склоненія [1].

	Ед.	Множ.
Им.	Manus—человѣкъ	Manusavtikh
Род.	Manusavi	Manusavtonc
Дат.	Manusavin	Manusavtoc
Отлож.	Manusaven	Manusavtocmen
Творит.	Manusavi mangə	Manusavtonc mangə.

Такъ же склоняется: pani (вода), и, вообще, слова, оканчивающіяся на i, напр. gari (домъ), phanyri (птица), ğari (служанка), thuli (земля) и т. д., а также нѣкоторыя другія слова, особенно односложныя, напр. яблоко—ansev, ansevi, ansevin, ansevov. Для образованія множ. числа приставляютъ частицу tikh или ikh, ansevtikh, ansevtonc, и т. д.

Спряженіе.

Вспомогательныхъ глаголовъ два; ихъ часто смѣшиваютъ: fenal (дѣлаться devenir) и thlel (быть).

Спряж. вспомог. глаг.
Fenal такъ спрягается:
Kə fenam, kə fenəs
kə fenaîi, kə fenaîir
feca, fecar, fecav
Thlel
Thlem, thles, thli
Thlec
kə thli.

Обыкновенные глаголы спрягаются совсѣмъ какъ армянскіе.

Učel (идти),
Kučem, kučes, kuce
kučei, kučeir, kučer
ğeci, ğecir, ğec (неправ.)
or ğem (чтобы пойти мнѣ), or ğes, oŕ ğe
ğes? (пойдешь?) ğem (пойду?) и т. д.
piti [2]) ğem (я долженъ идти) и т. д.

Окончаніе всюду чисто-армянское.

В. П.

---

1) Скл. армянское.
2) piti—армянское—я долженъ.

СМѢСЬ.

Насѣкомыя и черви въ народной жизни.

Изгнаніе блохъ. Весною, когда соловей пропоетъ въ первый разъ, вытрясаютъ рубашки, «чтобы блохъ не было»; послѣ ужъ ихъ не гоняютъ: «а то заѣдятъ»; въ другихъ мѣстностяхъ выбиваютъ рубахи при появленіи ласточекъ.

Появленіе комаровъ и мухъ. Комары и мухи вызываютъ радость у крестьянина при первоначальномъ появленіи. Мухи появляются въ большомъ количествѣ, по мнѣнію мужика, къ урожаю гречихи; а комары-толкуны возвѣщаютъ скорое появленіе весны, которой крестьянинъ всегда радъ, потому что весной приходится быть экономнымъ при раздачѣ корма скоту.

Но откуда появляются мошкара, мухи, комары, — всѣ эти твари безпокойныя?

Вотъ что объ этомъ разсказываетъ народъ. Михаилу Архангелу поручено было отъ Бога снесть мѣшокъ съ неизвѣстнымъ содержимымъ къ рѣчкѣ и потопить его тамъ; мѣшокъ же было приказано не раскрывать и отнюдь въ него не заглядывать.

А у Михаила Архангела разыгралось любопытство посмотрѣть, что тамъ, въ мѣшкѣ, спрятано, и онъ рѣшился заглянуть въ него, во что бы то ни стало.

Едва св. Михаилъ раскрылъ мѣшокъ, изъ него стремительно вылетѣли комары и мухи; стараясь изловить вылетѣвшихъ и засадить ихъ въ мѣшокъ, св. Михаилъ не только не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, но и выпустилъ остальныхъ на свѣтъ Божій, гдѣ комары да мухи расплодились на мученіе людямъ.

Къ комару мужикъ относится снисходительно и, кажется, мало имъ тяготится, откуривается махоркою во время ночлега въ лѣсу и въ полѣ. Часто мужикъ трунитъ и шутитъ надъ комаромъ; имя комара часто попадается въ пословицахъ, прибауткахъ и пѣсняхъ.

Комаръ, по народному мнѣнію, весельчакъ, музыкантъ и плясунъ, большой любитель свадебъ, на которыхъ онъ и является въ качествѣ музыканта наемнаго, съ какимъ-нибудь инструментомъ. Народъ часто разсуждаетъ такъ:

«Ахъ, какъ комары кусаются больно въ нынѣшнемъ году. Они злятся за то, что свадебъ мало. Мало ихъ въ нынѣшнемъ году, мало и будетъ».

Впрочемъ, комара мужичекъ [1]) считаетъ тварью неблагодарной.

Появленіе слѣпня. Половина мая. Краснѣютъ на елкѣ шишечки, а на калинѣ появляются бѣленькіе кружкомъ расположенные цвѣты. Приблизительно около этого времени появляется мучитель и тиранъ лошадей—нарядный слѣпень. Это время посѣва ячменя, только неранняго: «Сѣй ячмень на Симона-Зилота — ячмень будетъ какъ злото». Чаще говорятъ: «сѣй ячмень, какъ загудетъ слѣпень, какъ калина въ кругу, а на ели красныя шишечки».

Пчелы. Въ половинѣ мая пора роенія пчелъ; въ старину, говорятъ, пчелы роились раньше: «Никола (праздникъ 9 мая) безъ роя не садился обѣдать».

Зыкавки. Въ лужахъ и болотахъ преобразуются изъ личинокъ коромыслы, по народному, «зыкавки». Окрылившіяся зыкавки выбираются и вылетаютъ изъ своего водяного убѣжища огромными стаями, — по народному выраженію, «словно Двина двинутъ», — какъ саранча летятъ. Сначала появляютя зыкавки среднія и малыя, а потомъ уже къ началу іюня крупныя желтовато-коричневыя и изумруднаго цвѣта, синія.

Въ это же самое время замѣтно много такихъ крылатыхъ небольшихъ насѣкомыхъ, которыя становятся пищею зыкавокъ. По Днѣпру вечеромъ и даже ночью летятъ поденки; за поденками охотятся и зыкавки, и мѣщане. Послѣдніе на берегу разводятъ огни, на которые поденки жадно устремляются, обжигаются и падаютъ; ихъ сгребаютъ, сушатъ и продаютъ подъ именемъ метулицы въ разныя мѣста для пѣвчихъ птицъ.

Появленіе овода и «зыки́». Начало іюня — время вывода коровьяго овода. Для хозяевъ и для рабочихъ начинается самая страдная пора во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяева часто бываютъ недовольны рабочими, а рабочіе хозяевами. Оттого мѣсяцъ іюнь и іюль иногда называются «храпуно́мъ-мѣсяцемъ». По-бѣлорусски «храпѣть» означаетъ также дѣлать дерзости, выражать неудовольствіе, протестъ какимъ бы то ни было способомъ.

Правда, пастуху въ іюнѣ особенно трудно—пастухъ въ іюнѣ часто «храпи́тъ» и «бросаетъ хозяину пугу». Въ іюнѣ мѣсяцѣ всѣ облоги и поля, служившіе выгономъ, попаханы и поскорожены; все болѣе и болѣе суживается уруга или то мѣсто, гдѣ можно пасти скотъ. А скотъ становится все безпокойнѣе и безпокойнѣе. За шкурою коровъ давно положили свои личинки оводы; — въ іюнѣ пора имъ выходить наружу, выбираться на свѣтъ Божій. Тутъ-то начинаются нестерпимыя мученія рогатаго скота, который ощущаетъ большой зудъ и боль при высверливаніи оводами кожи. Поставивъ лукомъ хвостъ и испуская ревъ, коровы бѣгутъ куда зря, хоть на ножъ. Это время, трудно переживаемое коровами и страдное для пастуховъ, извѣстно подъ именемъ «зыко́въ». Иногда деревенскіе жители выражаются такъ: «дѣло было у самые

---

[1]) См. Звукоподражапія, В. Н. Добровольскаго.

«зыкй». Сколько брани, упрековъ, сколько слезъ и огорченія бываетъ въ это время! Со словомъ «зыкй» созвучно названіе «зыкавки». Эти кокетливыя и безпокойныя насѣкомыя во время «зыковъ» энергично проявляютъ свою дѣятельность; имъ пищи много — только хватай да лови. «Зыкавки» гоняются за оводами, мухами, бабочками, метулицей, пчелами; даже пчелиный волкъ—шершень становится ихъ добычей. Во время быстрыхъ и порывистыхъ движеній «зыкавки» издаютъ звукъ «зы! зы!»—Не отсюда ли ихъ названіе «зыкавки»?

Точно какъ зыкавки въ воздушномъ пространствѣ,—и коровы мечаются по полямъ и лугамъ во время «зыковъ», словно угорѣлыя.

Слово «зыкнуть»—бѣжать куда зря—примѣняется и къ людямъ и къ животнымъ.—Ишь, говорятъ, работа, а наша дѣвка куда-то «зыкнула».—«Кумъ, не жалкуйся [1]) и наша «зыкалка» куда-то брызнула.

Но бываетъ, что коровы не «зыкаютъ», не проявляютъ порывистыхъ и безпокойныхъ движеній, а овода дохнутъ подъ кожей, образуя возвышенія, бугорки, сглаживаемые рукою скотника или скотницы. Хотя трудъ пастуховъ сильно облегчается, этому обстоятельству хозяева не рады. Не «вызыкавшіяся» коровы ходятъ скучныя и понурыя, молока даютъ мало; нѣкоторыя заболѣваютъ и околѣваютъ; всѣ вообще очень плохо переносятъ зиму.

«Бѣда вся оттого», говорятъ огорченные хозяева, что коровы не «вызыкались».

А кто тутъ виноватъ?

Конечно, виноватъ пастухъ, который чародѣйствомъ своимъ, чтобъ самому покойнѣе было, не далъ стаду «вызыкаться».

Существуетъ повѣрье, что если стадо раза три осыпать могильнымъ пескомъ, «зыковъ» не будетъ; иные колдуны съ этою цѣлью обходятъ стадо съ лычкомъ, которымъ былъ связанъ гробъ покойника.

Есть скотники, исправные во всѣхъ отношеніяхъ: пасутъ они стадо хорошо; зимою они съ кормомъ экономны; но про нихъ упорно держится молва, что колдуны они и что стадо, ими пасомое, лѣтомъ не «зыкаетъ». Такихъ скотниковъ суевѣрные хозяева не нанимаютъ.

Про иного скотника его же товарищи говорятъ: «Вотъ вы хвалите барыня, Антона, а при вашемъ хорошемъ Антонѣ зыкались ли путемъ коровы? То-то! гуженые бываютъ постоянно лучше хваленыхъ».

Нѣтъ ничего обиднѣе, оскорбительнѣе для скотника вопроса (въ чемъ съ горечью убѣдились и мы, собирая, между прочимъ, и у пастуховъ этнографическія свѣдѣнія): «Не знаешь ли ты отъ зыковъ, нѣтъ ли отъ нихъ какого заговора»?

— «Да, Христосъ съ вами, баринъ! Въ чемъ грѣшенъ, а души своей черту не продавалъ и съ нечистымъ не знался. Это дѣло глупое, какъ и молоки у коровъ отымать».

Оводъ на свадьбахъ и народныхъ праздникахъ. Оводъ въ народѣ отнюдь не считается существомъ мрачнымъ. Онъ, какъ

[1]) Жалковаться—жаловаться.

и комаръ, любитель свадебъ, любитъ самъ повеселиться и другихъ позабавить своей музыкой. Петръ и Илья нанимаютъ оводовъ къ себѣ на праздники и свадьбы въ качествѣ музыкантовъ. (Праздники 29 іюня и 20 іюля).

«Казаў», т. е. приказывалъ, «Петрокъ Ільи, чтобъ оводы къ намъ на свадьбы были». Дѣйствительно, между Петровымъ и Ильинымъ днемъ время хотя и голодное, но на сердцѣ крестьянина становится веселѣе. Появился грибъ, который считается пищей и предпочитается ягодѣ. «Ягода—мана, орѣхъ—сатана, а грибъ—пища». — Петровымъ постомъ грибъ—большое подспорье въ домашнемъ обиходѣ.

За недѣлю до Ильина дня крестьянинъ сытъ уже новью, если не хватаетъ у него стараго хлѣба. Это время пробавляются молокомъ, бьютъ поросятъ, а барашковъ приберегаютъ къ осени; за столомъ у богачей появляется и медъ. Не «запоешь на голодный желудокъ; сытѣй въ животѣ—веселѣй на сердцѣ». Изрѣдка и свадебки справляются; по праздникамъ выпиваютъ и пляшутъ, поютъ больше скакухи и плясухи.

Ильинъ день хоть и грозный, но сытый праздникъ, и ему крестьянинъ очень радъ. Эта мысль высказывается довольно ярко въ слѣдующей пѣснѣ:

Я Ильюшечкѣ [1]) попляшу,
А Петрушечкѣ не хочу!
Ахъ и дай, Божа, два Ильюшки въ году,
А Петрушки хуть и ни водныга.

Въ это веселое время, когда народъ уже пожинаетъ плоды трудовъ своихъ и справляетъ свадьбы, весьма кстати появленье оводовъ—музыкантовъ на свадьбахъ и народныхъ праздникахъ.

Петръ отдаетъ приказъ Ильѣ объ оводахъ, ибо въ концѣ іюля, около Ильина дня, и даже позже немного появляются овечьи и лошадиные овода, чѣмъ сословіе оводовъ-музыкантовъ значительно увеличивается; оводамъ велятъ однако не мѣшкать:—«Придить Спасъ (праздникъ 6 августа) сыграютъ свадебку безъ васъ».

Оводъ въ медицинѣ. Коровій оводъ даже попалъ въ народную медицину. Ловятъ «зыкового» овода, т. е. овода, недавно вылѣзшаго изъ коровьей шкуры, и бросаютъ его въ бутыль съ водкой; такъ онъ и остается въ бутыли, покуда совсѣмъ размякнетъ.

Даютъ водку, настоянную оводомъ, самымъ отчаяннымъ пьяницамъ, которые пьютъ «горькую»; отъ этого будто бы пьяницы перестаютъ пить и чувствуютъ даже отвращеніе къ водкѣ.

Приходилось слышать такой разговоръ. «Какъ бы это разстараться

---

[1]) Въ Прыщевской волости, Рославльскаго уѣзда, пляска въ праздничные дни считается оказаніемъ чести того святого, память котораго празднуется. „Попляшу Богородицѣ!“ или „попляшу Ильѣ!“ говорятъ крестьяне передъ пляской.

Такое воззрѣніе на пляску несомнѣнно остатокъ языческаго культа. Въ с. Рогнѣдинѣ, Рославльскаго уѣзда пляшутъ и хороводы водятъ передъ идоломъ, котораго зовутъ „пастушкомъ“.

для NN зыкового оводка! Это, говорятъ, вѣрнѣйшее средство отъ запоя!»—«Да, поймать такого оводка трудно».

Лица, разсуждающія такимъ образомъ, не знаютъ того, какое множество этихъ оводковъ вылѣзаютъ въ іюнѣ мѣсяцѣ съ коровьихъ шкуръ; что скотники сбрасываютъ и отметаютъ «шапками» и горстями этихъ оводковъ съ коровьихъ спинъ и боковъ.

— «Да вотъ еще что. Для мущины надо достать оводка съ вола, а для женщины съ коровы».

Спасовская муха. Если Спасовымъ постомъ дѣятельность оводовъ и не даетъ себя знать слишкомъ ощутительно, не проявляется рѣзкимъ образомъ, зато въ это время появляется много злыхъ спасовскихъ, собачьихъ мухъ. Коротенькія, сѣренькія, снабженныя острымъ жальцемъ, эти мухи кусаются пребольно. Даже поговорка существуетъ:

— «Подскочилъ—точно укусила муха шальная». Народъ относится къ этой мухѣ снисходительно и вполнѣ оправдываетъ ея жестокую энергію.

— «Мухи зло кусаются».—«Да, зло. То онѣ на господъ работали, барщину отправляли; теперь свое работаютъ— отъ этого онѣ жестоко и дѣйствуютъ, никому не даютъ пардону».

Муха-горюха. А вотъ большая муха съ синимъ животомъ, совершенно безобидная муха получила прозвище «мухи-горюхи», за грустный, вполнѣ меланхолическій тонъ ея жужанья, которымъ она наполняетъ комнату, когда влетитъ въ нее и шныритъ по закоулкамъ.

Изгнаніе мухъ и другихъ насѣкомыхъ. Но всему пора, всему время. Наступаетъ моментъ, когда народъ посредствомъ обряда считаетъ нужнымъ разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ мухъ — и злыхъ и добрыхъ.

Въ Порѣчскомъ уѣздѣ обрядъ изгнанія мухъ совершается раньше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, послѣ жатвы. Богатому крестьянину, который не постоитъ по окончаніи жатвы угостить жней водочкой, изъ послѣдняго снопа снаряжаютъ куклу «Солоху», продѣваютъ сквозь него палку, которая изображаетъ руки, и надѣваютъ курту, а колосья повязываютъ платкомъ.

Наломавъ вѣтокъ изъ олешника, жнеи несутъ куклу въ домъ хозяина, при чемъ поютъ какія-нибудь пѣсни. Принесенная «Солоха» ставится сначала на столъ, а потомъ переносится на кутъ. Положивъ серпы къ сторонѣ, жнеи отыскиваютъ чипелу или сковородень, садятся на него верхомъ и скачутъ по избѣ, приговаривая: «чернушки вонъ, а бѣлушки въ хату!» Тогда принимаются изъ хаты принесенными ольховыми вѣтвями выгонять вонъ мухъ со словами: «Святый Семенъ, гони мухъ вонъ!»

Эти продѣлки жней напоминаютъ, что съ поля уже убрались, черныя мухи скоро исчезнутъ, а вмѣсто ихъ появятся «бѣлушки» (снѣгъ). Повыгнавъ мухъ изъ хаты, жнеи садятся за столъ, гдѣ хозяинъ угощаетъ ихъ водкой, а хозяйка блинами;—тѣмъ и заканчиваются обжинки.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ прогоняютъ мухъ перваго сентября, при этомъ поютъ пѣсни, бьютъ въ заслонку, а послѣ хоронятъ муху.

11*

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи устраивается обрядъ изгнанія мухъ, таракановъ, пруссовъ, клоповъ, блохъ и проч. послѣ уборки конопли.

Когда конопли выберутъ, выломятъ три чернобыли, растворятъ настежь избу и начинаютъ мести отъ печки.

«Пруссы, тараканы, клопы, блохи, мухи, убирайтесь всѣ вонъ: было ваше (право) перелѣтовать въ избѣ—теперь мы будемъ зимовать, а вы куда угодно».

Тогда чернобылью по хатѣ хлопъ, хлопъ. Изгнаніе таракановъ иногда производится торжественно, всей семьей.

Схватятъ таракана, перевяжутъ ниточкой посреди тѣла; за ниточку возьмется вся семья и тянетъ насѣкомое, словно невмовѣрную тяжесть. При этомъ стараются не смѣяться и хранить строгое молчаніе; если кто изъ исполнителей разсмѣется, относятъ таракана на прежнее мѣсто и снова принимаются тащить насѣкомое. Оставляютъ таракана гдѣ-нибудь на улицѣ.

Въ Болховскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, на зарѣ перевяжутъ таракана ниточкой и, не отвѣчая ни на чьи вопросы, съ важнымъ видомъ, везутъ его къ рѣкѣ.

Одинъ пожилой священникъ Смоленскаго уѣзда, чтобы избавиться отъ клоповъ, писалъ на клочкахъ бумаги «Симеонъ Ареопагитъ» и клочки эти приклеивалъ въ разныхъ углахъ своего дома.

Изгнаніе червей. Изгнаніе червей капустныхъ иногда походитъ на похороны.

Баба соберетъ червей съ капусты не болѣе горсти, несетъ ихъ въ рукѣ и зарываетъ въ ямочку, при чемъ причитываетъ надъ червями и даже воетъ, какъ надъ покойниками:

«Вы, червечечки, не ѣ́сьтя (т. е. не ѣшьте) бѣлу капусту—вы, червечечки, ваша смерть тутъ закапана, а бѣла капуста мнѣ... ггу! гуу!» (воетъ).

Избавляются также отъ червей посредствомъ четверговой золы, которою посыпаютъ капусту. Наканунѣ чистаго четверга каждая хозяйка считаетъ своею обязанностью положить въ волоковое (маленькое) окошечко въ своей хатѣ соль, мыло и золу. Это называется «класть на зарю». Предметы эти нужно снимать съ окна въ чистый четвергъ непремѣнно до восхода солнца, отчего они получаютъ чудодѣйственныя свойства. Четверговая зола имѣетъ свойство уничтожать червей, появившихся на капустѣ и другихъ огородныхъ растеніяхъ. Есть еще средство избавиться отъ капустнаго червя. Начинаютъ считать Іудиныхъ сыновей и отъ цифры 13 доходятъ до нуля, все сбавляя съ тринадцати по единицѣ,— и тогда говорятъ: «чтобъ и червей не оставалось, какъ у Іуды не осталось ни единаго сына».

Иногда огораживаютъ капусту, на которой появились черви, олешникомъ. Ольха, какъ и осина, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Іудѣ, имя котораго попадается въ заговорѣ противъ червей: на осинѣ Іуда удавился, а на ольху кровь пустилъ; оттого сокъ у ольхи такой красный.

В. Н. Добровольскій.

Русскіе буры.

Въ № 8 еженедѣльнаго «L'indépendance belge» за 1901 г. помѣщена корреспонденція изъ Россіи о русскихъ бурахъ въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. и пограничномъ съ нимъ Брестъ-Литовскомъ уѣздѣ Гродненской губ.

Невдалекѣ отъ деревни Забужье, съ одной стороны, и села Домачево, съ другой, разбросано около десятка небольшихъ бурскихъ фермъ, которыя существуютъ уже по крайней мѣрѣ въ теченіе 75 лѣтъ, съ населеніемъ въ настоящее время около 500 душъ. У мѣстнаго населенія эти буры извѣстны подъ именемъ «голландцевъ»—по мѣсту переселенія ихъ изъ Нидерландовъ.

Эти буры живутъ фермерами, носятъ шляпы съ широкими полями, исповѣдаютъ и признаютъ ту же самую библію, чтенію которой посвящаютъ свой досугъ; честны и трудолюбивы; съ русскимъ населеніемъ живутъ въ полномъ согласіи; проникнуты ненавистью къ англичанамъ; судьбою африканскихъ буровъ въ настоящее время всецѣло заняты.

Среди бѣдныхъ малорусскихъ деревень фермы буровъ свидѣтельствуютъ о матеріальномъ, сравнительно, благополучіи: дома у нихъ высокіе, съ каменными трубами и желѣзными приборами на дверяхъ и окнахъ; повозки съ желѣзными осями, лошади и домашній скотъ крупныя, сильныя и здоровыя; дворы съ огородами обнесены крѣпкими заборами; всякихъ овощей и домашней птицы, и притомъ весьма хорошей, въ большомъ изобиліи. Женщины занимаются молочнымъ хозяйствомъ, а мужчины земледѣліемъ. Даже зимою эти буры не остаются безъ дѣла, они отправляются на ближайшіе промыслы, на фабрики, лѣсопильные заводы и т. п.; возвращаясь же каждую субботу домой, приносятъ семьѣ весь свой недѣльный заработокъ. Они вовсе не склонны къ пьянству, а если и пьютъ, то только одно пиво, да и то въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Въ противоположность нѣмецкимъ колонистамъ Волынской губ., русскіе буры несмотря на болѣе высокій уровень своей образованности, не гнушаются жить въ полномъ согласіи съ сосѣднимъ крестьянскимъ населеніемъ и находясь съ нимъ въ близкомъ общеніи, всѣ прекрасно говорятъ по-русски. Въ теченіе трехъ четвертей вѣка жизни своей въ Россіи эти буры настолько обрусѣли, что родной языкъ служитъ имъ только для чтенія Библіи и молитвъ. Всѣ они умѣютъ читать и писать по-русски, и только прочно утвердившееся въ нихъ вѣроисповѣданіе отдѣляетъ ихъ отъ русскаго народа. Отличительной чертой жизни этихъ буровъ является отсутствіе въ ихъ средѣ евреевъ, которыхъ они не допускаютъ къ себѣ, тогда какъ, напротивъ, масса послѣднихъ живетъ по сосѣдству съ ними въ русскихъ деревняхъ и хуторахъ.

(По сообщенію **Н. Держ-ина**).

Мелкія этнографическія замѣтки.

I. Къ литературной исторіи легенды о Кирикѣ. Въ своихъ «замѣткахъ о Южной Руси» Кулишъ напечаталъ очень любопытную народную пѣсню о Кирикѣ, основанную на легендѣ о попѣ, къ которому приросла надѣтая имъ съ корыстными видами козлиная шкура. Слухи о подобномъ происшествіи волновали петербургское, а потомъ и все русское общество въ 1820-ыхъ годахъ и, вѣроятно, вызвали появленіе народной пѣсни. Очень подробно разсказываетъ о немъ Гиляровъ-Платоновъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ».

Въ 1826 году Полежаевъ напечаталъ свое стихотвореніе «Пѣснь Иманъ-козелъ», въ которомъ прикрылъ слегка русскую дѣйствительность восточно-магометанскимъ флеромъ. По отзыву современниковъ, стихотвореніе это «надѣлало шуму».

Упоминаетъ про слухи, распущенные въ уничиженію священства, о попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ того поводъ народу по ночамъ скопляться, и Шишковъ («записки, мнѣнія и переписка» Шишкова, II, 265—266)—съ такимъ примѣчаніемъ: «распущены были слухи, будто бы какой-то попъ, для сдѣланія нѣкоего неистовства, нарядился въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семъ видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпая сказка сія такъ распространилась, что дня три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника, и что всего страннѣе, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была.

Желательно было бы вообще прослѣдить подробнѣе интересную исторію этой любопытной легенды.

II. Старинныя записи народныхъ пѣсенъ. Въ знаменитомъ „Письмовникѣ“ Курганова есть нѣсколько очень хорошихъ записей народныхъ пѣсенъ. При его широкой популярности, ему несомнѣнно принадлежитъ видное мѣсто въ любопытнѣйшемъ процессѣ сближенія образованныхъ классовъ съ міромъ народной поэзіи—процессѣ, захватившемъ конецъ XVIII и начало XIX в.в.

Мы цитируемъ дальше по 10 изданію 1831 г. (Москва)—въ отдѣлѣ: «Сборъ разныхъ стихотворствъ».

1) Восколебалося море (смерть мухи)—стр. 55—57.
2) Стукнуло, грянуло во лѣсѣ (смерть комара)—стр. 67—68.
3) Изъ славнаго города изъ Пскова (о гр. Б. П. Шереметевѣ)—стр. 71—73.
4) Ахъ, далече, далече въ чистомъ полѣ (смерть казака)—стр. 73—74.
5) Что пониже было города Саратова—стр. 81—82.
6) Ни отъ тучи, ни отъ грома—стр. 82—83.
7) Ты безчастный добрый молодецъ—стр. 83.
8) Не бушуйте вы, вѣтры буйные—стр. 83—84.
9) Вы, молоды ребята, послушайте (взятіе Казани)—стр. 111.

Нѣкоторыя пѣсни, конечно, немного подправлены, но на большей части ихъ лежитъ несомнѣнная печать народности.

III. Народныя пѣсни въ «Карманномъ пѣсенникѣ» Дмитріева. Въ 1796 г. И. И. Дмитріевъ издалъ въ Москвѣ «Карманный пѣсенникъ», или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ» (г. I—III, въ одномъ томикѣ).

Характерны самыя названія отдѣловъ: пѣсни нѣжныя; *пѣсни подражаемыя простонароднымъ*; пѣсни веселыя, сатирическія, застольныя, военныя, *во вкусѣ простонародныхъ*, *темничныя*, *воинскія*, *святошныя*, *свадебныя*, *хороводныя* и *былевыя*. Особенно интересенъ послѣдній отдѣлъ, въ который вошли: 1) При зачинѣ каменной Москвы, 2) По желтымъ пескамъ сыпучимъ, 3) Изъ Кремля крѣпка города, 4) Ужъ какъ палъ туманъ, 5) Вечоръ то мнѣ, матушка, малымъ-мало спалося, 6) Сказать ли вамъ, братцы, про диковинку, 7) Ахъ, по морю, морю синему. Давно бы пора собрать и тщательно обслѣдовать всѣ подобные факты, доказывающіе, какъ рано началъ проявляться у насъ интересъ къ народной поэзіи.—Характерный и многознаменательный симптомъ надвигавшагося романтизма. Народная поэзія медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ все болѣе и болѣе отвоевывала себѣ мѣсто и въ жизни, и въ литературѣ.

В. В. Каллашъ.

Значеніе цвѣтовъ по древней грузинской повѣсти.

На стр. 11-й «Висраміани», груз. повѣсти XI—XII в., восходящей къ персидскому оригиналу (произведенію Гургани), имѣемъ слѣд. объясненіе значенія цвѣтовъ:

«Когда я предлагаю [1]) платье желтаго цвѣта, она отвѣчаетъ: такое платье подобаетъ больнымъ (психически); если предложу красное — это для женщины легкаго поведенія; синее—подобаетъ при траурѣ; бѣлое—говоритъ—платье для стариковъ и двухцвѣтное (пестрое) — для книжниковъ».

А. Хахановъ.

---

1) Пишетъ воспитательница Виси къ матери послѣдней.

Критика и библіографія.

Труды якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдѣлъ II. Томъ III. Часть 2-я. Выпускъ 2-ой. *Грамматика якутскаго языка С. В. Ястремскаго.* Иркутскъ 1900.

Труды по языковѣдѣнію до сихъ поръ не часто появляются даже въ нашихъ университетскихъ городахъ; эта наука въ Россіи еще далеко не завоевала себѣ того почетнаго положенія, которое она занимаетъ въ западной Европѣ. Каѳедры сравнительнаго языковѣдѣнія въ нашихъ университетахъ подготовляютъ лишь немногихъ спеціалистовъ; но въ образованномъ обществѣ научные пріемы изслѣдованія языка, умѣнье владѣть сравнительнымъ методомъ встрѣчаются крайне рѣдко. Тѣмъ пріятнѣе отмѣтить на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» появленіе въ Иркутскѣ якутской грамматики г. Ястремскаго, положившаго на изученіе этого языка на мѣстѣ нѣсколько лѣтъ и внесшаго вполнѣ научные пріемы въ изслѣдованіе его фонетическаго и морфологическаго строя. Авторъ прожилъ около десяти лѣтъ въ Якутской области, основательно изучилъ якутскій языкъ, пользуясь помощью интеллигентныхъ туземцевъ и положивъ въ основу его изученія капитальную для своего времени грамматику этого языка, составленную академикомъ Бетлингкомъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ. По словамъ г. Ястремскаго, его грамматическій трудъ въ первоначальномъ видѣ былъ посланъ имъ на разсмотрѣніе составителю якутскаго словаря г. Пекарскому, и этотъ глубокій знатокъ якутскаго языка, владѣющій имъ въ совершенствѣ, разсмотрѣвъ наброски, прислалъ автору примѣчанія на ряды отдѣльныхъ параграфовъ, сообщивъ въ этихъ примѣчаніяхъ множество цѣнныхъ указаній. Кромѣ труда Бетлингка, проложившаго новые пути для грамматической разработки тюркскихъ языковъ, авторъ изучилъ труды другихъ спеціалистовъ въ этой области—Винклера, Кастрена, Радлова, Фицмайера и друг. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, какъ добросовѣстно онъ отнесся къ своей задачѣ—составленію научной грамматики якутскаго языка. Находясь долго среди якутовъ и прислушиваясь къ ихъ рѣчи, авторъ былъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ акад. Бетлингкъ, который живую якутскую рѣчь слышалъ лишь изъ устъ одного Уваровскаго (уроженца Жиганска). Это обстоятельство дало автору возможность убѣдиться въ нѣкоторыхъ недостаткахъ грамматики Бетлингка, особенно въ отдѣлѣ падежныхъ суффиксовъ, который поэтому былъ подвергнутъ

коренной переработкѣ [1]). Самостоятельныя изслѣдованія г. Ястремскаго въ этой области побудили его не только признать въ якутскомъ языкѣ слѣды былого существованія родительнаго падежа, но даже установить въ языкѣ теперь живущихъ якутовъ наличность какъ этой формы, такъ и обще-тюркскаго суффикса мѣстнаго падежа *та*. Книга г. Ястремскаго состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: I. Фонетики (стр. 1--36), II. Морфологіи (стр. 39—144), въ которой особенно отчетливо разработано ученіе объ имени и глаголѣ и III. Синтаксиса (стр. 144—246) со множествомъ цѣнныхъ наблюденій въ области употребленія падежей и глагольныхъ формъ. Во всѣхъ отдѣлахъ для объясненія явленій якутскаго языка авторъ не рѣдко удачно привлекаетъ другіе тюркскіе языки, такъ, что его работа представляетъ цѣнный вкладъ въ сравнительную грамматику тюркскихъ языковъ вообще. Сравнительнымъ методомъ авторъ пользуется умѣло и осмотрительно, обнаруживая замѣчательное для автодидакта пониманіе научныхъ пріемовъ, и мы не сомнѣваемся, что спеціалисты въ изученіи области тюркскихъ языковъ и въ Россіи, и въ западной Европѣ найдутъ много новаго и цѣннаго въ его добросовѣстной работѣ. Интересъ книги г. Ястремскаго возвышается еще приложенными къ ней образцами якутской народной словесности. Изъ личныхъ своихъ записей и изъ матеріаловъ, записанныхъ нѣкоторыми интеллигентными якутами, г. Ястремскій помѣстилъ наиболѣе интересные образцы загадокъ (89 №№) и богатырскихъ сказаній (олонхо), дающихъ яркое понятіе о характерѣ якутскаго народнаго творчества. Любопытна также «формула присяги временъ язычества», которую клянущійся произносилъ передъ пылающимъ огнемъ, сидя на головѣ жеребца или медвѣдя. Въ формулѣ упоминаются кромѣ Бѣлаго Бога, Джесегея, духъ земли и духъ темнаго лѣса. Переводы автора весьма близки и хорошо передаютъ своеобразный складъ якутской эпической рѣчи.

Вс. М.

Victor Chauvin: Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux Arabes, publiés dans l'Europe chretienne de 1810 à 1885. Liége, I—IV, 1892, 1897, 1898, 1900 (En commission chez Otto Harrassowitz à Leipzig, Querstrasse 14).

Порядочной арабской библіографіи до сихъ поръ нѣтъ, и потому трудъ Шовена, подвигающійся впрочемъ очень медленно, принесетъ арабистамъ огромную пользу. Но онъ полезенъ далеко не однимъ арабистамъ, а вообще всѣмъ этнографамъ-фольклористамъ. Первый томъ содержитъ въ себѣ указатель арабскихъ пословицъ, печатавшихся въ оригиналѣ или въ переводѣ, гдѣ бы то ни было: въ отдѣльныхъ книгахъ, въ хрестоматіяхъ, въ журналахъ. Второй томъ содержитъ обильную литературу сборника «Калилы и Димны» (=«Стефанитъ и Ихнилатъ»—

---

[1]) Падежнымъ суффиксамъ въ якутскомъ языкѣ г. Ястремскій посвятилъ отдѣльный этюдъ въ „Трудахъ Якутской экспедиціи" Отд. II Томъ III, Часть 2-я. Выпускъ 1-й. Иркутскъ. 1898 г.

по славянскому переводу); но это не просто сухой библіографическій перечень,—напротивъ, Шовенъ, отмѣчая какую-нибудь статью, вкратцѣ излагаетъ ея содержаніе, указываетъ параллели къ каждой странствующей притчевой темѣ и т. д., такъ что его «Bibliographie» есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія литературы. Такимъ же образомъ въ III томѣ произведенъ обзоръ литературы Повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ, басенъ Локмана и богатырскихъ арабскихъ повѣстей про Антара. Едва ли не самый интересный изъ вышедшихъ томовъ—это послѣдній, четвертый: Литература *«1001 ночи»*. Введеніе (стр. 1—11) полно любопытныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ арабовъ на 1001 ночь, о вліяніи этого сказочнаго сборника на весь міръ и т. п. Стр. 12—24 перечисляетъ всевозможныя изданія текста 1001 ночи (при этомъ Шовенъ, совершенно забывши о заглавіи своего труда, не ограничивается Европой и аккуратно перечисляетъ всякія восточныя изданія). Далѣе (стр. 25—121) идетъ обзоръ переводовъ 1001 ночи, съ цѣнными замѣчаніями о каждомъ изъ переводовъ, съ подробнымъ оглавленіемъ этихъ переводовъ, съ приведеніемъ фольклористическихъ параллелей къ разнымъ сказочнымъ темамъ. Вторая половина IV тома посвящена обзору рукописей 1001 ночи (а вѣдь еще трудъ Зотенберга показалъ, къ какимъ важнымъ историко-литературнымъ заключеніямъ можетъ привести классификація и изслѣдованіе рукописей 1001 ночи) и обзору всякихъ другихъ сборниковъ, аналогичныхъ по содержанію съ ней; въ числѣ ихъ особенно важенъ «1001 день», литературную исторію котораго Шовенъ теперь устанавливаетъ достаточно исчерпывающимъ образомъ.

Конечно, какъ это всегда бываетъ въ библіографическихъ трудахъ, у Шовена тоже попадаются нѣкоторые пропуски; и, напримѣръ, въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ѳ. Миллера, въ статьѣ «Библіографія 1001 ночи» (вышедшей на нѣсколько мѣсяцевъ раньше IV тома Шовена) есть такія указанія, какихъ у Шовена нѣтъ, особенно въ отдѣлѣ сочиненій, писанныхъ на языкахъ славянскихъ. Но понятно, что пропускъ того или другого библіографическаго указанія ни на одну іоту не можетъ умалить высокаго значенія ничѣмъ незамѣнимой книги Шовена, на которую мы обращаемъ вниманіе всѣхъ, интересующихся фольклоромъ.

А. Крымскій.

Tausend und eine Nacht, aus dem arabischen übertragen von **Max Henning**. Band I—XXIV. Лейпцигъ 1901. Изданіе «Universal-Bibliothek» Ф. Реклама.

Переводъ Макса Хеннинга, сверхъ своей дешевизны, отличается еще и своей полнотою: онъ значительно полнѣе, чѣмъ общеизвѣстный нѣмецкій переводъ Вейля, хотя все-таки не чуждъ пропусковъ, сдѣланныхъ изъ боязни быть скабрезнымъ. Сличивши нѣсколько страницъ изъ разныхъ томиковъ перевода Хеннинга съ арабскимъ оригиналомъ, я въ нихъ могъ отмѣтить чрезвычайную близость нѣмецкаго перевода къ подлиннику. Къ послѣднему томику (XXIV) приложена литературная исторія

1001 ночи. Составлена она удачно и со знаніемъ предмета, но въ ней замѣтно стремленіе возвысить преимущественно нѣмецкіе ученые труды, и поэтому такая важная книга, какъ датская диссертація Tusind og en nat проф. Эструпа умышленно игнорируется Хеннингомъ и даже не упоминается, какъ будто ея и не было.

А. Кр.

А. Максимовъ. *Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ современнаго положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. М. 1901.*

Исторія семьи и брака принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, которыя уже давно останавливали на себѣ преимущественное вниманіе соціологовъ и этнографовъ. Но современное положеніе этой уже сравнительно давно зародившейся дисциплины крайне неутѣшительно: множество теорій и блестящихъ гипотезъ было выставлено по каждому изъ основныхъ фактовъ, наблюдавшихся изслѣдователями въ исторіи семьи; груды матеріаловъ, собранныхъ во всѣхъ частяхъ земного шара, были привлечены къ освѣщенію различныхъ спорныхъ пунктовъ,—но и до сихъ поръ еще не установлены главные моменты въ эволюціи формъ семьи и брака, не разрѣшены такіе крупные вопросы, какъ, напр., вопросъ о причинахъ экзогаміи, о пріоритетѣ отцовскаго или материнскаго права, о связи между той или другой формой родовой организаціи и формами семьи и т. д. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ растетъ литература этихъ вопросовъ, и человѣкъ мало подготовленный, пожелавшій ознакомиться съ вопросами о первобытныхъ формахъ семьи и брака, лишь съ большимъ трудомъ могъ бы оріентироваться въ рядѣ другъ друга опровергающихъ и исключающихъ теорій и взглядовъ.—Поэтому нельзя не привѣтствовать появленіе такихъ книжекъ, авторы которыхъ, подобно г. Максимову, задаются цѣлью въ популярной формѣ «дать читателю возможность хоть нѣсколько разобраться въ массѣ взаимно противорѣчащихъ теорій и мнѣній» и главная задача которыхъ «точная по возможности сводка старыхъ мнѣній и посильная ихъ оцѣнка».—Книжка г. Максимова состоитъ изъ введенія и 5 главъ. Во введеніи онъ знакомитъ читателя съ патріархальной и матріархальной теоріей семьи, останавливаясь преимущественно на представителяхъ послѣдней (Бахофенъ, Макъ-Леннанъ, Морганъ). Въ первой главѣ разсматриваетъ вопросъ о безпорядочномъ смѣшеніи половъ и его переживаніи: излагаетъ теорію коммунальнаго брака (Леббокъ, Каутскій), промискуитета и многочисленныя «переживанія» этого явленія. Въ слѣдующей главѣ авторъ переходитъ къ системамъ родства и групповому браку, критически излагаетъ теорію Моргана съ его двумя типами родственнаго счисленія и соотвѣтствующими имъ формами семьи, касается примѣненія, какое получали пріемы Моргана въ русской этнографической литературѣ, и, въ заключеніе, останавливается на объясненіи системъ родственнаго счисленія Каутскаго, Тэйлора и, особенно, Кунова. Слѣдующая глава посвящена вопросамъ о поліандріи, левиратѣ и полигиніи. Въ 4-ой главѣ читатель

находитъ подробное изложеніе проблемъ, выдвигаемыхъ теорій материнскаго права, аргументацію защитниковъ патріархальной теоріи (Куновъ, Вестермаркъ, Старке), характеристику взглядовъ Тэйлора, Липперта и др. Крупное въ исторіи семьи явленіе экзогаміи излагается въ слѣдующей главѣ; авторъ даетъ подробную критическую оцѣнку взглядовъ Моргана, Мэна, Вестермарка, Макъ-Леннана, Леббока, особенно Липперта, къ которому склоненъ примкнуть самъ, далѣе Спенсера, М. Ковалевскаго, Старке, Тэйлора и Поста, наконецъ, Петри и Дюркгейма, защитниковъ связи экзогаміи съ тотемизмомъ.—Въ послѣдней главѣ разсматриваются различныя формы заключенія брака,—захватъ, уводъ, символическое похищеніе, бракъ покупной, бракъ за отработку и бракъ обмѣномъ.—Написанъ «Очеркъ» хорошимъ языкомъ и читается легко. Будемъ надѣяться, что работа г. Максимова, составляющая очень полезный вкладъ въ нашу небогатую этнографическую литературу, привлечетъ вниманіе всѣхъ, кто интересуется вопросами общей этнографіи.

Б. М.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Ингуши. *Антропологическій очеркъ. Тифлисъ 1901 г.*

Брошюра д-ра Пантюхова (отд. отт. изъ Изв. Кавк. отд. геогр. общ.) не лишена нѣкотораго интереса, несмотря на свои небольшіе размѣры. Антропологія народностей Кавказа находится еще въ такомъ зачаточномъ состояніи, что приходится съ благодарностью принимать всякій фактическій матеріалъ, хотя бы и не особенно богатый. Авторомъ было обслѣдовано всего 80 лицъ мужескаго пола и въ томъ числѣ 24 дѣтей, а остальные взрослые; количество измѣреній, дѣланныхъ на каждомъ субъектѣ, тоже очень не велико; д-ръ Пантюховъ обослѣдовалъ 40 человѣкъ: ростъ, окружность груди, горизонтальную окружность головы, наибольшіе продольный и поперечный діаметръ головы, длину лица отъ корня волосъ до подбородка и отъ корня носа до подбородка, ширину лица (2 измѣренія), глаза (2 измѣренія), носъ (5 измѣреній), длину и ширину ноздрей, цвѣтъ волосъ на головѣ и лицѣ, цвѣтъ глазъ, волосатость тѣла и головной указатель. Даже эта сравнительно болѣе подробная программа изслѣдованія страдаетъ очень серьезными недочетами и прежде всего полнымъ отсутствіемъ измѣренія туловища и верхнихъ и нижнихъ конечностей, да и проведена она далеко непослѣдовательно: только относительно 3 субъектовъ приведены всѣ данныя, а у всѣхъ остальныхъ осталось незаполненнымъ большее или меньшее количество графъ въ таблицахъ. Другіе 40 изслѣдованы по еще болѣе краткой программѣ, охватывающей только ростъ, горизонт. окружность головы, продольный и поперечный діаметры головы, цвѣтъ волосъ на головѣ и на лицѣ, цвѣтъ глазъ, форму носа, волосатость и головной указатель. Разработанъ матерьялъ тоже не совсѣмъ удачно и между прочимъ автору надо поставить въ вину то, что онъ очень мало обращается къ сравненіямъ ингушей съ другими народами. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ является совершенно необоснованнымъ и главный выводъ г-на Пантюхова о происхожденіи

ингушей отъ татовъ и халдеевъ (айсоровъ), построенный лишь на основаніи значительной волосатости всѣхъ этихъ народовъ. Правда, косвенное подтвержденіе этого вывода авторъ видитъ и въ сравненіи формы головы, но тутъ уже онъ разсуждаетъ совсѣмъ курьезно. Дѣло въ томъ, что айсоры рѣзкіе брахицефалы и среди нихъ много лицъ съ индексами выше 90, а таты, наоборотъ, близки къ долихоцефаліи и среди нихъ много и чистыхъ долихоцефаловъ. Такъ какъ у ингушей, головной индексъ которыхъ 82, 26 и одинаково далекъ и отъ татскаго и айсорскаго, сравнительно часто встрѣчаются и крайніе брахицефалы и крайніе долихоцефалы, то авторъ и видитъ въ этомъ подтвержденіе своего взгляда на ингушей, какъ на потомковъ и татовъ, и айсоровъ, оставляя безъ разрѣшенія вопросъ о томъ, какъ можно сразу происходить отъ двухъ различныхъ народовъ. При всемъ томъ за работой д-ра Пантюхова нельзя отрицать значенія: все же она даетъ нѣкоторый фактическій матеріалъ, который могъ бы быть собранъ гораздо полнѣе и лучше обработанъ, но и въ теперешнемъ видѣ будетъ небезполезенъ.—Спеціально антропологическому очерку предпослано въ видѣ введенія краткое описаніе занимаемой ингушами страны и общихъ условій ихъ жизни.

А. Максимовъ.

Михайловъ, Ѳ. А., кап. (состав.). **Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь.** *Этнографическій очеркъ. Подъ редакціей начальника Закаспійской области генералъ-лейтенанта А. А. Боголюбова. Асхабадъ 1900.*

У насъ не особенно рѣдки описанія отдѣльныхъ областей и губерній, составленныя по иниціативѣ и подъ наблюденіемъ лицъ, стоящихъ во главѣ мѣстной администраціи, и носящія оффиціальный характеръ. Есть среди этихъ описаній удачныя, есть и совсѣмъ слабыя, и вотъ къ числу послѣднихъ и принадлежитъ названная нами книжка. Для народа она не годится по своему изложенію, да и не предназначалась для него, а болѣе серьезному читателю она покажется слишкомъ поверхностной. Заглавіе ея, собственно говоря, не совсѣмъ точно, и вся книжка почти цѣликомъ отведена туркменамъ, описаніе которыхъ занимаетъ 59 страницъ, тогда какъ киргизамъ отведено только 8 страницъ. Чѣмъ обусловлена такая непропорціональность, трудно понять; правда, въ общемъ литература о киргизахъ гораздо богаче литературы о туркменахъ, но это соображеніе могло бы имѣть какое-либо значеніе только въ сочиненіи, предназначенномъ для спеціалистовъ, уже знакомыхъ съ литературой предмета, хотя бы въ общихъ чертахъ. Спеціалистамъ, однако, книжка г-на Михайлова вообще ничего не дастъ, а изъ простыхъ читателей, заинтересовавшихся ей, добрая половина, можетъ быть, раньше совсѣмъ ничего не читала о киргизахъ. Во всякомъ случаѣ, въ книгахъ, назначенныхъ для широкой публики, нѣтъ основаній сосредоточивать свое вниманіе преимущественно на сравнительно мало обслѣдованныхъ сторонахъ вопроса.

А. Максимовъ.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Губ. Вѣдомости (ежедн.) 1901. 84. Убійство на религіозной почвѣ. Свѣдѣнія изъ „древне еврейской“ газеты „Гамелицъ“ № 31 о дѣлѣ Шнайдера и Вигдерчука (евреевъ) въ одесс. окруж. судѣ. (изъ „Бесс. губ. Вѣд.“).—**110.** *Х-въ, А.*, О суевѣріяхъ и обычаяхъ крестьянъ Архавг. губ. 50 лѣтъ тому назадъ. По воспоминаніямъ, разсказано нѣсколько фактовъ. Гаданіе на новый годъ подъ парусомъ на гумнѣ, прирученіе купленной собаки настоемъ травы „одолепа“ и нѣк. друг.

Астраханскій Листокъ. 1900. 49. Иранскій мудрецъ, по статьѣ *Булгакова* въ „Нов. Врем.“, составленной на основаніи книги Вилліама Джексона о Заратуштрѣ.

Вятская газета. 1901. 14—15. Добрые люди старой Руси (при Алексѣѣ Михайловичѣ—Өед. Мих. Ртищевъ).—Отзывъ на книгу О. Н. *Хмылевой*, Правда объ Уссурійскомъ краѣ и его обитателяхъ. М. 1899. стр. 118. ц. 25 (изд. Панафидина).—*А. П.*, Новоселы въ Сибири—**16.** Отзывъ *Карпа Селянинова* на книгу С. *Рыбакова*, У англичанъ въ городѣ и деревнѣ. ц. 20 к. 1900 г.—Жизнь на Уралѣ: свѣдѣнія объ уральской казачьей общинѣ по статьѣ г. Потанина (въ „Журн. для всѣхъ“).—Колковская волость (знахарство и суевѣрія): передача знахарства по наслѣдству; держится суевѣріе, что необходимо запачкать тѣло парня „іорданскою грязью“, чтобы тотъ полюбилъ дѣвушку.—**19.** Изъ жизни деревни: письмо молодого о суевѣріяхъ и критическое отношеніе за это къ старому поколѣнію.

Днѣпровская Молва. 1900 14. Библіографія. Качоровскій. Русская община. (Опытъ цыфроваго и фактическаго изслѣдованія). Т. I. Общее введеніе; что такое община? Спб. 1900.

Душеполезное Чтеніе 1899, декабрь; 1900, январь—мартъ. *Архимандритъ Ефремъ.* Поѣздка въ Абиссинію (путевыя замѣтки, очень разнохарактерныя).

Енисейскія губ. Вѣд. 1900. 28. *И. К.* Отчего крестьянинъ-сибирякъ мало поетъ? (Къ матеріаламъ этнографіи сибирской *народности(?)*).—Смѣсь. (Сообщеніе Сюлливана объ южно-африканскихъ пигмеяхъ).

Живописная Россія, иллюстрированный еженедѣльный журналъ подъ ред. П. М. Ольхина. Спб. **1901. 12.** *Латкинъ, Н.*, Одинъ изъ медвѣжьихъ угловъ Сибири (оконч.). Описаны мѣста и населеніе по р. Кети. Село Кетское. Нарымъ.—Рис.: типы бессарабскихъ молдаванъ. **13.** *Логоцкій*, Пасха на Украйнѣ.—*П. А.*, Новая земля. Послѣднія свѣдѣнія о колонистахъ-самоѣдахъ. — *Михель, Н.*, Загадки казанскихъ вотяковъ. (48 номеровъ).—**14.** *Александровъ, А.*, Тибетская экспедиція (1899 г.): П. К. Козлова, А. П. Казнакова и В. Ф. Ладыгина. Свѣдѣнія о бытѣ уряяхайцевъ, и о киргизахъ кереевцахъ.—**16.** *Лукинъ, Пр.*, Русская рѣчь въ устахъ чувашей.—*Надеждинъ, Н.*, Городъ Трубчевскъ. (Ист. очеркъ). Рис.: двухжирная изба Каргопольск. у. и костюмъ арханг. поморовъ.—**17.** *Семека, Григорій*, Четыреста верстъ въ челнокѣ по р. Біѣ.—Рис.: Мордовскій (пенз. губ.) костюмъ XVIII в.—изъ собранія антиквара П. М. Иванова и задворки крест. избы Симб. губ.—**18.** Рис.: Лопари (Финмаркенъ). Самоѣды Мезенск. у.—**19.** *Чаушанскій, В.*, Куринскіе очерки. Очеркъ I. Жизнь Куры.—*А. Ш.*, Символическое значеніе растеній въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Иверія. **1900**, **181**. Персидская легенда объ арбузѣ. — **278**. Пшав-Хевсуретія. *Пшавлишвили* - **284**. Рукопись „Александріани" *I. Беридзе* **1901**. **30**. Объ ингилойцахъ изъ сел. Коргани. *Парадашвили* **65**. 125-и лѣтній старецъ-грузинъ. *С. Мерквеладзе*.—**82**. Груз. литературный языкъ. *А. Хаханашвили*.

Кавказъ. **1900**. **155**. О нуждахъ и задачахъ грузинско-церковнаго пѣнія. *I. Монадирова*. **170**. Очеркъ кустарныхъ промысловъ Кавказа. — **198**. Весенніе праздники у осетинъ. *Кавказца*.—**200**. Библ.: Извѣстія общества любителей изученія Кубанской обл.—**216**. О современномъ положеніи Новороссійска.—**219**. Пхаръ-ке-бохи. Корейская сказка.—**209**, **210**. Кахетинская желѣзная дорога. — **222**, **224**, **226**. Двѣнадцать дней въ Тушино-Пшаво—Хевсурскомъ округѣ. *Т. К.*—**229**, **231**, **237**. Землевладѣніе и землепользованіе на Кавказѣ. **249**, **254**, **256**, **257**. Курды. *М. Т.*—**260**. Ахтальскій монастырь. *С. Бунятовъ*. **254**, **256**. По Персіи. — **289**. Къ началу груз. прессы. *А. Хаханова*. **275**. Легенды калмыковъ.—**258**. Изъ прошлаго Новороссійска.—**292**. Сословный—поземельный вопросъ въ Дагестанѣ (докладъ г. Гидулянова).—**305**, **306**. Этногр. замѣтки о Карачаѣ. *Г. Ч-ина*. 313. Жертвоприношеніе св. Георгію въ Абхазіи.—О горскихъ евреяхъ. *А. Х.* **316**, **317**. Бытъ, нравы и обычаи туркменъ.—**336**, **337**. Сванетія и сваны. *И. Моисеева*.—**342**. Къ біографіи груз. царевича Вахушти. *А. Хаханова*. - Рождественская ночь (гурійская сказка). *Г. Дорофеева*. **1901**. **1**. Празднованіе новаго года у туземцевъ Кавказа. — **7**. Движеніе населенія у чеченцевъ. *Н. Пантюхова*—**18**. Столѣтіе присоединенія Грузіи къ Россіи *А. Хаханова*.—**39**, **40**. Кобинскій Успенскій монастырь.—**40**. Рус. Ривьера (Сочи)—**78**, **79**, **80**. Изъ кн. Эркерта Kaukasus und seine Völker. К. Ѳ. Ганъ.—**84**. Обычай трещанія на страстной недѣлѣ въ Богеміи.—Плащаница и ея исторія.—**97**. Культъ мертвыхъ на Кавказѣ. *Г. Ч-на*.

Казбекъ. **1900**. **894**, **895**. Дѣти Токпана (киргизская сказка) **908**. Изъ жизни горцевъ (продовольственный вопросъ) *Г. Баева*. **1901**. **977**. — **8**. Въ Дагестанѣ. *Л. М.* — **995**. Къ вопросу объ уздѣнствѣ въ Осетіи. 1018—1019. Курганы Терской и Кубанской областей съ окрашенными костями.

Калужскія Губ. Вѣдомости. **1900**. **36**. *Л. М.* Старина и достопримѣчательности Варшавы.

Міръ Божій. **1900**. **2**. Научная хроника. Буры и туземныя расы Ю. Африки. (Verneau, Les boers et les races de l'Afrique australe). *Н. М.*—Новости иностранной литературы: Les Civilisations de l'Inde, par G. Lebon. **1901**. **1**. *и слѣд.* Въ страну ламъ. Путешествіе по Китаю и Тибету. *В. В. Рокхиля*. Перев. съ англ. подъ ред. *В. К. Агафонова*, съ пред. и прим. *Г. Е. Грумъ-Гржимайло*. Съ рисунками и картой.

Московскія Вѣдомости 1900. **342**. Раскопки лабиринта царя Миноса (по статьѣ „Nature" изъ „Le bulletin de l'art ancien et moderne"). **345**. Археологическія раскопки въ Московской губерніи. (Докладъ гг. *Богоявленскаго* и *Готье* въ засѣданіи Археологическаго Общества 11 декабря. Лѣтомъ текущаго года въ Волоколамскомъ уѣздѣ докладчиками найдены въ могильникахъ головныя украшенія, бусы, браслеты, перстни, гребень, амулеты въ видѣ просверленыхъ звѣриныхъ зубовъ и саксонская монета второй половины XI в. По мнѣнію докладчиковъ, могилы принадлежатъ новгородскимъ славянамъ-язычникамъ этого времени).—**347**. Смѣсь. Мечъ Роланда (преданіе о томъ, что мечъ лежитъ до сихъ поръ въ одной пещерѣ близъ Толедо въ Испаніи).

1901. **8**. Темнота народная (суевѣрія относительно разысканія пропажи, изъ № 2 „Волыни"). **20**. Изъ научнаго міра. Слѣпые рабы у скиѳовъ (докладъ *Мищенка* въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 15 января). **25**. *Я—нъ*. Что ѣли люди доисторическаго времени? **29**. Открытіе древней библіотеки (въ г. Ниппурѣ г. Гильпрехтомъ и „змѣиной стѣны" въ Мексикѣ Леопольдомъ Батресъ, изъ „Nature"). **37**. Библіографія. *А. Н.* Пантюховъ. Ингуши, антропологическ. очеркъ. Тифлисъ. 1901. Ц. **25** к. **38**. Малорусскій говоръ въ Сѣдлецкой губерніи (докладъ г. *Григорьева* въ Славянской коммиссіи Археологич. Общества). **49**. Смѣсь. Бобы въ исторіи. **51**. Смѣсь. Останки валькиріи (? найденъ женскій скелетъ и желѣзные предметы IX в., изъ

„Evenement"). 59. Кострома. Костромской губернскій пчеловодъ *Г. А. Кузьминъ* проситъ присылать этнографическія свѣдѣнія о пчелахъ. 60. Одиннадцать городовъ одинъ на другомъ (раскопки г. Лахиза въ Палестинѣ).—Народныя цѣлебныя травы. 72. Каменецъ-подольскій окружный судъ. Надругательство надъ трупомъ (попытка кражи со свѣчкой изъ жира покойника). - Смѣсь. Обливаніе кипяткомъ (японское празднество въ честь бога Онтаке, изъ „Globus"). 77. Исторія гороха (повѣрія относительно гороха). 79. Новѣйшія раскопки Помпеи (по кн. проф. Варнабай). 80. Торговыя сношенія въ XVII в. (въ понизовьяхъ Дона. Докладъ г. *Бѣляевскаго* въ Археографической коммиссіи Археологическаго общества). 81. Смѣсь. Потонувшія статуи (письмо *Г. Мидльтона* о древне-греческихъ статуяхъ, вынутыхъ изъ моря около о. Чериго, въ Греціи. Изъ „Times"). 98. Смѣсь. Легенды объ Эльбрусѣ (по статьѣ *Сысоева* во II вып. „Извѣстій Общ. Люб. изученія Кубанской области").—Исторія башмаковъ.

Научное Обозрѣніе. 1900 2. Новыя книги. *О. В. Люборъ Нидерле*. Человѣчество въ доисторическія времена. Пер. съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. СПБ. 1898.

Новое Обозрѣніе. 1900. 5453. Записка о каѳедрѣ груз. языка въ Парижѣ *А. Хаханова*. **5460.** Къ судьбѣ нашихъ храмовъ. А. Цинамдзгварова. **5470.** Изъ жизни груз. горцевъ. **5502, 5674.** По Персіи (изъ Решта). **1901. 5650.** Земельный вопросъ у груз. горцевъ. *Кадагидзе*—**5670.** Раскопки древняго храма близъ Эчміадзина. Т. — Библ. *Глушаковъ*. Очерки изъ исторіи Грузіи. *А. Хах-ова*.

Олонецкія губ. Вѣдомости. 1901. 3 и 4. Крещенскія сказанія и повѣрья русскаго народа. (Изъ „П. В").—**5.** *И. Б.* Предстоящій столѣтній юбилей Олонецкой губерніи (3 янв. 1902).—**7.** Историческіе матеріалы: Къ исторіи города Олонца (населеніе его въ половинѣ XVIII в.) Къ исторіи города Каргополя (въ полов. XVIII в., полное безразличіе города и деревни).—**9, 10 и 11** *П. В.* Январь-мѣсяцъ въ народной Руси.—**12, 13, 14.** Хлѣбъ насущный въ сказаніяхъ русскаго народа.—**15, 16, 17, 18, 19 и 20.** Февраль-мѣсяцъ въ народной Руси. **21.** *Елишевъ, А. И.*, Заселеніе сѣвера (изъ „Спб. В.").—**21, 24, 41.** *Ер. К.*, Очерки народнаго міросозерцанія.—**23.** *Наблюдатель*, Изъ деревенскихъ наблюденій. Купля и мѣна.—**36, 37, 42 и 43.** *Георгіевскій, М. Д.*, Кое что объ олонецкихъ рыбакахъ.—**44, 45.** Царскія грамоты Кенскому монастырю. **46, 47, 48.** Народная демонологія.— **51** *В. Г. В.*, Весенній зеленый праздникъ.

Приложеніе къ Вятскимъ Губ. Вѣд. 1900. 42. *Наблюдатель*. Шурминскій заводъ, Уржумскаго у. Знахарь и его паціенты. 15. *И. К.* О мѣстныхъ обычаяхъ (обычное право). Изъ донесенія волостного суда земскому начальнику.

Русскій Архивъ 1901. 2. Семейныя пѣсни Олонецкой губерніи, сообщено *Е. Дмитревскою*.

Семипалатинскія Обл. Вѣд. 1900. 7, 8. *Н. Коншинъ*. Очерки экономическаго быта киргизъ Семипал. области.

Тифлисскій Листокъ 1900, 149. Грузинскій гренадерскій полкъ.—**166** Праздникъ Апшеронскаго полка.—**188.** Раскопки въ Закавказьѣ (произвед. г. Ресслеромъ).—**180, 189.** Изъ семейнаго быта китайцевъ.—**225.** Сутки на Новомъ Аѳонѣ. *Ю. К.* Иллюстр. прибавл. № 24. Святки у славянъ.—Черкесское сказаніе о заключенномъ великанѣ.—

1901. 111. Курганы съ окрашенными костяками на сѣверномъ Кавказѣ.

Уралъ. ежедн. **1901. 1111.** Новый годъ у пермяковъ (Зап. часть солик. у): празднуютъ не нов. годъ, а Васильевъ вечеръ.—**1114.** *Ив-кинъ*, Святочныя развлеченія пермяковъ. (Вечеринки и гаданія. Гаданье на улицѣ - „слушанье", необходимая принадлежность этого—кочерга и икона).—**1131.** N, Пермяцкія пѣсни, записанныя въ Кочевской волости Чердынск. уѣзда. Поются протяжно. 1: Ты вздохни-ко,вздохни, да душа милая, Охъ! вздохни-кось тяжело-тяжелымъ-тяжелешенько! 2: Шурша, Машенька, радошная, Радошная, она весела.—3: Я сидѣла бъ красна дѣвича у окошка.—4: Черноброва Сашка сукота (зазноба), Охъ! черноброва Сашка, черноглаза.—5: Не съ моря ли туманъ да подымается,

Гуси, лебеди да все табунятся.—6: Ты полынь ле моя полынюшка, Полынь горькая трава.—7: За первой было за рѣчушкой огоньки свѣтло горятъ, За другой было за рѣчушкой дѣвки пивушко варятъ.—8: Ты ночка ли, ночка да темная (мужеубійство въ Москвѣ).—9: Ужъ вы, кумушки, сизы голубушки (у дѣвицы нутро заперто; молодецъ нашелъ ключи).—10: Ты заря ли наша зоренька. (Молодецъ, идя изъ кабака встрѣчаетъ дѣвицу)—11: Ходила дѣвонюшка по доброй дубровкѣ (дѣвица нащалываетъ ноженьку; матушка плачетъ.—12: Не пила бы я не ѣла, на милова бы глядѣла. (Милый въ отлучкѣ).—Далѣе авторъ приводитъ свѣдѣнія, каковы сердечныя чувства пермяковъ на самомъ дѣлѣ; дѣйствительность сильно противорѣчитъ пѣснямъ.—1141. Въ Уральскомъ обществѣ любителей естествознанія. Пренія о состояніи музея.—1148. *В. Г.*, Картины изъ быта горнозаводскихъ крѣпостныхъ на Уралѣ.—1149. *Ис-кинъ*, Инвенскій край въ 1861 году. Преданія и историч. свѣдѣнія о пермякахъ до этого времени и во время освобожденія.—1152. XXX-ое годичное собраніе Ур. о-ва люб. естествознанія.—1154.—Картины Усть-Печерскаго края. О бытѣ населенія въ дельтѣ Печеры по сообщенію А. Н. Новосильцева въ Русс. Геогр. Обществѣ въ Спб.—1202. Представители ученаго міра о ритуальномъ убійцѣ. Отвѣты редактору одесской газеты. „Der Interwiewer“ объ употребленіи христіанской крови евреями — Момсена, проф. Корнилля, проф. Фуррера, Рэне Грегори.—1212. *Зотовъ А. Е.*, (учитель), Черемисскій Сабантуй. Передъ посѣвомъ яровыхъ Краснояр. у. справляютъ праздникъ „Ага-Байрямъ“. Наканунѣ у рѣки происходятъ игры, борьба, пляска, музыка и т. д. Потомъ идутъ въ деревню „гнать шайтана“. Утромъ въ самый праздникъ „Ага Байрямъ“ послѣ чая парятся и моются, собираются на моленье близь деревни. Разставляются „приношенія“ рядомъ по числу домохозяевъ; муллы священодѣйствуютъ, — вкушая жертвы. Послѣ окончанія моленія женщины дарятъ муллу яйцами. Далѣе идутъ конскіе бѣга, угощенія и проч. 1211. Желтая Россія. Извѣстный дѣятель Левитовъ ставитъ вопросъ объ экономической опасности со стороны желтой расы на востокѣ Россіи.

Новости этнографической литературы.

Аллемановъ, Дм. Церковные лады и гармонизація ихъ по теоріи древнихъ дидаскаловъ восточнаго осмогласія въ согласованіи съ новѣйшими акустическими и обще-музыкальными законами. М. 8 д., 65 стр.

Алмазовъ, А. И. Врачевальныя молитвы. Къ матеріаламъ и изслѣдованіямъ по исторіи рукописнаго русскаго требника. Одесса. 1900. 8 д., 148 стр.

Альбомъ дорожника по Сибири и Азіатской Россіи. (Виды мѣстностей, зданій, памятниковъ и типы народностей). Томскъ. 1901. ц. 75 коп.

Аничковъ, Е. В. Весенніе очистительные обряды. Кіевъ. 1900. („Чт. въ Ист. Общ. Нест.-лѣт." кн. XIV, вып. 2).

Аннинскій, А. Исторія Армянской церкви (до XIX вѣка). Кишиневъ. 1900. Ц. 2 р.

Апокрифическія сказанія о священныхъ войнахъ Магомета. Съ тюркскаго переводъ К. Мѣдинскаго. Изд. К. Соловьева. М. 1900. 8 д., 106 стр.

Арепьевъ, Н. Ѳ. Путеводитель по окрестностямъ Петербурга. Вып. I. Путь по Балтійской ж. д. Петербургъ—Гатчина. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Археологическая лѣтопись Южной Россіи. Томъ II. 1889 г. Сост. подъ ред. Н. Ф. Бѣляшевскаго. Кіевъ. 1900. Ц. 2 р.

Баденъ-Пауэллъ. Происхожденіе и развитіе деревенскихъ общинъ въ Индіи. Переводъ съ англійскаго Н. Кончевской. М. 1900. 8 д., 171 стр. Ц. 70 коп.

Багенскій, Чеславъ, студентъ. Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Имп. русскаго географическаго общества въ западно-русскій край". Подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Будде. Казань. 1900. 8 д., XVII+66 стр.

Барсуковъ, Николай. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга пятнадцатая. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бильбасовъ, В. А. Историческія монографіи. Т. 2-й. Спб. 1901. Подписная цѣна за 5 томовъ 10 руб.

Большая энциклопедія. Словарь общественныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Подъ редакц. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова. Т. IV, вып. 9—10. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Бочкаровъ, Н. П. Очерки Лубенской старины. Вып. 1-й. М. 1901. Ц. 1 р.

Брандтъ, Р. Краткая фонетика и морфологія болгарскаго языка. М. 1901. Ц. 50 к.

В. И. М. (Сост.) Чехія и чехи. Очеркъ съ картой и рисунками. М. 1901. Ц. 40 к.

Вейденбаумъ, Е. Г. Кавказскіе этюды. Изслѣдованія и замѣтки. Тифл. Изд. Центр. Книжн. торговли. Стр. 320. Ц. 1 р.

Великорусскія народныя пѣсни. Изданы проф. А. И. Соболевскимъ. Т. VI. Спб. 1900. 8 д., 560 стр. Ц. 3 р.

Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. Матеріалы, собранные и приведенные въ порядокъ *П. В. Шейномъ*. Томъ I. Выпускъ 2. Изд. Имп. академіи наукъ. Спб. 1900. 8 д., LVIII+стр. съ 377 по 833. Ц. 3 р.

Веселовскій, Н. И. Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія. 1846—1896. Спб. 1900. Цѣна 4 руб.

Весленевъ. Въ странѣ фараоновъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта. М. Изд. А. Д. Карчагина. Стр. 166. Ц. 2 р.

Виноградовъ, П. Г. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей. Вып. 1-й. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Волкова, Е. Аравія и Магометъ. М. 1901 г. Ц. 40.

Волкова, Е. Первая фабрика на Руси. М. 1901. Ц. 25 к.

Вѣтринскій, Ч. Среди латышей. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Онежскія былины, записанныя лѣтомъ 1871 года. Томъ 3-й. Изд. 2-е. Спб. 1900. 8 д., VIII+562+XVIII стр.

Глушковъ, И. Н. Чердынскіе Вогулы. Этнографическій очеркъ. Съ 3 фототипич. и 1 литографиров. таблицей. (Оттискъ изд. XLV кн. „Этн. Обозр.“). М. 1900. Стр. 64.

Готтенротъ. Исторія внѣшней культуры, вып. 8-й и 9-й. Подписная цѣна за 20 вып.—20 руб.

Гуковская, М. Л. Колдовство въ Литвѣ. Ковно 1900. 8⁰. 11 стр. (изъ Пам. книжка Ков. губ.).

Гурляндъ, И. Я. Акты Романовской Ямской Слободы. Ярославль 1901. Ц. 50 к.

Добровольскій, В. Н. Нѣкоторыя данныя условнаго языка калужскихъ рабочихъ (изъ „Изв. Отд. Р. яз. и слов. Ак. Н.“). Спб. 1900. 8⁰. 25 стр.

Древности русскія. Кресты и образки. Выпускъ II. Собраніе Б. И. и В. Н. Ханенко. Кіевъ. 1900. 4 д., VI+25 стр. и таблицы съ XVII по XXXII.

Жуковичъ, П. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.). Спб. 1901. Ц. 3 р.

Землевѣдѣніе. Періодическое изданіе географическаго отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. 1900. кн. IV. Подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1901.

Иванинъ, И. М. Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе. Ч. I. М. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Кавелинъ, К. Д. Собраніе сочиненій. Т. IV. Этнографія и правовѣдѣніе. Спб. 1900 г.

Карскій, Е. Ѳ. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ. Выпускъ 3-й. Спб. 1900. 8 д., стр. съ 85 по 153.

Катановъ, Н. Библіографія. Литература археологіи, исторіи и этнографіи во второй половинѣ 1899 г. по газетамъ, вѣдомостямъ и нѣкоторымъ журналамъ, получаемымъ обществомъ археол., истор. и этнграф. Отд. изъ XVI т. „Извѣстій общ. арх., ист. и этн. за 1900 г.“. Казань 1900. 12 стр. 50 экз.

Когутъ, А. Знаменитые евреи мужчины и женщины въ исторіи культуры человѣчества. Вып. I. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Краинскій, Н. В. д-ръ мед. Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленія русской народной жизни. Съ предисловіемъ академика В. М. Бехтерева. Новгородъ. 1900. 8 д., 1+II+VI+243 стр., Ц. 1 р. 50 коп.

Крафтъ, К. К. Изъ киргизской старины. Т. П. Киргизскія легенды, сказки и басни. Оренбургъ 1900 г.

Кульбакинъ, С. М. Памятники старославянскаго языка. Вып. I. Хиландрскіе листки, отрывокъ кирилловской письменности XI вѣка. Спб. 1900. 8⁰. 34 стр. Ц. 50 к.

Кунцевичъ, Г. З. Исторія о Казанскомъ царствѣ (ея списки). Спб. 1901. Ц. 1 р.

Кушелева, Г. Г., графа. Письма къ сыну Александру (1812—1826). Черниговъ, 1900. Ц. 1 р.

Лашковъ, Н. В. Мѣстное управленіе въ Молдавіи и Валахіи въ XVII в. Кишиневъ, 1901. Ц. 50 к.

Леманнъ, д-ръ. Иллюстрированная исторія суевѣрій и волшебства отъ древности до нашихъ дней. Перев. съ нѣм. д-ра Петерсена, подъ ред. В. Н. Линдъ. Вып. 10-й. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. М. 1900. 8 д. Стр. съ IX по XII+съ 577 по 613+VII.

Ливій, Титъ. Римская исторія отъ основанія города. Перев. съ лат. подъ ред. П. Адріанова. Томъ II, кн. 6 - 10. 2-е изд. М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

** Livoтовъ, Ефремъ.** Повѣрье о високосномъ годѣ въ связи съ народнымъ представленіемъ о личности преподобнаго Кассіана Римлянина. Холмъ 1900. 8 д., 18 стр., Ц. 12 коп.

М. І. П. Типы бурятъ. (Эскизы). Изд. 2-е. М. 8^{0}. 80 стр.

Максимовъ, А. Н. Русскіе инородцы. М. 1901. Ц. 20 к.

Марковъ, А. (Запис.), Бѣломорскія былины. Съ предисловіемъ проф. Вс. Ѳ. Миллера. Изданіе этнографическаго отдѣла И. О. Л. Е., А и Э. 8^{0}. Стр. XIII+618. Ц. 2 р. 50 к.

Марковъ, Евг. Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія по Закавказью, Туркменіи, Бухарѣ, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областямъ, Каспійскому морю и Волгѣ. 2 т. Спб. Стр. 541+516. Ц. 3 р.

Миллеръ, В. Ѳ. Новыя записи былинъ въ Якутской области. Спб. 1900. 8 д., 1+43 стр., (Отд. оттискъ изъ „Извѣст. отдѣл. русск. языка и словесн. Имп. акад. наукъ", т. V, 1900 г., кн. 1-я).

Милюковъ, П. Н. 5 этнографическихъ картъ Македоніи съ текстомъ. Изд. школьной картопечатни. Спб. 1900. школьная картопечатня Поддубнаго. 4 д., 5 картъ. Ц. 1 руб.

Миролюбовъ, И. П. Восемь лѣтъ на Сахалинѣ. Съ 70 иллюстраціями. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Москвичъ, Г. Иллюстрированный практическій путеводитель по Кавказу. 6-е изд. Одесса. 1901. Въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Москвичъ, Г. Иллюстр. практ. путеводитель по Крыму. Изд. 10-е. О. 1901. Ц. въ перепл. 1 р.

Мсеріанцъ, Левонъ. Этюды по армянской діалектологіи. Часть II, вып. 1-й. Сравнительная морфологія мушскаго діалекта въ связи съ морфологіей грабара и средне-армянскаго. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Мюллеръ, М. Религіи Китая. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Насыровъ, А. К. и Поляковъ, П. А. Сказки казанскихъ татаръ и сопоставленіе ихъ со сказками другихъ народовъ. Казань. 1900, 8 д., 112., стр.

Никитская, Пульхерія. Сборникъ пѣсенъ употребляемыхъ простонародьемъ. 91 русскихъ и 36 переводныхъ: съ башкирскаго, чувашскаго, мордовскаго и черемисскаго языковъ, собранныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ въ продолженіе 10 лѣтъ, съ 1886 по 1896 годъ. Казань. 1900 8 д., 123+V стр., Ц. 40 к.

Общій имущественный законникъ для княжества Черногорскаго (по второму изданію 1898 г). Переводъ М. П. Кусакова, подъ редакціей В. Д. Спасовича. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Оглоблинъ, Н. Н. Обозрѣніе столбцовъ и книгъ сибирскаго приказа (1592—1768 гг.) Часть III. Документы по сношеніямъ мѣстнаго управленія съ центральнымъ. М. 1900. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1900 годъ. М. 1901 8^{0} стр. 88+4.

Пантюховъ, И. И. д-ръ Ингуши. Антропологическій очеркъ. Тифл. 1901. Ц. 25 к.

Перетцъ. В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Т. I. Изъ исторіи русской пѣсни. Ч. 2. Приложеніе. Описаніе сборниковъ псальмъ, кантовъ и проч. Спб. 1900. 8 д., 209 стр., 500 экз.

Петровъ, А. В. Городъ Нарва. Его прошлое и достопримѣчательности (1223—1900 г.) съ 48 иллюстр. и планами. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Погодинъ, А. Л. Изъ исторіи славянскихъ передвиженій. Спб. 1901. Ц 2 р. 40.

Погорѣльскій, М. В., д-ръ. Обрѣзаніе. Происхожденіе, польза и производство этой операціи. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Преображенское кладбище и его прошлое. М. 1901. Ц. 50 к.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой на 1900-й годъ. Саратовъ 1900 Ц. 25 к.

Путешествіе антіохійскаго патріарха въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (По рукописи московскаго главнаго архива Мин. Иностр. Дѣлъ). *Выпускъ* 5-й (Обратный путь. Молдавія и Валахія. Малая Азія и Сирія. Результаты путешествія). Съ 2-мя приложеніями, указателемъ собственныхъ именъ, портретомъ патр. Макарія, снимкомъ послѣдней страницы рукописи и маршрутной картой. М. 1900. 8 д., X+245 стр., Ц. 1 р. 50 коп.

Пыпинъ, А. Н. Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII вѣкѣ (1704—1764) I—V (Отд. оттискъ изъ изв. отдѣл. р. яз. и сл. Имп. акад. наукъ, т. V (1900 г.) Спб. 1900. Т. 8 д., 37 стр.

Рисъ-Дэвидсъ, Т. В. Буддизмъ. Очеркъ жизни и ученій Гаутамы Будды. Перев. съ англ. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Рклицкій, М. Городъ Новгородъ Сѣверскій, его прошлое и настоящее. Изд. редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губ." Черниговъ. 1900. 8 д., 32 стр.

Ровинскій, Д. Русскія народныя картинки. Посмертный трудъ, печатанъ подъ наблюденіемъ Н. Собко. 2 т. Спб. 1900. Ц. 8 руб.

Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ. Томъ 2-й. Изданъ подъ редакціей С. В. Пахмана. (Зап. Имп. русс. географ. общ. по отдѣленію этнографіи, т. XVIII). Спб. 1900. 8 д., IX+429 стр.

Семеновъ, А. Ѳ. Древнегреческая эпиграмма. Очеркъ исторіи греческой эпиграммы. Кіевъ. 1900. Ц. 50 к.

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Второго тома вып. IV-й (съ начала изданія—седьмой). Заграять—закрѣплять. Спб. 1900. Ц. 75 к.

Слюнинъ, Н. В., д-ръ. Охотско-Камчатскій край. (Съ картою). Естественно-историческое описаніе (съ 32 фототип. и 54 цинкогр.) Т. I и II. Спб. 1900. 8⁰. Изд. Мин. Фин. Стр. X+689+III и 165. Ц. 5 руб.

Смирновъ, И. Н. Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ. Вып. I. Развитіе обществ. отношеній. Казань. 1900. 8 д., 178 стр. Ц. 1 р.

Смоленскій, В. Исторія польскаго народа. Перев. съ польскаго—Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, А. А. Пугачевская смута. М. 1901. Ц. 1 р.

Степановъ, Н. П. Народные праздники на святой Руси. Спб. 1900. 8 д., 151+1 стр. Ц. 75 к.

Стороженко, А. В. Очерки переяславской старины. Изслѣдованія, документы и замѣтки. Кіевъ. 1900. 16 д., 1+235. стр.

Сырку, Полихроній. Къ вопросу о подлинникѣ поученій валашскаго господаря Іоанна Нягое къ своему сыну Ѳеодосію. Спб. 1901. Ц. 25 к.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Т. 3-й (книга 6-я). Критическій переводъ Н. Переферковича. Спб. 1901. Подписная цѣна за 6 томовъ (12 книгъ) 12 руб.

Тейеръ, П. И. Путеводитель по Туркестану. Ташкентъ. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Трубицынъ, Н. Н. О русскихъ народныхъ пѣсняхъ, переведенныхъ Пушкинымъ на французскій языкъ. Спб. 1900. 8 д., 38 стр.

Труды Пермской Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. IV. Стр. 160. Ц. 80 к.

Ухтомскій, Э., кн. Изъ китайскихъ писемъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Ханенко, Б. Н. и В. И. Древности Приднѣпровья. Эпоха, предшествующая великому переселенію народовъ. Ч. II, вып. 3. Кіевъ. 1900. 4⁰. 21 стр. + 17 табл. фотогравюръ.

Харузинъ, Ал. Боснія.—Герцеговина. Очерки оккупаціонной провинціи Австро-Венгріи. (Съ картою). Спб. 1901. Ц. 2 р.

Хахановъ, А. С. Очерки по исторіи грузинской словесности. Вып. 3-й Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. М. 1901. Ц. 3 р.

Цвѣтовъ, В. Спутникъ туриста по Кавказу. Съ иллюстраціями. Изд. 2-е. М. 1901 г. Ц. 80 к.

Черевансхій, Вл. Міръ ислама и его пробужденіе. Историческая монографія. 2 части. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Чернышевъ, В. И. Свѣдѣнія о народныхъ говорахъ нѣкоторыхъ селеній Московскаго уѣзда (Отд. оттискъ изъ сборника отдѣл. русс. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, тома LXVIII-го, прилож. № 3). Спб. 1900. 8 д., II+174 стр.

Шапировъ, Б. Наши пограничныя окраины въ Средней Азіи. Путевые наброски. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Щербатовъ, М. М. кн. Сочиненія. Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Томы 1-й и 2-й. Подъ редакціей И. П. Хрущова и А. Г. Воронова. Спб. 1901. Ц. 6 руб.

Языковъ, Д. Д. Михаилъ Петровичъ Погодинъ. М. 1901. Ц. 20 к.

Өедоровъ, И. М. Закаспійская область. Асхабадъ. Стр. V+232+20+7. Ц 3 р.

Хроника.

Этнографическій Отдѣлъ И. О. Л. Е., А. и Э. 11-го и 18 марта въ аудиторіи Историческаго Музея устроилъ *два этнографическихъ концерта* для усиленія средствъ Отдѣла на научныя экспедиціи и изданія. Въ программу концерта вошли пѣсни: великорусскія, малорусскія, бѣлорусскія, польскія, чешскія, болгарскія, а также пѣсни инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, какъ-то: литовцевъ, финновъ, тюрко-татаръ, евреевъ, грековъ, и кавказскихъ народностей. Пѣсни исполнялись солистами и хоромъ, большею частью на языкѣ каждой народности. Концерты были встрѣчены въ публикѣ и въ печати очень сочувственно.

Къ юбилею Петрушевича. Въ „Галичанинѣ" 14 (27) января приведены поздравительныя телеграммы и письма въ честь А. С. Петрушевича, въ томъ числѣ отъ Этнографическаго Отдѣла слѣдующаго содержанія:

„Высоко оцѣнивая плодотворную научную дѣятельность досточтимаго Антонія Стефановича Петрушевича, въ области исторіи, археологіи, и филологіи, Этнографическій отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ, шлетъ ему задушевныя поздравленія со вступленіемъ въ девятое десятилѣтіе его жизни, посвященной высокому труду на пользу науки и общества". Предсѣдатель профессоръ Всеволодъ Миллеръ, секретарь Владиміръ Богдановъ.

Юбиляра поздравляли многія русскія ученыя учрежденія и лица, въ томъ числѣ Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Г. О. Второе отдѣленіе Имп. Академіи Наукъ, филологич. факультетъ Моск. Университета, Харьк. унив., университетъ Св. Владиміра, Истор. Общ. Нестора-лѣтописца, Истор. филол. Об-во при тех. институтѣ, Союзъ русскихъ писателей, Кавказскій учебный округъ, Юрьевскій университетъ и др.

Недавно исполнилось семьдесятъ лѣтъ со дня основанія Финскаго литературнаго общества.

16-го февраля 1831 года небольшой кружокъ молодыхъ университетскихъ преподавателей задумалъ образовать общество, посвященное задачамъ финской литературы. Мысль эта была сочувственно принята К. Н. Кекманомъ, проф. I. I. Нурдстрёмомъ, проф. I. Ильмони, доцентами Г. Рейномъ, I. А. Гадолинымъ, Б. О. Лилле и I. Л. Рунебергомъ, канд. Эл. Лённротомъ и др. (число членовъ-учредителей доходило до 31). Однако программа дѣятельности Общества тогда еще не была ясна для самихъ учредителей; но спустя уже четыре года вышла въ изданіи Общества „Калевала".

Теперь работы, изданныя Обществомъ, представляютъ цѣлую серію. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ доходы Общества состояли только изъ незначительныхъ членскихъ взносовъ; теперь Общество пользуется поддержкой финскаго правительства, у него свои богатые фонды, собственный домъ.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*

Въ серединѣ марта происходило годичное засѣданіе Финскаго литературнаго Общества, на которомъ секретарь, докторъ А. Р. Ніеми прочелъ отчетъ.

Въ теплыхъ выраженіяхъ отчетъ отмѣчаетъ дѣятельность нынѣ покойнаго Ф. В. Рутстена, исполнявшаго въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности секретаря; его неустаннымъ трудамъ и заботамъ Общество обязано своимъ могучимъ ростомъ.

Въ теченіе года Обществу было пожертвовано 25,000 мар. Капиталъ, завѣщанный Обществу ст. сов. Я. Форсманомъ, теперь переданъ въ Общество, и достигаетъ 71.000 мар. Сеймъ передалъ въ распоряженіе Общества 4.000 мар.: 2.000—на выдачу преміи, и столько же на даровую раздачу книгъ. Отчетъ коснулся также вопроса о памятникѣ Лённрота, высказавъ пожеланіе, чтобы онъ былъ изготовленъ къ 9-му апрѣля 1902 г.

Далѣе, отчетъ останавливается на научной дѣятельности Общества за истекшій годъ. Обществомъ задуманъ обширный трудъ, подъ названіемъ: „Словарь народнаго языка" (Kansankielen sanakirja), въ который войдутъ всѣ слова и выраженія финскаго языка. До сихъ поръ собрано до 92.000 карточекъ, отчасти стипендіатами

Общества, отчасти посторонними лицами; на это предпріятіе уже издержано около 6,500 мар.

Среди работъ, предположеныхъ Обществомъ къ изданію, отчетъ упоминаетъ: 1) новое изданіе работы Юл. Крона о „Кантелетаръ" (собраніе народныхъ лирическихъ произведеній), 2) переводъ „Эмиля", Ж. Руссо, 3) переводъ біографіи (поэта) ф. Сигнеуса, написанный Э. Нервандеромъ, 4) старинныя пѣсни финскаго народа, 5) учебникъ ботаники для женскихъ училищъ, 6), 7) этнографическіе этюды о рыбномъ промыслѣ и охотѣ въ Финляндіи, 8) изслѣдованіе о діалектѣ Тюттерсари, 9) переводъ „учебника ботаники" Э. Страсбурга.

Какъ и въ прежніе годы, Общество назначило нѣсколько стипендій для собиранія народныхъ произведеній и другихъ этнографическихъ работъ.

Изъ почетныхъ членовъ Общества скончались за минувшій годъ: генералъ В. К. фонъ-Денъ (ex-министръ статсъ-секретарь В. Кн. Ф.), графъ Ѳ. Л. Гейденъ и баронъ С. В. фонъ-Троиль; также скончались члены-корресподенты: профессоръ Максъ Мюллеръ и проф. въ Гра Г. Мейеръ; избрано двадцать четыре новыхъ члена.

Фондъ имени Эл. Лённрота (на памятникъ) достигъ 50,180 мар. Магистръ Халлстенъ сообщилъ, что новый сборъ доставилъ около 20,000 марокъ. Изъ 3,700 разосланныхъ листовъ возвращено до 1,100, изъ нихъ около сотни пустые.

Библіотека Общества увеличилась на 1,262 тома, вмѣстѣ съ книгами, пожертвованными Я. Форстеномъ и Ф. Рутстеномъ; въ рукописное отдѣленіе поступило 46 нумеровъ.

Магистръ Р. Блумквистъ прочелъ отчетъ комиссіи, присуждавшей награды; наградъ были удостоены Я. Халь, Х. Хансонъ и Юл. Айліо. Послѣ произведенныхъ выборовъ предсѣдателемъ Общества оказался проф. А. Генецъ, товарищами предсѣдателя—проф. Э. Аспелинъ и К. Кронъ, секретаремъ—докторъ А. Р. Ніеми.

Изъ „Hufvudstadsbladet." *Вл. Г.*

Общество финновѣдѣнія. (Kotikielen seura). Недавно общество финновѣдѣнія торжественно праздновало, въ актовомъ залѣ университета, переполненномъ многочисленной публикой, двадцатипятилѣтіе со дня своего основанія.

Торжество было открыто художественною рѣчью проф. Э. Н. Сетэлэ, который яркими чертами нарисовалъ колебанія въ изученіи и обученіи финскаго языка до того дня, когда пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (14-го марта 1851) М. А. Кастренъ былъ утвержденъ впервые въ званіи профессора финскаго языка въ Александровскомъ университетѣ.

Сначала ораторъ коснулся дѣятельности Дан. Юсленіуса, Г. Г. Портана (языковѣдъ и историкъ) и Г. Ренвалля, составителя извѣстнаго финскаго словаря. Далѣе, ораторъ остановился на судьбѣ просьбы студентовъ, заявленной въ началѣ 20-хъ годовъ, о назначеніи преподавателя финскаго языка, пока наконецъ, въ 1828 году не былъ опредѣленъ лекторомъ Чекманъ, котораго впослѣдствіи смѣнилъ К. А. Готтлундъ; въ 1839 году доцентомъ финскаго языка былъ назначенъ Кастренъ. Ораторъ перешелъ затѣмъ къ болѣе подробному изложенію стадій вопроса о профессурѣ финскаго языка. Между тѣмъ какъ въ консисторіи разногласія были незначительныя (вопросъ объ ординатурѣ или экстра-ординатурѣ), въ сенатѣ Клинковстрёмъ высказался противъ того, чтобы преподаваніе финскаго языка было связано со званіемъ профессора; вице-предсѣдатель сената Теслевъ горячо возражалъ ему. Когда въ высшихъ сферахъ вопросъ о профессурѣ былъ одобренъ, консисторія представила ходатайство о назначеніи Кастрена. Во время своего посѣщенія Гельсингфорса, канцлеръ университета Императоръ Александръ II, тогда еще наслѣдникъ престола, лично вручилъ въ консисторіи Кастрену дипломъ на званіе профессора.

Въ концѣ рѣчи ораторъ посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ памяти М. А. Кастрена, возвышенное благородство котораго ораторъ выставилъ, какъ образецъ современному студенчеству.

Теплая рѣчь проф. Сетэлэ была награждена шумными рукоплесканіями.

Магистръ У. Карттуненъ прочелъ длинный отчетъ о дѣятельности общества за истекшее двадцатипятилѣтіе.

Доцентъ Г. Гротенфельтъ напомнилъ собранію о тѣхъ членахъ, которые скончались за этотъ періодъ времени, особенно объ основателѣ Общества Авг. Альквистѣ, Юл. Кронѣ, Вольмарѣ Поркка, А. Г. Калліо, Ю. Шёрусѣ и др.

Студентъ Тойни Окерманъ произнесъ рѣчь о Миннѣ Кантъ, въ болѣе раннiй періодъ ея дѣятельности. Онъ начерталъ картину

ея дѣтства, ея школьные годы и замужество; отмѣтилъ ея первыя литературныя работы, сотрудничество въ газетѣ и наконецъ ея народную комедію „Кража со взломомъ“ (Murtovarkaus).

Наконецъ студентъ Арм. Руотсалайненъ продекламировалъ стихотвореніе Ильмари Каламніуса, о финскомъ языкѣ.

Общество въ день своего празднованія получило до двадцати телеграммъ.

Изъ „Hufvudstadsbladet“. *Вл. Г.*

Подъ предсѣдательствомъ проф. І. Р. Аспелина, въ февралѣ происходило собраніе Финскаго археологическаго общества.

Въ коллекціи Общества были переданы серебрянная монета Императора Александра Севера, найденная въ Гельсингфорсѣ, и эмалированный крестъ, вѣроятно, русскаго происхожденія, отысканный недалеко отъ Нодендаля.

Вдова Л. Кастренъ передала Обществу замѣтки, веденныя въ 1846-7 г. ея свёкромъ, М. А. Кастреномъ во время его поѣздокъ въ Енисейской губ., записи были отысканы среди бумагъ сенатора І. В. Снелльмана.

Ф. О. Лейво, бывшій нѣкогда стипендіатомъ Общества, прислалъ разсказы и др. матеріалы, записанные въ собственной Финляндіи. Прапорщикъ Линдъ (изъ С-Михеля) представилъ въ Общество замѣтки о родовыхъ портретахъ Тигерстедтъ, фонъ-Эссенъ и т. д. Степендіатъ Общества, студ. Б. Седерварфъ прислалъ обширный отчетъ о своихъ археологическо-историческихъ поискахъ въ приходахъ Лаппвеси и Клемисъ.

Докторъ философіи Я. Аппельгренъ [1]) произнесъ въ засѣданіи рѣчь о названіяхъ мѣстностей въ Финляндіи. На основаніи филологическихъ изысканій референтъ отвергъ теорію, которая утверждаетъ, что извѣстная часть названій мѣстъ стоитъ въ связи съ именами скандинавскихъ боговъ и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ о доисторическомъ населеніи скандинавскаго племени въ Финляндіи. Названія, которыя можно относить ко времени викинговъ, въ Финляндіи почти совершенно отсутствуютъ; ихъ слѣды замѣтны только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собств. Финляндіи, на-

---

[1]) Въ отчетѣ о засѣданіи произошла, кажется, ошибка: докладчикомъ названъ Р. Саксенъ.

селенныхъ финнами, и на Оландскихъ островахъ. Шведская колонизація, шедшая въ юго-зап. части Финляндіи, начинается не ранѣе 1000 года или ко времени введенія христіанства въ Швеціи.

Докторъ философіи Р. Саксенъ показалъ на засѣданіи бронзовыя спирали и объяснялъ ихъ назначеніе, какъ украшеніе одежды въ желѣзный вѣкъ.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*

Собраніе финскаго археологическаго общества въ мартѣ. На мѣсячномъ собраніи секретарь доложилъ Обществу о вновь поступившихъ изданіяхъ и подношеніяхъ.

Народный учитель, І. Ніемеле прислалъ очеркъ „Съ морского берега", заключающій, главнымъ образомъ, сообщенія о дѣтскихъ играхъ; согласно предложенію правленія Общества, было рѣшено выдать автору награду, состоящую изъ книгъ, на 25 мар. (= 10 рубл.). Отъ прикащика П. Г. Ханнунена, изъ Кеуру была получена статья о хороводныхъ плясках, съ напѣвами. Магистръ философіи, К. Э. Кахва сообщилъ матеріалы для біографіи пѣвца рунъ (особенно шуточныхъ), Матти Минни (род. въ 1787 г.). С. М. Таллгренъ прислала генеалогію рода Фрейтаговъ (изъ Брехестада), къ которому, между прочимъ, принадлежалъ капелланъ Мунсала, „сильный Фрейтагъ",—также и народные разсказы о немъ.

Докторъ Густ. Гротенфельтъ прочелъ рефератъ объ епископѣ Генрихѣ, въ исторіи и народныхъ преданіяхъ. Упомянувъ о взглядѣ шведскаго ученаго, Шерны, на крестовый походъ Эриха Святого, референтъ, на основаніи шведскихъ и русскихъ источниковъ, доказывалъ, что крестовый походъ и водвореніе шведовъ въ Финляндіи было въ срединѣ XII стол., скорѣе въ 1154 или 1155, чѣмъ 1157 году. О дѣятельности епископа Генриха свидѣтельствуютъ различныя легенды и историческія свѣдѣнія; но что онъ уже во время папы Адріана былъ канонизованъ, съ этимъ референтъ не находилъ возможнымъ согласиться. Такъ какъ крестовый походъ направлялся на „собственную Финляндію" (юго-зап. часть Финляндіи), то тамъ и должно искать преданій объ епископѣ Генрихѣ; вообще, лишь за небольшими исключеніями, преданія о немъ распространялись въ другихъ мѣстахъ. Наиболѣе замѣчательными изъ преданій являются пѣсни о его смерти, также

разсказы объ амбарахъ и житницахъ его; до сихъ поръ еще извѣстны „дороги Генриха“, колыбельныя пѣсни и т. д.

Изъ „Hufvudstadsbladet“.—*Вл. Г.*

22-го марта нов. ст., подъ предсѣдательствомъ проф. барона Э. Г. Палмена, происходило годичное засѣданіе Общества народнаго просвѣщенія.

Литературная дѣятельность Общества выразилась въ цѣломъ рядѣ изданій. Такъ, изъ серіи *А.* вышли изъ печати три книги: 1) біографія Г. М. Армфельта (финл. сановникъ, временъ Импер. Александра I.), С. Ингмана, 2) I. Хейхе, изъ старыхъ обычаевъ восточныхъ финновъ. Свадебные обряды, 3) Грипенбергъ, Географическіе очерки. Англія. Кромѣ того, предпринята серія біографій замѣчательныхъ людей; вышли біографіи Рунеберга и Песталоцци. Календарь Общества изданъ въ количествѣ 25,700 экз.; школьное изданіе „Разсказовъ прапорщика Столя“—въ 20,000 экз., также много различныхъ брошюръ, пѣсенъ, нотъ и т. д.

На пріобрѣтеніе книгъ въ народныя библіотеки въ Общество поступило около 26,000 мар.; народныхъ изданій Общества разошлось на сумму около 2.500 мар.

Для устройства народныхъ библіотекъ Общество отправило минувшимъ лѣтомъ въ восточную Финляндію 12 своихъ стипендіатовъ; средства для поѣздокъ были даны акціонернымъ обществомъ „П. Синебрюховъ“ (10.000 мар.). Въ теченіе года были учреждены 41 библ.

Лѣтомъ Общество устроило общій музыкально-вокальный праздникъ, привлекшій особенно много народу.

Въ общей сложности пожертвованія на народное образованіе достигли крупной цыфры въ 45.000 марокъ; всего израсходовано свыше 141,000 мар.

Число членовъ Общества (съ отдѣленіями) доходитъ до 4,185.

Изъ „Hufvudstadsbladet“ *Вл. Г.*

11-го апрѣля нов. ст. происходило мѣсячное собраніе Финскаго археологическаго общества, на которомъ секретарь доложилъ о новыхъ подношеніяхъ.

Авг. Гранбергъ передала въ Общество старинные предметы, найденные въ Або, какъ-то: мѣдную монету, временъ королевы

Христины (ср. XVII), мѣдную иглу, обломки глиняной посуды и т. д.

Прикащикъ О. Моландеръ (изъ Тюрвисъ) пожертвовалъ ассигнацію, стоимостью въ 75 коп.

Магистръ Э. Нервандеръ передалъ шесть писемъ Эл. Лённрота (изъ 70-хъ годовъ) и три его же записки.

О. Эленіусъ (изъ Тервайоки) прислалъ очеркъ народныхъ обычаевъ, пѣсенъ, характера танцевъ; землемѣръ К. Валлинъ—описаніе (вмѣстѣ съ картой) Линнанвуори, прихода Кангасала.

Стипендіантъ Общества, С. Паулахарью прислалъ около трехсотъ рисунковъ, изъ быта русскихъ кареловъ какъ-то: чертежи, построекъ, рисунки отдѣльныхъ частей дома, его украшеній, надгробныхъ памятниковъ и т. д.

Общество задумало войти въ сношенія съ этнографическимъ отдѣленіемъ венгерскаго музея; было также рѣшено выдать О. А. Лённбуму за словарное описаніе названій мѣстностей (часть буквъ s и t) гонораръ въ размѣръ 275 мар. (=100 рубл).

Кромѣ того, Общество назначило стипендію въ 500 мар. (= 200 рубл.) на поѣздку въ мѣстности, лежащія на восточной границѣ Финляндіи, и въ русскую Карелію, для собиранія предметовъ домашняго обихода; также три стипендіи для историческаго описанія уѣздовъ: Тюрвисъ, Таммела, Юва, Емсе, Лаппо и Сало.

Докторъ В. Валлинъ читалъ рефератъ: „Прежнія представленія финновъ о годѣ". Магистръ Ю. Айліо сдѣлалъ сообщеніе о характерѣ и о времени постройки замка въ Тавастгусѣ. Тавастгусъ упоминается впервые въ исторіи подъ 1308 годомъ, почему и предположили, что онъ возникъ въ эпоху Торкеля Кнутсона. Однако докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что архитектоника замка очень старинная, такъ что онъ былъ возведенъ раньше или, въ крайнемъ случаѣ, одновременно съ киркой въ Хаттула и др., т. е. во второй половинѣ XIII столѣтія.

Наконецъ, магистръ О. Алленіусъ показалъ собранію серебряныя монеты, найденныя недавно въ Або.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*

---

18 апрѣля нов. ст. происходило обычное засѣданіе Шведскаго литературнаго общества.

Предсѣдатель Общества, проф. М. Г. Шюбергсонъ въ теплыхъ словахъ вспомянулъ проф. Фростеруса, учредителя Общества; члены Общества почтили его память вставаніемъ.

По предложенію д-ра П. Нурдманна, было рѣшено помѣщать на будущее время въ журналѣ Общества некрологи членовъ; д-ръ Нурдманнъ взялся написать статью о проф. Фростерусѣ.

Этнографическая стипендія, назначенная для записи названій мѣстъ въ Састмола и Виттисбуфіордѣ, была выдана народному учителю, П. Карлсону (всего соискателей было 7); стипендія для записи историческихъ и мѣстныхъ преданій, разнаго рода игръ, загадокъ, пословицъ, въ Эсбу и Хельсинге (Нюландск. губ.) была опредѣлена студенту Ф. Сундману; стипендія для записи преданій, игръ, загадокъ, пословицъ, суевѣрій и обрядовъ, связанныхъ съ ними, также мелодій (хороводныхъ) въ Кимито, Драгсфіордѣ, Вестансфіордѣ и Финбю въ собств. Финляндіи была назначена студенту Т. Шернешанцу; на стипендію для записи мелодій, игръ, загадокъ и пословицъ въ Евермаркѣ, Пёртумъ, Нерпесъ и Корснесъ (въ Эстерботніи) соискателей не оказалось.

Въ библіотеку Общества, имени Рунеберга, Кн. Окессонъ (изъ Вазы) пожертвовалъ изданіе сербскихъ пѣсенъ (перев. Рунебергомъ) проф. Ф. Густавсонъ передалъ четыре статьи, письма и замѣтки, касающіяся поэта.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*

Панъ-исламское общество „Сенуси". Въ послѣднее время много говорили и писали объ Обществѣ „Сенуси", въ связи съ панъ-исламскимъ движеніемъ, которое послѣ греко-турецкой войны стало очень важнымъ факторомъ. Та цѣль, которую Общество преслѣдуетъ, конечно, давно была извѣстна, но о его дѣятельности свѣдѣній очень мало. Изслѣдователь Африки, Нахтигаль, назвалъ „Сенуси" тайнымъ обществомъ, задающимся пропагандою какъ въ мусульманскомъ мірѣ, такъ и за его предѣлами. Хотя такое опредѣленіе и не исчерпываетъ во всей полнотѣ задачъ общества, оно даетъ правильное понятіе о направленіи его.

„Сенуси" пытаются возстановить исламъ въ его первоначальной чистотѣ такимъ, какимъ онъ былъ во время первыхъ халифовъ, чтобы распространить его во всемъ мірѣ. Идолопоклонники не должны быть терпимы; если они не обратятся въ исламъ, то

будутъ истреблены. Христіане и евреи сохраняютъ свою вѣру, но имъ объявляется безпощадная война до тѣхъ поръ, пока они не покорятся мусульманамъ, уплачивая имъ налогъ.

Такимъ образомъ, вся земля будетъ представлять одну великую мусульманскую теократію, во главѣ которой находится имамъ, сосредоточивающій въ своемъ лицѣ свѣтскую и духовную власть. Конечно, только глава ордена „Сенуси" достоинъ исполнять такія высокія обязанности.

Такой идеалъ есть не что иное, какъ послѣдовательное развитіе основныхъ положеній ислама. „Сенуси" вступаютъ въ суровую борьбу съ тѣми двумя могущественными факторами, которые стараются сохранить исламъ въ его современномъ положеніи: это европейскія государства, у которыхъ есть подданные-мусульмане, и турецкая имперія. Вполнѣ понятно, что орденъ „Сенуси"—смертельный врагъ Европы; но священное братство также ненавидитъ османское правительство, такъ какъ оно ввело въ мусульманскихъ странахъ измѣненія, противныя заповѣдямъ ислама; кромѣ того, „Сенуси" оспариваютъ у турецкаго султана право на халифатъ, потому что, согласно одному изреченію Мухаммеда, власть принадлежитъ его собственному роду, т. е. корейшитамъ. Основатель ордена „Сенуси" и его сынъ (въ настоящее время шейхъ) происходятъ, разумѣется, изъ рода корейшитовъ, именно они—шерифы, т. е. потомки Фатимы (дочери пророка).

Менѣе извѣстно, какимъ образомъ орденъ думаетъ учредить исламскую теократію, хотя она уже и существуетъ въ Сахарѣ, внѣ всякаго надзора со стороны европейцевъ. Также раздаются неизмѣнныя проповѣди объ удаленіи въ такія мѣста, откуда еретическое (европейское) вліяніе изгнано. Судьба нѣкоторыхъ французскихъ путешественниковъ и изслѣдователей показываетъ, какъ оберегаетъ орденъ свои пристанища отъ европейскихъ глазъ.

Дѣятельность ордена выражается въ широкой пропагандѣ, въ которой большое участіе принимаютъ многочисленные монастыри: они принимаютъ въ свою обитель всякаго мусульманина странника и содержатъ его безплатно три дня; за нимъ ревниво ухаживаютъ и въ большинствѣ случаевъ онъ переходитъ въ ихъ секту. Особенно много приверженцевъ секты пріобрѣтаетъ орденъ среди паломниковъ въ Меккѣ, гдѣ у ордена одинъ изъ богатѣйшихъ монастырей. Другой способъ привлеченія въ свою среду новичковъ со-

стоитъ въ томъ, что орденъ считаетъ своими членами мусульманскія общества и собранія, лишь подъ однимъ условіемъ, чтобы они отреклись отъ нѣкоторыхъ еретическихъ обычаевъ (ношенія шелковой одежды, куренья табаку и т. д.) Кромѣ того, всѣ должны признавать въ шейхѣ ордена обѣтованнаго махди.

Какъ сообщаетъ тотъ же Нахтигаль, шейхъ всячески покровительствуетъ шпіонству. Онъ хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что происходитъ въ Европѣ, и знаетъ взаимныя отношенія державъ не хуже любого дипломата. Центрами шпіонства являются Каиръ, Константинополь и Парижъ; еженедѣльно совершается правильное движеніе курьеровъ изъ этихъ городовъ въ Іоффу, гдѣ живетъ самъ шейхъ. Даже въ Трансваалѣ есть шпіоны шейха между индійскими мусульманами, служащими при госпиталяхъ.

Изъ „Hufvudstadsbladet". *Вл. Г.*